

Элизе Реклю.

Избранные Сочинения.

С предисловием П. А. Кропоткина

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ГОЛОС ТРУДА“.
ПЕТЕРБУРГ—МОСКВА.

1921.

Э. Реклю.

Элизе Реклю.

ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ.

Эволюция, Революция и Анархический Идеал.—
Анархия.—Богатство и Нищета.—Анар-
хия и Церковь. — Моему брату
Крестьянину.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ГОЛОС ТРУДА“.
ПЕТЕРБУРГ.

1921.

Эволюция, Революция и Анархический Идеал.

Предисловие.

Оценивать и устанавливать значение Э. Реклю в науке нам не приходится. Всякому более или менее причастному к науке известно, что она потеряла в нем одного из лучших и трудно заменимых своих работников.

Не менее известна и социалистическая деятельность Э. Реклю, по крайней мере западно-европейским социалистам.

В конце 60-х годов он примкнул к федералистическому крылу интернационала, покинув вместе с Бакуниным конгресс Лиги Мира и Свободы.

С тех пор, не покладая рук, он работал для распространения своих анархических взглядов, будущее торжество которых не вызывало в нем ни малейшего сомнения.

Известно участие Э. Реклю в Парижской Коммуне 1871 г., где он под конец был взят Версальской армией с ружьем в руках.

Приговоренный к вечной ссылке в Кайенну, Э. Реклю был вырван оттуда горячими протестами ученого мира (между прочим, Дарвина и Уолеса). По возвращении из ссылки он взялся за свой колоссальный труд „Всемирную Географию“ (18 том.), которую закончил только в 1894 году.

Окончив „Всемирную Географию“, он начал свой последний большой труд „Земля и Человек“ (5 том.), где он разбирает в их взаимной связи эволюцию земли, человека и его учреждений.

Кроме того он сотрудничал в бесчисленном количестве периодических изданий на разных европейских языках. Между прочим, будучи вегетарианцем, он написал несколько статей в его защиту.

Русские и заграничные легальные газеты, посвятившие Э. Реклю, после его смерти, целые статьи, старались зату-

шевать революционную сторону его жизни и деятельности. А между тем, Э. Реклю всю свою жизнь оставался революционером. Единственным выходом из отчаянного современного положения он считал социальную революцию и по мере сил работал для скорейшего ее осуществления.

I.

Эволюция есть бесконечное движение всего существующего, непрерывное изменение мира, как в целом, так и в его частях, от начала веков до бесконечности. Млечные пути, видимые в неизмеримом пространстве, образуются и исчезают в течение миллионов и миллиардов веков, звезды, светила рождаются, скопляются, умирают, движение нашей солнечной системы с его центральным светилом, его планетами и лунами, все, что находится в узких пределах нашего земного шара, вновь возникающие и исчезающие горы, океаны, образующиеся с тем, чтобы потом высохнуть, ярко блестящие в долинах реки, которые высыхают подобно утренней росе, поколения растений, животных и людей, следующих одно за другим, миллионы незаметных маленьких существ от человека до насекомого—все это явления всеобщей великой эволюции, увлекающей все в своем бесконечном движении.

В сравнении с этим основным фактом мировой эволюции что значат эти маленькие явления, называемые революциями астрономическими, геологическими или политическими? — Едва заметные движения, почти призрачные.

Мириады мириад революций сменяют друг друга в мировой эволюции. Но как бы малы они ни были, они являются частью бесконечного движения.

Таким образом, наука не видит никакого противоречия между этими двумя словами: эволюция и революция, которые очень сходны между собою, но которые в обыденной речи употребляются совершенно в ином смысле, различном от их первоначального значения. Не видя в них явлений одного и того же порядка, различающихся только по степени, трусливые люди, боящиеся всяких перемен, придают этим двум словам совершенно противоположный смысл. Эво-

люция—синоним постепенного развития, совершающегося в области идей и нравов,—понимается ими, как нечто противоположное этой страшной вещи—революции, представляющей собой более или менее резкие перемены в мировой жизни. С кажушимся или даже искренним энтузиазмом говорят они об эволюции—медленном развитии, совершающимся в мозговых клетках, в головах и сердцах; но им нельзя говорить о страшной революции, которая возникает внезапно в умах, выливается на улицы, сопровождаясь иногда неистовыми криками толпы и громом оружия. Прежде всего скажем, что эти люди обнаруживают только свое невежество, воображая, что между эволюцией и революцией существует такая же разница, как между миром и войной, между мирной жизнью и насилием. Иногда революции могут совершаться мирно, вследствие внезапного изменения среды и перемещения интересов; точно также и эволюции в обществе могут быть чрезвычайно затруднены, сопровождаясь войнами и преследованиями. И если слово эволюция охотно употребляется теми, которые с ужасом смотрят на революционеров, то это происходит оттого, что они не понимают всего значения этого слова, так как от него то они отрекаются всеми способами. Они говорят о прогрессе в общих выражениях, но сущности его самого не хотят. Они находят, что современный строй, как бы плох ни был, в чем они сами сознаются, все таки должен быть сохранен, — так как им достаточно, чтоб он делал возможным достижение для них их идеала: богатства, власти, значения и комфорта.

Так как существуют богатые и бедные, власть имущие и подчиненные, господа и рабы, властелины, дающие знак к борьбе, и гладиаторы, идущие по их знаку на смерть, то этим благоразумным людям остается только стать на сторону богатых и власть имущих или сделаться куртизанами и льстецами сильных мира. Это общество дает хлеб, деньги, места, почести; и отлично: пусть умные люди устраниваются таким образом, чтобы получить наибольшую часть всех этих благ. Если они родились под счастливым созвездием, которое избавлял их от всякой борьбы, дало им все необходимое в изобилии, то зачем же им жаловаться? Они стараются убе-

дить себя, что все также довольны, как они сами: сытому кажется, что весь мир хорошо пообедал. А если какойнибудь эгоист с детства обижен судьбою и недоволен ею, то у него по крайней мере остается надежда добиться своего интригами, лестью, благодаря счастливой случайности, или даже упорным трудом в пользу власть имущих. Что для него общественная эволюция? Его собственная эволюция к богатству, вот его единственное стремление. Не заботясь о правах всех, он ищет лишь исключительных прав для себя самого.

Существуют однако рабские умы, которые искренно верят в эволюцию идей и питают неопределенные надежды на соответствующее изменение обстоятельств, но которые, тем не менее, с инстинктивным, почти физическим страхом, думают о всякой революции. Они желают ее и боятся ее одновременно: они критикуют существующий строй и мечтают о новом, как будто бы он должен появиться внезапно, вызванный каким то чудом без малейшей ломки и борьбы между грядущим и отжившим. Слабые безвольные люди мечтают, не имея ни сил, ни желания достигнуть своей цели. Принадлежа к обским мирам, они фатально осуждены не служить ни тому ни другому: среди консерваторов они являются разобщающим элементом, благодаря своему образу мыслей; среди революционеров они становятся крайними реакционерами, изменяя обетам своей юности, и как собака, о которой говорит евангелие, возвращаются к тому, что некогда изрыгли. Таким образом во время революции наиболее яркими защитниками старого порядка становятся те, которые когда то зло насмеялись над ним; из сторонников они обращаются в ренегатов. Они замечают слишком поздно, как неловкие волшебники легенды, что они вызвали слишком страшные, темные силы, с которыми они уже не могут справиться,

К другому классу эволюционистов принадлежат те, которые в общей необходимости перемен преследуют только одну сторону их, которой и посвящают себя всецело, забывая все другое. Они наперед ограничивают свое поле действия. Некоторые из них, люди ловкие, пожелали таким образом войти в сделку со своей совестью и работать в пользу будущей

революции без риска для самих себя. Под предлогом посвящения своих сил какой нибудь необходимой ближайшей реформе, они теряют совершенно из вида общий высший идеал будущего и даже откровенно отрекаются от него. Другие, более честные и порядочные, как будто и способствуют общему делу, но веледствии узости своего ума видят и понимают его односторонне. Искренность их убеждений и поведения ставит их вне всякого подозрения: мы их считаем нашими товарищами по делу, хотя с горечью сознаемся, что, ограничившись узким полем действия, борясь против одного какого нибудь частного зла, они как будто санкционируют все другие злоупотребления.

Я не говорю о тех, которые стремятся, например, к реформе орфографии, толкуют об изменении места прохождения меридиана, как о чем то чрезвычайно важном, ополчаются против употребления корсетов и меховых шапок; есть более возвышенные цели, которые требуют от преследующих их и смелости, и упорства и преданности делу; и если они проявляют эти качества, то мы, революционеры, не можем относиться к ним иначе, как с уважением и симпатией. Так, если мы встречаем благородную женщину, преисполненную сострадания к своим падшим сестрам, которая, не боясь общественного мнения, подходит к проститутке со словами любви, протягивая ей руку для борьбы с понижаящим человеческое достоинство агентом полиции нравов или против участкового врача, принуждающего ее являться к себе для освидетельствования и насилующего ее, или против всего общества, с презрением толкающего ее в грязь, никто из нас не остановится перед соображениями общего характера, чтобы отказать смелому борцу против официального разврата в своем уважении. Без сомнения, мы можем сказать такой женщине, что всякая революция в одной области должна соответствовать революции в другой, что возмущение личности против порабощающего его правительства заключается не только в защите человеческого достоинства падшей женщины, но и в защите клейменного каторжника и всякой другой подчиненной или подавленной личности, но мы не можем не восторгаться теми, кто искренно и всецело предан

борьбе даже на таком узком поприще. Точно также мы называем героями людей, которые, в какой бы то ни было стране и когда бы то ни было, отдавались всецело жертвуя собой ради общего дела. Как бы ни было ограничено их поле действия, пусть всякий из нас преклонится перед ними и скажет: „мы должны подражать им на нашем поприще, гораздо более обширном, в нашей борьбе, которая ведется за все человечество“.

Итак, эволюция касается совокупности всех сторон жизни человечества и революция должна тоже касаться всего, хотя не всегда заметен параллелизм в событиях разных областей жизни, из которых складывается жизнь обществ. Всякий прогресс во всякой области соответствует прогрессу в другой области и мы стремимся ко всем им по мере наших сил и знаний к прогрессу в областях социальной и политической жизни, в морали и науке, искусствах, индустрии—эволюционисты во всем, мы одновременно являемся революционерами во всем, зная что вся история есть ничто иное, как последовательное завершение явлений жизни народов, беспрестанно и постепенно подготавливающих к этому. Прямым последствием великой интеллектуальной эволюции, которая освобождает наш ум от всяких предрассудков, является освобождение личности в ее отношениях ко всему окружающему ее.

Таким образом, можно сказать, что эволюция и революция являются сменяющимися друг друга актами одного и того же явления: эволюция предшествует революции, которая, в свою очередь, эволюционирует до новой революции и т. д. Может ли происходить изменение без перемещения центра тяжести в жизни? Разве революция не должна по необходимости быть следствием эволюции, как действие является непосредственным последствием нашего волевого импульса к действию? То и другое различаются только по времени появления. Когда загромождается река, вода собирается и разливается вокруг встретившегося препятствия и мало по малу образуется озеро, потом вдруг она находит выход, наделение камешка решает дело, происходит катаклизм: мощными напорами воды сносится насыпь, озеро исчезает и река течет по старому руслу. Так происходит маленькая революция в природе.

Если революция следует за эволюцией всегда запаздывая, то причиной этого является сопротивление среды: вода ручья шумит в своих берегах, так как они задерживают его течение: гром гремит в облаках, так как атмосфера препятствует выходу искры из облака. Всякое превращение материи, всякое осуществление идеи встречает препятствие в собственной инертной среде и новое явление не может проявиться иначе, как вследствие усилия, которое будет тем сильнее, чем сильнее препятствие. Гердер, говоря о французской революции, сказал: когда семя падает в землю, оно долго кажется мертвым, потом вдруг оно показывает росток, преодолевает покрывающую ее твердую землю и превращается в растение, которое зреет и приносит свой плод. А как рождается ребенок? Девять месяцев он лежит во мраке материнского чрева, и наконец, вырывается на волю, разрывая свертывающую его пелену, иногда даже убивая свою мать. Таковы революции, являющиеся естественными последствиями предшествующих им эволюций.

Существуют изречения, сделавшиеся пословицами, которые люди употребляют машинально, как бы избавляя себя от необходимости вдуматься в их содержание. Такова, например, формула Линнея: „Non facit saltis natura“.

Конечно, природа не делает скачков, но каждая ее эволюция совершается перемещением сил, устремленных к новой цели.

Общее развитие жизни каждого существа в отдельности или целом ряде существ нигде не являет нам прямой непрерывности, а, наоборот, одни явления ее являются после другого как бы насильственно и революционно. — Ветка не прибавляется к ветке, цветок не есть продолжение листка, ни пестик тычинки, яйцо различно от органов, породивших его, сын не является продолжением отца или матери, а становится в действительности новым, различным от родителей существом. Прогресс совершается постоянно изменением явления, исходя от своей точки отправления для каждого отдельного индивида. Генеалогическое дерево существ, как и настоящее дерево, есть собрание ветвей, из которых каждая питается не держащей его веткой, а соком всего дерева. И

для великих исторических революций тот же закон. Когда старые формы жизни не удовлетворяют больше обществ, жизнь требует новых, происходит революция.

II.

Однако не всегда революция означает прогресс, точно также не всегда эволюция стремится к большей справедливости. Все изменяется, все в природе движется вечным, неустанным движением, и если есть прогресс, то может быть и реакция, если эволюция стремится к развитию жизни, существуют другие, которые влекут к смерти. Остановка невозможна. Движение неизбежно в ту или другую сторону, и упрямый реакционер и слащавый либерал, отрекшийся от всякой революции, все-таки идут по пути ее, эволюционируя к смерти и вечному покою. Болезнь, дряхлость, гангрена—такие же эволюции, как возмужалость и юность,—черви, появляющиеся в разлагающемся трупе, как и первый крик новорожденного, служат признаком, что и там, и здесь совершилась революция, физиология и история указывает нам, что эволюция приводит иногда к упадку, как и революция к смерти.

История человечества, несмотря на то, что известна нам лишь за короткий период нескольких тысяч лет, дает нам массу примеров жизни племен, народов, и государств, которые исчезли с лица земли вследствие медленной эволюции, влекшей их к их собственной гибели. Причины этого явления, породившего болезнь обществ, многочисленны. Климат и почва иногда играли в этом преобладающую роль, как это случилось, наверное, в огромных пространствах центральной Азии, где высохли озера и реки и где огромные солончаки покрыли когда то плодородную почву. Нашествие диких враждебных орд разорили некоторые страны до тла, — однако есть и нации, которые могли снова развиться после страшных поражений и многовекового рабства; и если они возвращаются к варварскому состоянию или вымирают окончательно, то причины этого лежат уже в их внутреннем строе-

нии, а не во внешних обстоятельствах. Одна из этих причин, являясь самою главною, разъясняет историю всякого падения: это когда одна часть общества, подчиняя себе другую, большую, захватывает землю, капитал, власть, образование и почести в свое исключительное пользование—и если масса не в состоянии реагировать против подобной монополии кучки людей—она осуждена на смерть, и ее исчезновение лишь вопрос времени. Появляется чума, которая стирает с лица земли этот бесполезный, инертный муравейник индивидов, несумевших завоевать свою свободу. С Востока и Запада появляются разбойничьи племена, и некогда громадные города превращаются в пустыню. Так погибли Ассирия и Египет, так исчезла некогда могущественная Персия, и, наконец, Римская империя—сделавшаяся собственностью нескольких крупных владельцев, пала под ударами варваров, которым не трудно было справиться с ее порабощенным пролетариатом.

Нет явления, в котором эволюция не совершалась бы одновременно в двух направлениях: к смерти и возрождению; она является как бы равнодействующей эволюции прогресса и упадка. Так падение Рима составляет во всей своей сложной совокупности целый ряд революций и соответствующий им ряд эволюций, одни направленные к его уничтожению, другие к возрождению нового мира. Без сомнения, что падение этого громадного общественного организма, поработившего весь мир, послужило к облегчению положения подавленных им народов, и во многих отношениях переселение северных народов, хлынувших на цивилизованный мир, было счастливым для истории человечества событием—многие из порабощенных народностей сбросили с себя иго давивших их поработителей, но науки и промышленности погибли или исчезли на время, произведения искусства разрушались, жглись библиотеки, казалось, что цепь времен порвалась, народы снова впадали в варварство и деспота сменял еще худший деспот; из мертвой религии язычества возродилась новая религия, сделавшаяся еще более жестокой и фанатичной, чем прежняя, и тысячелетняя ночь невежества и безумия, распространяемая попами, нависла над землею.

Точно также другие исторические события могут быть рассматриваемы с двух сторон, соответственно тысячи явлений, которые составили их, которые проявляются в социальных и политических переворотах жизни наций. И действительно, всякое историческое событие или явление толкуются различно, сообразно с глубиной понимания их и предвзятой мыслью толкователя. Известный пример такого понимания является толкование эпохи Людовика XIV, личному гению которого приписывали богатый расцвет французской литературы его времени. „Его взор порождал Корнелиев“, говорили некоторые. Правда, век спустя, никто не осмелился утверждать, что Вольтер Дидро и Ж. Ж. Руссо были обязаны своим гением и существованием взгляду Людовика XIV; однако, еще недавно не были ли мы свидетелями, как англичане превозносили свою королеву, делая ее виновницей всякого успеха, всякого прогресса, совершавшегося в ее царствование. Хотя эта зауридная особа ничем другим, кроме своего присутствия на троне в продолжение шестидесятилетнего долгого периода, не участвовала в этих событиях, принужденная к бездействию самою конституциею своей страны. Миллионы людей, наполнявших улицы, давая друг друга, чтобы видеть ее, хотели во что бы то ни стало видеть в ней всемогущего гения процветания Англии. Такое публичное лицемерие было, быть может, потребностью, так как, устраивая эти официальные торжества королеве-императрице, нация восхищалась собственным величием. Но не все подданные ее участвовали в этом празднестве: ирландские фермеры подняли черное знамя восстания, а в Индии голодные толпы народа разрушали дворцы и казармы.

Существуют однако обстоятельства, когда прославление правительственной власти кажется менее абсурдным и даже может быть на первый взгляд оправдаемо. Возможно, что какойнибудь Марк Аврелий, талантливый министр, могущественный филантроп или просвещенный деспот употребляют свою власть в интересах бедствующего класса, издают полезный закон, являются защитниками слабых против их поработителей, но это только случайное счастливое стечение обстоятельств, которое даже по условиям своей среды является

совершенно исключительным, так как сильным мира сего всегда легче злоупотреблять своим положением, так как им редко доступно истинное понимание положения, даже если бы они, подобно Гарун-аль Рашиду, захотели бы инкогнито сами ознакомиться с нуждами своих подданных. Бывают, конечно, случаи, когда намерения и поступки царей и помощников могут быть вполне благожелательны или по крайней мере направлены в пользу народа, в этих случаях общественное мнение, и сами массы принуждали их к этому и инициатива законодателя сводилась к нулю; они уступают силе, которая могла бы быть губительной для них и которую они на этот раз употребляют в свою и общую пользу, потому что движение масс также часто бывает направлено в сторону прогресса, как и реакции. Современная история Европы и особенно Англии нам дает тысячи примеров, когда более справедливые законы издавались не по доброй воле законодателя, но под давлением анонимных масс: и верховная законодательная власть, декретировавшая подобные законы, является в действительности только простой исполнительной воли народа ее действительного руководителя.

Когда пошлины на хлеб были уничтожены английской палатой, крупные землевладельцы, вотировавшие этот убыточный для них закон, только с большим трудом подчинились необходимости признать справедливость его. Вопреки своим собственным интересам они должны были просто подчиниться желанию масс. С другой стороны, когда во Франции Наполеон III, согласившись с частным мнением Ричарда Кобдена, подписал некоторые правила для облегчения свободы торговли, его не поддерживали ни его министры, ни Палата, ни даже нация, и изданные им законы не могли долго подержаться: его наследники, воспользовавшись первым удобным случаем, отменили их и вернулись к испытанной системе протекционизма, выгодного богатым предпринимателям и крупным землевладельцам.

Столкновения разных цивилизаций приводят к запутанным положениям, при которых легко поддаться иллюзии и приписать „сильной власти“ честь разных мероприятий, менее всего принадлежащей им. Так, например, много гово-

рят о том, что Британское правительство в Индии запретило религиозный обряд сжигания вдов на могилах их мужей, в то время как следовало бы удивляться тому, что это правительство так долго отказывалось под тем или другим предлогом издать это запрещение, вопреки настояниям лучших людей в Европе и самой Индии. Но от чего же, спрашивается, оно так долго покровительствовало толпе фанатичных палачей, не запрещаая практику религиозного обряда, основанного к тому же на фальсифицированном тексте Вед. Конечно, в конце концов запрещение этого обряда было великим благодеянием, хотя сильно запоздавшим, но сколько жестокости нужно приписать этой власти „отеческого попечения“! Сколько налогов, лежащих тяжелым гнетом на население, сколько страданий и мук во время страшных голодных бунтов!

Так как всякое историческое явление можно рассматривать с двух различных точек зрения, то, конечно, невозможно судить о них огулом. Пример даже эпохи Возрождения, положившей конец средневековому мраку, показывает нам, как две эволюции, эволюция реакции и эволюция прогресса могут происходить одновременно. Эпоха Возрождения, которая обратилась вновь к памятникам античного мира, которая освободила науку от схоластических туманностей и ценой суеверия и толкнула человека на путь бесстрастных научных исследований, одновременно убила в корне своеобразный и пышно развивавшийся цветок средневекового (в период коммун и свободных городов) искусства. Это случилось так же внезапно, как разлив реки, уничтожающий посевы прибрежных селений; все должно было начаться сызнова, и как часто банальное и бессмысленное подражание античным образцам заменяло собой оригинальные произведения самобытного таланта, более ценные уже по тому, что они были самобытны?

Возрождение наук и искусств сопровождалось параллельно расколом церкви, известном под именем Реформации. Долго полагали, что эта революция была одна из благотворнейших событий в истории человечества, так как ею было завоевано право на индивидуальную инициативу и освобож-

дена мысль, которую католические священники намеренно держали в рабстве невежества, полагая, что освобожденный человек делается независимым и наступит истинное равенство. Но теперь мы знаем, что Реформация положила только основание ряду новых порабащающих личность церковных общин, вместо прежней единой католической церкви, монополизировавшей все право духовного порабощения.

Реформация передала церковные имущества и доходы в пользование новой власти, и с той и другой стороны стали возникать монашеские ордена иезуитов и их противников, эксплуатировавшие народ новыми способами, Лютер и Кальвин относительно тех, кто не разделял их взглядов, отзывались с такой же фанатической нетерпимостью, как св. Доминик и Инокентий III. Как инквизиторы они шпионили, сажали в тюрьмы, четвертовали, жгли на кострах: их учение точно также требовало безусловного повиновения королям и истолкователям „божественного слова“. Без сомнения существует разница между протестантами и католиками (я говорю о тех, которые исповедуют ту или другую религию совершенно искренно, а не по семейным традициям). Последние наивнее и легковвернее, никакое чудо их не удивляет; первые же более разборчивы в таинственных, но с тем большим упорством держатся они тех, которые ими признаны: они видят в религии личное дело, как бы творческую работу своего духа. Переставая верить, католик перестает быть христианином; между тем как протестант рационалист, изменяя толкование „божественных слов“, обыкновенно переходит только в новую секту: он остается учеником Христа; упорный мистик, он сохраняет иллюзию свободы разума. Народы так же, как и личности, различны в религии, которую они исповедуют и которая более или менее проникает их нравственное существо. У протестантов, конечно, больше инициативы и систематичности в поведении, но эта последовательность становится неумолимо жестокой.

Вспомните религиозное оервение, с каким северо-американцы отстаивали рабство негров, как „божественное учреждение“.

Другое сложное движение относится к великой эволюционной эпохе, кровавыми кризисами которой были амери-

канская и французская революции. О, тогда—по крайней мере так казалось—перемены произошли исключительно в интересах народа и эти великие исторические даты следует считать, как бы освящающими рождение нового человека! Депутаты конвента хотели начать историю с первого дня своей конституции, как будто предшествующих веков не было вовсе и будто человек-гражданин действительно мог считать началом своего существования момент провозглашения своих прав. Действительно, этот период был великой эпохой в жизни наций, несбыточные надежды овладели тогда миром, освобожденная мысль поднялась на такие высоты, каких никогда не достигла прежде, науки возродились, гений открытий бесконечно расширил границы мира и никогда не появлялось такого множества людей, одушевленных новым идеалом, готовых ради него беззаветно жертвовать своею жизнью. Но эта революция, как мы знаем это теперь, была вовсе не революцией всего народа, эта была революция известных слоев общества исключительно в их интересах. Права человека остались чисто теоретическими: провозглашенная одновременно с ними гарантия частной собственности сделала их призрачными. Новый класс жадных хищников принялся за дело накопления богатств, буржуазия заняла место отжившего класса, старого дворянства, уже зараженного скептицизмом и настроенного пессимистически, и новопришельцы стали эксплуатировать неимущие классы с таким усердием и умением, каким не обладали никогда прежние правящие классы. Во имя свободы, равенства и братства совершались всевозможные злодеяния. Во имя освобождения мира, Наполеон вел за собой миллион убийц; для блага дорогого отечества капиталисты создают громадные состояния, строят большие фабрики, организуют могущественные синдикаты (монополии), воскрешая в новой форме прежнее рабство.

Кто не хочет ограничиваться словами, тот должен основательно узнать и вообще критически отнестись к людям, заявляющим о своей преданности делу революции. Недостаточно крикнуть кому нибудь: Революция! Революция! чтобы мы тотчас же пошли за ним, только потому, что он

захотел вести нас. Вполне естественно, что когда, невежа следует своему инстинкту, разъяренный бык бросается на красный лоскут и постоянно угнетаемый народ бросается на первого встречного, которого ему укажут. Всякая революция хороша, поскольку она направлена против гнета со стороны одной личности или целого строя; но если она ведет к установлению нового деспотизма, то можно спросить себя: не лучше ли направить ее по другому пути. Настало время сознательного применения своих сил; эволюционисты, придя к ясному сознанию—что именно они хотят осуществить в ближайшую революцию, не ставят себе задачей поднимать недовольных и произвести смуту без цели и плана.

Можно сказать, что до сих пор ни одна революция не была проведена вполне сознательно, и потому ни одна из них не увенчалась полным успехом. Все эти великие движения, без исключения были почти бессознательными актами со стороны вовлеченных в них масс и если революции и происходили успешно, то только благодаря искусству вожаков, сумевших сохранить хладнокровие и более или менее руководить ими. Реформацию провел и воспользовался выгодами от нее лишь один общественный класс, и Французскую Революцию совершил также один класс, выставивший на систематический расстрел массы несчастных, которые послужили лишь для того, чтобы доставить ему победу, и извлекающий теперь все выгоды от революции. Еще и в наши дни „четвертое сословие“ игнорируя крестьян, заключенных, бродяг, безработных и всевозможных отщепенцев, не впадает ли так же в ошибку, считая себя особым классом и работая не для всего человечества вообще, но для своих избирателей, кооперативных союзов и лиц, доставляющих им средства.

Всякая революция имеет свое сегодня и свое завтра. Сегодня народ толкают в бой, завтра будут призывать его к благоразумию; сегодня его уверяют, что восстание есть священнейший долг, а завтра будут проповедывать, что „наилучшая республика—есть королевство“, или, что высшее самопожертвование состоит в том, чтобы „перенести три несчастных месяца, ради общественного блага“, или пожалуй еще лучше, что никакое оружие не может заменить

избирательного билета. Поток истории с периодическими революциями похож на реку, запружаемую время от времени плотинами. Каждое правительство, каждая победившая партия стремится в свой черед запрудить этот поток, чтобы утилизировать его возможно более для своих мельниц. Надежды реакционеров и заключаются именно в том, что так будет всегда и что народ, подобно стаду баранов, позволит постоянно сбивать себя с своей дороги и одурачивать при посредстве солдат, или краснобаев адвокатов.

Этот вечный круговорот, который раскрывает нам в прошедшем ряд революций, частью неудавшихся, бесконечную работу следующих друг за другом поколений, подобно бесконечным волнам, беспрестанно ударяющихся в скалу, разбиваясь о нее,—это ирония судьбы, которая показывает, как пленники разбивают свои цепи, чтобы дать заковать себя снова, все это служит причиной великой нравственной смуты и среди своих товарищей нам приходилось видеть таких, которые, утратив надежду и утомившись до битвы, складывали руки и отдавались на произвол судьбы, покидая своих братьев. Вот чего они не знали, или знали наполовину, т. е. ясно еще не видели того пути, по которому должны были идти, или вернее, они надеялись, что судьба, подобно попутному ветру, надувающему паруса корабля, приведет их к цели: они надеялись на успех, не благодаря знанию законов природы или истории, не благодаря своей упорной воле, но благодаря счастливой случайности или руководясь каким то смутным стремлением, подобно мистикам, которые, ступая по твердой земле, воображают, что ими руководит с неба путеводная звезда.

Писатели, проникнутые чувством своего превосходства, глубоко презирающих волнения толпы, обрекают человечество всецело двигаться таким образом в безвыходном, заколдованном кругу. По их мнению, толпа совершенно неспособна к самостоятельному мышлению, и неизбежно поддается демагогам, которые, преследуя свои интересы, направляют массы от прогресса к реакции и обратно. Действительно, в массе индивидов, тесно сплоченных друг с другом, легко создается общая всем душа, всецело подчиняю-

щаяся одной страсти, проявляющаяся в одних и тех же криках энтузиазма или отчаяния,—это как бы одно существо с тысячью голосов, безумных от любви или ненависти. В течение нескольких дней, нескольких часов водоворот событий увлекает одну и ту же толпу к самым противоположным проявлениям—восторга или проклятий. Те из нас, которые сражались за коммуны, знают эти страшные приливы и отливы народных волн. Когда мы отправлялись на баррикады, нас провожали трогательными приветствиями, слезами восторга в глазах, женщины нежно махали платками. Но как принимали тех из вчерашних героев, которые, избегнув смерти, возвращались, как пленники, окруженные солдатами. Во многих кварталах толпа состояла из тех же самых людей, но какой полнейший контраст в ее чувствах и настроениях! Какие негодующие крики и проклятия. Сколько дикой ненависти в ее глазах: „Смерть! Смерть! Расстрелять их. На гильотину!“

Однако бывает толпа и коллективное сознание, слагающееся из тысячи индивидуальных, хотя бы и следовало полученному импульсу, все же более или менее ясно дает себе отчет, по характеру своей эмоции, действительно ли хорошо то, что совершенно. С другой стороны не подлежит сомнению, что вместе с прогрессом человечества увеличивается число людей, сохраняющих сильно развитую индивидуальность и остающихся самими собою, со своими собственными убеждениями и самостоятельным образом действий.

Иногда таких людей, думающих более или менее одинаково, самих бывает достаточно, чтобы составить целое собрание, настроенное единодушно и с одинаковыми стремлениями; без сомнения бессознательные инстинкты и привычки могут и здесь выступить наружу, но только на время, и личное достоинство берет верх. Обыкновенно такие собрания, члены которых уважают друг друга, очень отличны от крикливых собраний масс, способных опускаться до зверства. По своей численности они представляют как бы толпу, но по той выдержанности, которую они проявляют—это группа личностей, остающихся вполне самими собой, с своими собственными убеждениями, составляя вместе с тем

в своем целом как бы высшее существо, сознающее свою волю и осуществляющее ее в своей работе. Часто сравнивают толпу с войском, которое смотря по обстоятельствам или увлекается охватывающим всех безумным героизмом или обращается в бегство в паническом страхе. Но в истории нет примера таких сражений, в которых бы люди смелые и решительные боролись до конца совершенно сознательно и с непреклонной решимостью.

Конечно, колебания толпы имеют место, но в какой мере? Чтобы ответить на этот вопрос, надо обратиться к событиям. Для того, чтобы констатировать прогресс, следовало бы установить: насколько увеличилось в историческом процессе число мыслящих людей, сознательно действующих в одном направлении, не заботясь ни об одобрении, ни о порицании толпы. Но подобная статистика тем более невозможна, что даже среди новаторов не мало таких, которые являются таковыми только на словах, в действительности же легко дают увлечь себя окружающим их мыслящим молодым товарищам. С другой стороны много таких, которые из гордости и тщеславия стараются казаться непоколебимыми, как скала перед потоком событий, но однако теряют почву под ногами и помимо воли меняют свой образ мыслей и свою речь. Кто же теперь в откровенной беседе не признает себя социалистом? Хотя бы уже по тому, что он старается отдать себе отчет в аргументах противника, он должен честно понять их, до известной степени даже разделить их и ввести в общее понятие об обществе, отвечающее его идеалу совершенства. Сама логика требует усвоения чужих мыслей и дополнения ими своих.

Мы революционеры должны действовать подобным же образом. Мы также должны стараться понять совершенно искренно и правдиво все идеи наших противников, мы должны сделать их своими, но придавая им истинный их смысл. Все запоздалые рассуждения наших оппонентов с их устарелыми доводами, конечно, найдут себе надлежащее место, но не в будущем, а в прошлом. Они принадлежат философии истории.

III.

Период чисто инстинктивных движений теперь уже миновал: революции не будут уже совершаться случайно, потому что прогресс становится все более и более сознательным и разумным. Животное или ребенок всегда кричит, когда его бьют, и вообще реагирует известным движением или ударом; так и мимоза складывает свои листья от всякого внешнего раздражения; но от этих произвольных движений далеко еще до систематической и упорной борьбы против гнета. Народам прежде казалось, что события следуют одни за другими без всякого порядка, но они, наконец, начали познавать связь между ними и их неумолимую логику, они начинают понимать, что им следует держаться известного образа действий, чтобы выйти победителями. Социальная наука, указывающая причины рабства и как противоядие—средства освобождения, понемногу освобождается от хаоса противоречивых мнений.

Первый факт, разъясненный этой наукой, тот, что никакая революция не может совершиться без предшествующей ей эволюции. Конечно, древняя история рассказывает нам о множестве так называемых „дворцовых революций“, т. е. о замене одного короля другим, какого либо министра или фаворитки другим советником или новой фавориткой. Но подобные перемены, не имеющие ровно никакого общественного значения и касающиеся в действительности только отдельных личностей, могли совершаться без малейшего содействия со стороны народных масс: для этого оказывалось достаточно, чтобы нашелся наемный убийца с хорошо отточенным кинжалом, и трон будет иметь нового заместителя. Без сомнения, прихоть короля могла тогда вовлечь королевство и толпу подданных в непредвиденные авантюры, но народу, привыкшему к послушанию и покорности, оставалось только сообразоваться с желаниями свыше: он не пытался выражать свое мнение о делах, которые ему казались неизмеримо выше его ограниченной компетенции. Точно также в стране, которую оспаривали друг у друга две враждебные династии с

своими аристократическими и буржуазными кленентами, ка-
жущиеся революции могли совершаться при помощи убийств;
такой заговор убийц, благоприятствуемый успехом, передавал
tron другому лицу, изменяя личный состав правительства;
но какое значение имеет это для угнетенного народа. Нако-
нец, в таком государстве, где основание власти было не-
сколько расширено существованием оспаривавших главен-
ство классов, стоявших над бесправной толпой, заранее обре-
ченной на полное подчинение торжествующему классу, еще
возможны уличные битвы, сооружение баррикад и провоз-
глашение временного правительства в городской ратуше.

Но новые попытки в этом направлении едва ли могут
удаться в наших городах, обращенных в укрепленный лагерь,
с казармами и цитаделями; уже последние „революции“ в
этом роде имели только временный успех. Так в 1848 г.
Франция шла, лишь прихрамывая за теми, кто провозгласил
республику, не зная, что они понимали под этим словом, и
воспользовались первым случаем, чтобы повернуть в другую
сторону. Масса крестьян, с мнением которых не справлялись,
но которая тем не менее все же заявила его — правда не-
ясно, темно, неопределенно, но все же сумела выразить до-
вольно ясно, что пока эволюция крестьянства не заверши-
лась—оно не хочет революции, которая тем самым оказалась
преждевременной; едва прошло три месяца со времени рево-
люционного взрыва, как масса избирателей восстановила
старый порядок в его традиционной форме, к которому еще
тяготели их рабские души: так вьючное животное по при-
вычке подставляет свою надорванную спину под новую тяжесть.
Точно так же революция коммуны, столь удивительно удав-
шаяся и неизбежно вызванная обстоятельствами, очевидно
не могла восторжествовать, потому что она была совершена
только половиной Парижа и опиралась во всей Франции
только на промышленные центры: начавшийся отлив зато-
пил ее в море крови. Теперь уже недостаточно повторять
старые формулы *Vox populi, Vox Dei* и испускать воинствен-
ные крики, развеивая в воздухе знаменами. Достоинство граж-
данина может при известных обстоятельствах потребовать от
него, чтобы он воздвигал баррикады, защищал свою страну,

свой город или свою свободу; но он не должен воображать, что хотя бы малейший вопрос мог быть отдан на неверное решение ружейных пуль.

Преобразование должно совершиться в головах и сердцах прежде чем напрячь мускулы и превратиться в исторический феномен. Однако, что верно относительно прогрессивной революции, не менее верно и относительно революции регрессивной или контр-революции. Конечно партия, захватившая правительственный класс, располагающий высшими должностями, почетом, деньгами и общественной силой, может причинить очень много зла и в известной степени способствовать ослаблению тех, у которых он узурпировал ее; однако он может воспользоваться своей победой только в границах, определяемых равнодействующей общественных мнений, в иных случаях ему придется отказываться от рискованного применения уже декретированных мер и законов, вотированных собраниями покорных их воле представителей. Моральное и интеллектуальное влияние среды постоянно сказывается на обществе в его целом, с одинаковой силой на людях, стремящихся к господству, как и на послушной толпе добровольных рабов, и в силу этого влияния колебания двух концов оси могут отклоняться в ту и другую сторону лишь довольно слабо.

Однако, как это и свидетельствует современная история, сама эта ось перемещается постоянно вследствие тысяч частичных изменений, происходящих в мозгу людей. Надо обратиться к самому индивиду к этой первоначальной клеточке общества, чтобы найти причины общего преобразования с его множеством видоизменений, сообразно времени и месту. Если с одной стороны мы видим отдельного человека, подверженного влиянию всего общества с его традиционной моралью, религией, политикой, то с другой мы присутствуем при таком зрелище, когда свободный индивид, хотя и ограниченный в пространстве и продолжительностью своей жизни, все-таки успевает оставить отпечаток своей личности на окружающем мире, изменить его определенным образом, открыв какой-нибудь закон, создав великое произведение искусства, или новую, неведомую дотоле машину, а иногда даже

бросить миру новое слово, которое он уже не забудет. Не трудно отыскать в истории ясные следы многих тысяч героев, о которых известно, что они лично самым существенным образом содействовали общественному прогрессу.

Очень значительное большинство людей состоит из личностей, которые живут как растение и нисколько не стараются воздействовать ни в хорошем, ни в дурном направлении на среду, в которой они тонут, как капля воды в океане. Нисколько не желая преувеличить здесь действительное значение человека, сознательно относящегося к своим поступкам и решившего применить свои силы согласно своему идеалу, мы можем сказать наверное, что такой человек представляет собой целый мир по сравнению с тысячей других, мысль которых находится в полуголодном или погружена в глубокий сон, и которые бредут без малейшего внутреннего возмущения, напр., в рядах армии или процессии пилигримов. При подобных обстоятельствах воля одного человека может столкнуться с стихийным движением всего народа. Известны случаи героической смерти при великих исторических событиях в жизни народов, но еще более значительна была роль личностей, посвятивших свою жизнь общественному благу.

Здесь необходима особая осторожность, так как возможно недоразумение и, говоря „о лучших людях“, легко смешать это слово со словом „аристократия“, взятом в его обычном смысле. Многие писатели и ораторы, в особенности из принадлежащих к тому классу, из которого вербуются лица, облеченные властью, охотно говорят о необходимости призвать к общественному управлению избранную группу, которую сравнивают с мозгом в человеческом организме. Но что это за „избранная группа“, в интеллектуальном и моральном отношении, которая будет в состоянии безапелляционно удерживать в своих руках управление народами. Нужно ли еще говорить, что на этот вопрос все те, которые царствуют и повелевают: короли, принцы, министры и депутаты, самодовольно оглядываясь, весьма наивно отвечают: „мы—эти избранные, мы представляем мозговую аппарат великого политического тела“. Сколько горькой иронии в этом высокомерии официальной аристократии, воображающей себя действи-

тельной аристократией мысли, инициативы умственного и нравственного развития. Скорее верно обратное, или оно по крайней мере содержит значительную долю истины: во многих случаях аристократия заслуживала название „каристократии“, как выражается в своей истории Леопольд Ранке. Что сказать, например, о тех развратных аристократах и аристократках, которые толпились в загородных виллах Людовика XV, а в современную эпоху о самом цвете французского дворянства, показавшем себя недавно во время пожара благотворительного базара, когда мужчины, спасая свою жизнь, пробивали себе дорогу ударами палок и сапогов в спины и животы женщин.

Без сомнения те, которые обладают состоянием, имеют больший доступ к самообразованию и наукам, но в то же время и большую возможность испортиться и развратиться. Лица, привыкшие к лести, каким обыкновенно является всякий власть имущий, будь то император, или начальник канцелярии, легко могут быть обмануты и никогда не знать истинного положения дел. Им живется слишком легко, у них нет возможности самим научиться борьбе за существование, они эгоистически ждут всего от других, угрожаемые опасностью впасть в грубые излишества и утонченный разврат, так как лица самого порочного поведения их окружают, какстая шакалов свою добычу, и чем ниже они падают, тем значительнее становятся в своих собственных глазах, привыкнув к грубой лести окружающих их; сделавшись скотами, они воображают себя богами и лежа в грязи, думают, что окружены ореолом. А кто те, которые стремятся захватить власть, чтобы заместить собою привилегированных избранных по богатству и происхождению, считая себя новыми избранныками так называемой умственной аристократией? Кто эти политики, ловкие льстецы уже не королей, а толпы. Один из противников социализма и защитник того, что называют „добрыми принципами“, г. Леруа-Болье ответит нам на вопрос об этой аристократии словами, которые в устах ариархиста показались бы слишком резкими и несправедливыми: „современные политики всех степеней, говорит он, начиная с муниципальных советников и кончая министрами,

представляют собой, взятые в массе, за немногими исключениями, один из наиболее ограниченных и отвратительных классов сикофантов и куртизанов, какие когда либо знало человечество. Их единственным стремлением является низкая лесть, поддержание предрассудков, которые они в большинстве случаев сами разделяют, не давая себе никогда ни, времени ни труда на размышления и наблюдения“. Наконец, лучшее доказательство того, что обе „аристократии“ — одна из которых держит в своих руках власть или старается захватить ее, а другая действительно состоит из своих „лучших“ представителей, не могут быть смешаны, нам дает история своими бесконечными кровавыми страницами. Рассматриваемая в своей совокупности летопись человечества, может быть определена, как повествование о вечной, непрерывной борьбе между теми, которые, сделавшись хозяевами положения, пользуются властью, добытую целыми поколениями своих представителей, и теми, которые рождаются полными энтузиазма и стремления к творческой деятельности. Обе эти группы „лучших“ находятся в беспрестанной войне и исторической миссией первых является преследование, порабощение и убийство вторых. Эти официальные „наилучшие“ — сами боги, которые приковали Прометея к скале Кавказа и со времени этой мифической эпохи всегда „наилучшие“, т. е. императоры, папы и всевозможные властелины, заключали в тюрьмы, пытали и жгли новаторов и проклинали их произведения. Палачи всегда состояли на службе у этих „избранных“ рода человеческого. Находятся и ученые, берущие под защиту их дело. Не говоря уже об анонимной толпе, которая не умеет мыслить и замыкается в своих привычках, находятся ученые и талантливые люди, которые делают теоретиками абсолютного консерватизма, чтобы не сказать реакции, и которые стараются удержать общество, так сказать остановить его движение, как будто существует возможность удержать силой то, что находится в вечном движении, как несущиеся в пространстве небесные тела. Эти противники прогресса, ненавидящие все новое, видят во всяком новаторе, т. е. человеке мысли и идеала, только сумасшедшего. Их любовь к неподвижности общества доводит их до признания полити-

ческими преступниками тех, которые критикуют существующее и стремятся к неизвестному. А между тем они признаются, что раз новая идея получила право гражданства в умах большинства, ей нужно подчиниться, чтобы не оказаться революционером, выступая против общественного мнения. Но в ожидании этой неизбежной революции, они требуют, чтобы с адептами ее поступали, как с преступниками и чтобы сегодня наказывали за поступки, которые завтра будут считаться обязанностью каждого действительно честного человека, они бы заставили выпить яд Сократа, возвели бы на костер Яна Гуса, тем более на гильотину Бабефа, так как Бабеф и в настоящее время является еще новатором. Они обрекают нас на все ужасы лишения общества, не потому, что мы неправы, но потому, что мы несвоевременно правы. Мы живем в век инженеров и солдат, для которых все должно быть вытянуто в струнку. „Уравнение“ вот лозунг этих нищих духом, которые понимают только красоту в симметрии и жизнь в мертвой неподвижности.

IV.

„Освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих“, говорит одно из положений Интернационала. И это положение верно в самом широком смысле слова. Если верно, что „избранники“ всегда воображали, что они призваны осчастливить народы, не менее верно и то, что всякий человеческий прогресс мог совершиться только благодаря собственной инициативе восставших или даже только свободными гражданами. И так наша свобода должна быть собственным делом всех нас, чувствующих себя угнетенными чем бы то ни было и солидарными со всеми оскорбленными во всем мире. Но для того, чтобы бороться, нужны знания. Недостаточно, подобно кимврам или тевтонам, бешено броситься в борьбу с дикими криками под звуки боевых рогов. Настало время предвидеть и рассчитать все перипетии борьбы, чтобы научно подготовиться к победе, которая должна принести социальный мир. И первым условием триумфа должно

быть освобождение от нашего неведения. Нам нужно уметь разрушить все предрассудки, устранить все враждебные элементы, все препятствия, а с другой стороны не забывать ни одного из ресурсов, которыми можно воспользоваться, ни одного союзника, доставляемого исторической эволюцией. Мы хотим знать. Мы не признаем, чтобы наука была привилегией немногих и чтобы люди, находящиеся на вершине горы, как Моисей, или на троне, как стойк Марк Аврелий, на Олимпе или картонном Парнасе и просто даже в академическом кресле, предписывали нам поведение, хвастаясь знанием вечных законов. Конечно, между этими людьми, священнодействующими на своих высотах, находятся такие, которые могут переводить довольно сносно с китайского, разбирать письма времен Каролингов, изучать пищеварительные аппараты клопов, но и между нашими друзьями находятся люди, знающие это, которые однако не претендуют поэтому на управление нами. Кроме того, уважение, которое мы питаем к этим людям, не должно нисколько мешать нам свободно обсуждать речи, с которыми те благоволят обращаться к нам со своих высот. Мы не подчиняемся декретированной истине, мы приобщаемся к ней только посредством изучения и критики и научаемся устранять всякое заблуждение, хотя бы оно и было признано официальной наукой.

И сколько раз темному народу приходилось сознаваться, что его ученые воспитатели могли научить его только покорно и радостно идти на бойню, подобно праздничному быку, рога которого украшали гирляндами из золоченой бумаги.

Дипломированные профессора пытаются описать нам все прелести и выгоды, которые представляет правительство, состоящее из таких высокопоставленных личностей, как и они сами. Философы, как например Платон, Гегель, Огюст Конт гордо требовали права на управление миром. Писатели и ученые, как Гонорэ Балзак и Густав Флобер, если стоит только упоминать о покойниках, также требовали этого права для всякого гения, т. е. другими словами для самих себя. Совершенно не стесняясь, говорили о „правительстве мандаринов“. Да избавит нас судьба от таких правителей, вклю-

бленных в самих себя и полных презрения ко всем представителям „презренного большинства“, или „гнусной буржуазии“. Вне их славной персоны не было ничего, достойного их внимания и, не считая приближенных к ним, все остальное казалось им только мимолетной тенью. А между тем их книги, несмотря на весь их талант, нам доказывают, что эти гении были весьма посредственными пророками: никто из них не понимал будущего лучше, чем последний из пролетариев, и не в их школе нам придется учиться бороться за наше право. В этом отношении самый последний и мало известный из рядовых борцов может нам быть гораздо полезнее.

Те крупинки знания, которые мы имеем из истории, указывают уже нам, что настоящее полно бесконечных злоупотреблений, которых возможно было бы избежать. Те беспрепятственные и повторяющиеся опустошения, которые производят современный социальный режим, значительно превосходят все то, что могут произвести непредвиденные явления в природе: наводнения, циклоны, землетрясения, извержения цепла и лавы. Трудно понять, как неизлечимые оптимисты, которые вопреки всему утверждают, что все идет к лучшему в этом лучшем из миров, могут закрывать глаза на ужасное, невыносимое положение миллионов людей наших братьев. Различные стихийные несчастья экономического, политического, административного, или военного порядка, которые поражают так называемые цивилизованные общества, не говоря уже о племенах дикарей, имеют бесконечное число жертв, а те счастливицы, которых эти бедствия не затрагивают, как будто не замечая эти бесчисленные гекатомбы, стараются устроиться как можно лучше и спокойнее, как будто бы все эти бедствия не являются осязательной действительностью.

Разве не правда, что миллионы людей в Европе, носящие военный мундир, должны целыми годами забывать о своем праве говорить и мыслить вслух, принять рабские привычки и подчинить свою волю начальству и дойти до состояния беспрекословно стрелять в своего отца или мать, если того потребует какойнибудь слабоумный деспот?

Не правда ли также, что другие миллионы людей, принадлежащие более или менее к правительственному меха-

низму, также подчинены и принуждены гнуть шею перед одним, подчинять себе других и вести какое то условное искусственное существование, совершенно бесполезное для прогресса? Не видим ли мы также, как ежегодно миллионы так называемых преступников, нищих, бродяг и безработных вапирают в тюрьмы, подвергая их всем ужасам одиночного заключения. И, как следствие этих прекрасных политических (социальных) учреждений, не поддерживается ли ненависть людей друг к другу, народа к народу, касты к касте? Не находится ли общество в таком положении, что, несмотря на усилие и самопожертвование многих истинных друзей человечества, голодный может легко умереть с голоду на улице в виду булочной, а чужестранец может очутиться одиноким и покинутым всеми, без друга, среди сутолоки громадного города, населенного миллионами людей братьев? Мы живем не на вулкане, а в самом вулкане, в каком то мрачном аду, и если бы у нас не было веры в лучшее будущее, не было бы непоколебимого желания жить и бороться за него, что оставалось бы делать нам, как не умереть, как это и советуют нам, хотя и не решаясь сами на это, столько жалких писак и как это делают увеличивающееся с каждым годом число, целые легионы, отчаявшихся в жизни? Итак, с самого начала для нас открываются новые элементы истинного познания: наш социальный строй со всеми его ужасами. „Познать страдания“ таков первый параграф закона Будды. И мы познали страдания. Мы его познали настолько хорошо, что в мануфактурных округах Англии болезнь называют отдыхом: чувствовать себя изнуренным болезнью является чуть ли не удовольствием для раба, принужденного к насильственному труду на фабрике. Но как „избегнуть страдания“. что составляет вторую стадию познания по учению Будды? Мы начинаем узнавать и это, благодаря изучению прошлого. История, как бы далеко мы ни заходили в глубь веков, как бы тщательно мы не изучали общество и народы цивилизованные или варварские, живущие под полицейской ферулой, или примитивные — история нас учит. что всякое повиновение есть отречение от самого себя, что всякое рабство есть преждевременная смерть, она нас также

учит, что всякий совершающийся прогресс прежде всего осуществляется во все большем и большем освобождении личности, в равенстве и все большем согласии между собой граждан; что всякий век новых открытий был вместе с тем и веком, во время которого политическая и религиозная власть слабели и когда человеческая мысль, пробивалась вперед из замыкающих ее оков, как пробивается из расщелины скалы нежный пучек зелени. Великие эпохи творческой мысли и искусства, которые наступают после продолжительных перерывов, эпоха афинская, эпоха Возрождения и наша современная развились благодаря той бесконечной борьбе и „беспрестанной анархии“, которые дали хотя только энергичным людям возможность бороться за их свободу.

В каком бы зачаточном состоянии не находилось наше знание истории — один факт резко выделяется на фоне современной жизни, и является характерным признаком нашей эпохи: это всемогущество денег. Нет такого мужика в отдаленнейшем углу нашей родины, которому не было бы известно имя короля биржи, который повелевает королям и принцам; нет ни одного, которому он не рисовался бы в образе бога, предписывающего свою волю всему миру. И, конечно, наивный мужичек едва ли ошибается. Разве не правда, что собственно кучка еврейских и христианских банкиров, управляет шестью великими державами, заставляя бегать за собой королей и их посланников и предписывает им в своих счетах свою волю, с которой должен считаться правитель? Сидя в своих дворцах, они являются зрителями великой драмы, которая разыгрывается по их воле, где сами народы являются главными актерами, и которые сопровождаются пушечным громом и шумом битв, где кровь льется рекою. Теперь они самодовольно могут устраивать свои филиальные отделения в кабинетах министров, во внутренних покоях королевских дворцов и руководить, по своему усмотрению, политикой государств, согласно с интересами их лавки.

В согласии с новым государственным правом Европы, они подчинили себе Грецию, Турцию, Персию — протянули руки к Китаю и готовятся взять на откуп все другие большие и малые государства мира. „Не будучи принцами и не

желаая быть царями“, они держат в руках символический денежный значек, перед которым мир падает ниц.

Другой исторический и столь же яркий факт бросается в глаза всякому наблюдателю, факт, который доводит людей, у которых чувство преобладает над разумом, до отчаяния — это то, что все человеческие учреждения, все социальные организмы, которые стараются сохраниться без изменения, должны, уже в силу своей инертности, проводить консерваторов и злоупотребления, паразитов и эксплуататоров всевозможных родов и видов и сделаться центром, всеобщей реакции. При этом безразлично, если эти учреждения самого древнего происхождения, начало которого теряется в глубине веков античного мира и в древних легендах и мифах, или они появились вследствие народных восстаний и революций, они, во всяком случае осуждены ограничивать творческую мысль и свободу личности и личной инициативы в соответствии с неизменностью своего устава; для этого достаточно самого факта их существования. Еще более странно противоречие, создаваемое даже революционными актами, положившими начало новому идеальному учреждению — между замыслом его и его практикой. При его основании отовсюду раздались клики: Свобода! Свобода! и гимн: „смерть тиранам“ разносился по всем улицам; но „тираны“ появились снова и появились лишь вследствие рутины вновь образовавшейся иерархии и реакционного духа, который постепенно овладевает всяким учреждением. И чем дольше таковое существует, тем оно опаснее, так как оно наконец пропитывается гнилью всю почву, на которой создалось и заражает даже окружающую его атмосферу; те заблуждения, которые оно поддерживает и освещает, те извращенные мысли и чувства, которые оно оправдывает и навязывает, приобретают в конце концов тот характер древности и даже святости, что лишь немногие осмеливаются нападать на них, каждый новый век его существования только увеличивает его авторитет и хотя в конце концов оно все-таки должно пасть и исчезнуть, как все на свете, однако это происходит лишь вследствие постоянно увеличивающегося противоречия со всеми новыми окружающими его фактами жизни. Возьмем в

пример самое старое из всех учреждений, царскую власть, которая предшествовала даже религиозным учреждениям, так как существовала даже до появления человека, среди многих видов животных. И как огромно было во все времена влияние на умы этой мнимой необходимости—иметь над собою властелина. Сколько было во Франции лиц, которые считали себя созданными лишь для того, чтобы ползать у ног своего короля, в эпоху, когда Ля Боэти писал свою книгу „Против одного“, сочинение столь яркое по своей удивительной логичности, соединенной с простотой изложения? В моей памяти живо еще то глубокое недоумение, которое вызывало в крестьянах в 48 году провозглашение „Республики“; „а все-таки нужно короля!“ повторяли они наперерыв друг за другом. И они скоро нашли другого господина, без которого существование казалось им немыслимо: повидимому в их воображении политический строй мира должен был соответствовать их представлению о семье, в которой господствовало беспрекословное повиновение, грубая сила и насилие. Имея эту грубую власть в бесконечных видоизменениях постоянно перед своими глазами, они были бессильны представить себе возможность иного существования, а с другой стороны наследственные привычки рабства, так глубоко проникли в клетку их крови, нервов и мозга, что несмотря на всю очевидность совершившегося политического переворота, они не хотели понять этой городской революции, которой вместе с тем не соответствовала эволюция умов в деревне.

К счастью сами цари стараются о том, чтобы разрушить миф их божественного происхождения, они уже не прячутся в неведомых и скрытых от глаз простого смертного высотах, спустившись с них они являются теперь глазам всего мира, вопреки. быть может, своей собственной воле, такими, каковы они на самом деле, со всеми их недостатками, капризами и смешными сторонами; их изучают, их лорнируют и рассматривают со всех сторон. Они отражаются на пластинках моментальной фотографии и воспроизводятся под катодными лучами, позволяющими видеть их насквозь. Они перестают быть недоступными властелинами, и превращаются в простых смертных, окруженных низко лестью одних, ненавистью,

насмешкой и презрением других. Поэтому то и стараются реставрировать „монархический принцип“ и вдохнуть в него по возможности новую жизнь. Теперь королевская власть становится ответственной, короли делаются „гражданами“, олицетворяя в своей особе „лучшую из республик“ и хотя эти жадные заплаты и не особенно остроумны, все-таки в некоторых странах они пользуются продолжительным успехом; столь медленна эволюция идей, которая должна раньше породить частичную революцию, чтобы могла наконец совершиться полная логически последовательная революция всего.

Под какими бы бесчисленными фërмами не являлось государство, будь оно хотя самое популярное, все же, основанное в сущности на принципе подчинения капризам одного лица, оно имеет своим неизбежным последствием ограичение или даже совершенное устранение частной инициативы подданного, так как по необходимости только единичные лица являются его представителями, а эти лица, уже в силу того, что облечены властью и даже по самому смыслу слова „правительство“ менее ограничены в удовлетворении своих личных потребностей и желаний, чем вся масса управляемых ими индивидов.

Другие учреждения, именно учреждения с религиозными целями, настолько подчинили себе умы людей, что многие даже из свободомыслящих историков верили в абсолютную невозможность для людей освободиться от их влияний. Действительно, образ Бога, который в воображении народов царит в небесах над всем миром, не так то легко разрушить. И хотя религиозные учреждения в последовательном развитии человечества появились после политических учреждений и священники после начальников, и хотя действительность всегда предшествует вымышленным образам, однако то исключительное значение, которое придали этому обману, сделало его родоначальником всякой земной власти, и придало ему исключительный священный характер: люди обращаются к верховной и таинственной силе „неведомого Бога“ со страхом и трепетом, который подавляет всякую самостоятельную мысль, всякую попытку критического отношения к ней. Только обо-

цел! Пли!“ и они должны стрелять в Тонкинца, Негра, Бедуина или в парижанина, будь то друг, или не друг! „Молчание в рядах“! И если каждый год армия пожирает все новые толпы людей, которые превращаются в манекенов, как того требует принцип дисциплины, не тщетная ли надежда ждать реформ, улучшения в этом ужасном режиме, в котором подавляются все бесправные?

„Моя армия, мой флот“ говорит император Вильгельм, и пользуется всяким случаем, чтобы повторять своим солдатам и морякам, что они его вещь, что они принадлежат ему и физически и морально, и что они не должны смущаться ни на минуту стрелять в отца или мать, если их властелин укажет им эту живую цель. Вот что значит говорить ясно. По крайней мере эти чудовищные слова имеют то достоинство, что они ясно выражают ту автократическую мысль, что наше общество, таково, как оно есть, божественное учреждение. И если в Соединенных Штатах или в свободной Гельвании главнокомандующий не осмеливается произносить подобных речей, он, тем не менее, руководится их смыслом, и когда приходит время, он применяет их дословно. В „великой“ Американской Республике президент Мак Кинлей награждал чином генерала героя, который применял к своим филиппинским пленникам „пытку водой“ и отдал приказ на острове Самаро расстрелять всех детей старше десяти лет.

В маленьком кантоне Ури другие солдаты, которые не имеют счастья проявлять свою деятельность в таком же большом масштабе, как их собратья в Соединенных Штатах, „восстанавливают порядок“, расстреливая своих братьев рабочих. Итак, не теряя своего нравственного и человеческого достоинства и понятия о своей независимости, люди принуждены в продолжение многих лет вести такой образ жизни, который приучает их к преступлению, приучает переносить без возмущения грубости и оскорбления или, что всего хуже, заставляет их отказаться от собственной мысли и воли, подчиниться чужой и совершать поступки, которые они никогда не совершали бы по собственной инициативе. Солдат не безнаказанно молчал в продолжение двух или трех лет: будучи лишена возможности свободно высказы-

ваться, мысль его атрофируется. А во всех других государственных учреждениях, называясь они „либеральными“, „благотворительными“ или „чиновническими“, разве происходит не то же самое, что в суде и армии. Не должны ли они фатально быть авторитарными, злоупотребляющими властью и по этому вредными. Писатели—сатирики правительственных учреждений; но как бы ни были смешны все эти канцеляристы, вред, причиняемый ими, тем ужаснее, что они действуют, может быть, вопреки желанию, и их самих едва ли можно упрекнуть в нем, этих бессознательных жертв политического организма, застывшего в определенных формах и находящегося в вечном противоречии с жизнью. Независимо от других развращающих элементов, фаворитизма, бумажного делопроизводства, отсутствия полезной деятельности у целой массы чиновничьего люда, самый факт существования регламентированного механизма с его сводом законов, принуждениями и штрафами, жандармами и тюремщиками, вся эта путаница политических, религиозных, моральных и социальных понятий, передаваемых из поколения в поколение, факт, абсурдный сам по себе, может иметь только противоречивые последствия. Жизнь, полная неожиданностей, вечно возобновляющаяся, не может быть втиснута в рамки уже отживших условий. Сложный и запутанный административный механизм не только делает часто невозможным разрешение самых простых вопросов, но даже совсем останавливается в самый необходимый и важный момент, и тогда только какой нибудь „государственный переворот“ может облегчить положение. Правители и сильные мира жалуются в таком случае, что „законность убивает их“, и смело выходят из ее рамок, чтобы „восстановить порядок“. Удача легализирует их поведение в глазах историка, а неудача ставит в ряды преступников. То же самое постигает и толпу подданных или граждан, которые нарушают правила и законы революционным путем: признательное потомство чтит их как героев; поражение обращает их в разбойников.

Формирующиеся учреждения принадлежат к самым опасным; еще задолго до того, как они становятся официальными, государственными учреждениями, еще до получения

хартий из рук какого-нибудь государя или представителей народа, они стремятся жить на счет общества и создать на своих интересах особую монополию. Так, корпоративный дух людей, получивших диплом из одной и той же высшей школы, обращает всех „коллег“, как бы они хороши ни были, в бессовестных заговорщиков против общества, заключивших союз в интересах собственного благополучия; этот дух обращает их в хищников, которые станут обирать прохожих и делить между собою добычу... Посмотрите на этих будущих чиновников, еще в колледже в своих нумерованных кепи или в университете в белых или зеленых шапочках! Облекаясь в форму, они могут быть не менее подчиняются духу касты и настойчиво стремятся избрать для себя благую часть. Попробуйте затронуть спесь старых политехников; попытайтесь устроить, так, чтобы какой-нибудь человек с заслугами занял место в их рядах, разделит бы с ними обязанности и почести. Самый могущественный министр не мог бы добиться этого. Ни за что не примут — „выскачку“. Что до того, что инженер, делая вид, будто он не позабыл изученного с таким трудом ремесла, строит непрочные мосты, слишком низкие туннели, непрочные стены резервуаров, — нужно, чтобы он прежде всего окончил высшую школу, и чтобы он имел честь принадлежать к числу „*pibos*“.

Социальная психология учит нас относиться с недоверием не только к сложившейся власти, но и к той, которая находится еще в зародыше. Необходимо также тщательно разъяснить себе, что значит на практике, имеющие, повидимому, невинный или даже соблазнительный смысл слова: „патриотизм“, „порядок“ и „социальный мир“. Без сомнения — любовь к отечеству — очень естественное и почтенное чувство: для изгнанника в высшей степени отрадно слышать звуки родной речи и увидеть снова места, которые напоминают родину. Любовь человека простирается не только на вскормившую его почву, на звуки также, которые усыпляли его в колыбели, она относится к речи, к сынам его родной страны, с которыми у него одинаковые представления, чувства и привычки, и, наконец, если он человек с возвышенной душой, он отдается всецело чувству солидарности с теми,

нужды и желания которых ему близки. Если патриотизм заключается в этом — какой человек с сердцем не патриот. Но почти всегда это слово скрывает в себе смысл, не имеющий никакого отношения к „общности чувств“ (Сен Жюст) или „любви к стране своих отцов“.

По странному противоречию, никогда не говорили об отечестве с такой шумной аффектацией, как с того времени, когда оно готово раствориться в великом отечестве всего человечества. Повсюду развиваются национальные знамена, особенно у ворот кабаков и на увеселительных домах. „Правящие классы“ повсюду трубят о своем патриотизме, благо-разумно помещая свои фонды за границей и вступая в торговые сделки с Веной или Берлином, торгуя всем, что им обещает доход, вплоть до государственных тайн. Даже ученые, забыв время, когда они составляли всемирную интернациональную республику, говорят теперь о науке французской, немецкой, итальянской, как будто можно под присмотром жандармов заключить в границы познания фактов и пропаганду идей. Превозносится протекционизм для произведений ума, как для репы или для хлопчатобумажных изделий. Но пропорционально этому сужению мозгов крупных ученых расширяется мысль малых. Люди, стоящие на верху, поневоле сокращают свои владения и утрачивают свои надежды по мере того, как мы — бунтовщики овладеваем вселенной и расширяем свои сердца. Мы находим себе товарищей по всему земному шару, от Америки до Европы, и от Европы до Австралии. Мы употребляем один и тот же язык — язык борьбы за одни те же интересы, и близок момент, когда мы вдруг окажемся объединенными на общей тактике и на общем лозунге. Наши союзы возникают во всех уголках мира.

В сравнении с этим всемирным движением — то, что привыкли называть патриотизмом, есть явление регрессивное со всех точек зрения. Нужно быть наивным среди наивных, чтобы не знать, что „катехизис гражданина“ проповедует любовь к отечеству в целях служения интересам и привилегиям правящего класса и что он стремится поддержать в выгодах того же класса ненависть между слабыми и обездоленными, живущими по одну и другую сторону границы.

Словом, патриотизмом, по новейшим комментариям к нему, прикрывается старая практика рабского подчинения воле одного начальника, полное отречение от индивидуальности перед людьми, обладающими властью и стремящимися эксплоатировать целую нацию, как слепую силу в своих интересах. Точно также слова „порядок“, „социальный мир“ — красиво звучат для нашего слуха: но мы хотим знать, что именно понимают под этими словами—эти добрые апостолы—наши правители. Да, мир и порядок—это великий идеал, которого нужно достигнуть,—при одном условии, однако: этот мир не должен быть миром могилы, а порядок не должен иметь ничего общего с порядком, который водворен был в Варшаве. Наш будущий мир не должен иметь своим источником безусловное господство одних и безнадежное порабощение других; — нет, он должен покоиться на открытом и полном равенстве всех товарищей.

V.

Если первой обязанностью всех добросовестных и активных эволюционистов является познание окружающего их общества, для которого они создают теорию преобразования, то вторая их обязанность заключается в том, чтоб отдать себе отчет в своем революционном идеале. Изучение последнего должно быть тем более тщательным, что этот идеал обнимает будущее во всей его полноте, ибо друзья и враги, все знают, что дело идет уже не о больших частичных революциях, а об одной общей революции, которая преобразует все общество, во всех его проявлениях.

Сами условия жизни диктуют нам наше главное пожелание. Крики и жалобы, раздающиеся из деревенских жилищ, из подземелий, погребов и чердаков в городах, постоянно напоминают нам: „хлеба! хлеба!“ Все другие соображения подавлены этим коллективным выражением насущнейшей нужды всякого живого существа. Так как самое существование немислимо без удовлетворения этой инстинктивной потребности в пищи, то нужно ее удовлетворить во что бы то ни стало,

не делая ни для кого исключений, ибо невозможно же разделить общество на такие две части, из которых одна лишена была бы права на существование. „Хлеба! Хлеба!“ Этот крик должен быть понят в самом широком смысле, т. е. что нужно требовать для всех людей не только пищи, но и удовлетворения всех его других потребностей, которые дадут ему возможность всестороннего физического и духовного развития. По выражению одного крупного капиталиста, который говорил о себе, что его мучают особенно вопросы о справедливости: „нужно сделать равной точку отправления для всех, кто вступит в борьбу за существование“. Часто спрашиваешь себя, каким образом эти полуголодные, которых так много у нас, сумели в продолжение стольких веков, и продолжают еще теперь, побеждать в себе эти страстные порывы голода, которые они должны ощущать, как они сумели приучить себя без протеста к систематическому обессиливанию организма и самоотречению. История прошлого объясняет нам это. Дело в том, что в эпоху примитивной изолированности человека, когда малочисленные семьи или племена принуждены были преодолевать громадные затруднения в борьбе за существование, и еще не умели пользоваться помощью, которую дает человеческая солидарность, часто случалось даже в жизни одного поколения, что средств к существованию не хватало на удовлетворение всех членов данной группы. А в таких случаях, что оставалось им делать, если не безропотно подчиниться необходимости и приучать себя, по мере возможности, поддерживать свое существование, питаясь травами или древесной корой, переносить долгие голодовки, в ожидании, что в реках снова появится изобилие рыбы, в лесах — дичь или что скудная почва все же вырастит новую жатву.

Так приучались неимущие к голоду. Те из них, которые меланхолично бродят перед открытыми форточками кухонь, помещающихся в подвальных этажах, из которых несется раздражающий приятный запах, перед роскошными выставками мясных и фруктовых магазинов и ресторанов — это люди, которых воспитала наследственность: они бессознательно подчиняются морали отречения. Эта мораль была уместна в эпоху, когда люди были игрушкой в руках слепой

судьбы, но совершенно непригодна теперь, в век чрезмерного обилия богатств, и для людей, которые пишут на стенах слово „братство“ и кичатся своей благотворительностью. И все же количество несчастных, дерзающих протянуть руку, чтобы взять выставленную на показ проходим пищу, очень незначительно: так сильное физическое ослабление, порожденное голодом, парализует волю, отнимает почти всякую энергию, даже инстинктивную.

К тому же, современная „юстиция“ карает воровство куска хлеба значительно строже, чем древние законы. Взвешивая на своих весах, украденный кусок пирога, современная Фемида находит, что он стоит целого года тюрьмы.

„Бедные всегда будут с вами“—любят повторять сытые счастливы, особенно те, которые хорошо знают священное писание и любят принимать меланхолический и страдающий вид: „Бедные всегда будут с вами“—слова эти, утверждают они, сказаны Богом и они их повторяют, закатывая глаза и каким то особенным голосом, чтобы придать им больше торжественности. И потому, что слова эти были названы божественными, сами бедняки во времена их духовной бедности верили в бессилие всех своих попыток достигнуть лучшей доли: чувствуя себя погибшими в этом мире, они с надеждой взирали на мир загробный, „быть может в этом мире слез мы умрем с голоду, но зато там, в царстве божием, в этом лучезарном раю, где солнечное сияние будет окружать наше чело, а млечный путь будет служить нам ковром, там не будет уже нужды в пище и мы будем испытывать радость от того, что злые богачи, навсегда обреченные на голод, будут оглашать воздух своими воплями“. Теперь уже очень немного несчастных, дающих себя дурачить подобными мечтами, большинство же, став более благоразумными, направили свое внимание на хлеб земной, поддерживающий его материальную жизнь, питающий кровь и тело; они желают получить свою часть, уверенные, что их желания законны в виду обилия земных богатств; религиозные галлюцинации, старательно поддерживаемые заинтересованными священниками, не в силах отбратить голодных, даже считающих себя христианами,

от борьбы за право на хлеб насущный, за которым еще недавно обращались к капризной милости „отца иже на небеси“. Политическая экономия, претендующая на звание науки, унаследовала от религии проповедь неизбежности нищеты; она утверждает, что смерть несчастных от голода совсем не ложится позором на все общество. Когда видишь с одной стороны толпы голодных, а с другой кучку привилегированных, которые едят в свое удовольствие и наряжаются по своей фантазии, нужно со всей наивностью верить, что иначе и быть не может. Правда, что в благодатные годы можно было бы брать из массы избытков, а в голодные—люди могли бы придти к соглашению и разделить необходимое между всеми равномерно, но такой образ действий предполагает существование общества людей, тесно связанных между собой узами братской солидарности. Но так как такой коммунизм является еще невозможным, наивный бедняк, который бессознательно верит уверениям ученых экономистов, что земных благ не хватит для всех, должен следовательно мириться без протеста со своим несчастьем.

На ряду с жрецами экономической науки, жертвы дурного социального строя повторяют и толкуют каждый по своему ужасный „закон Мальтуса“—„Бедняк—лишний на жизненном пиру“—закон, который протестантский пастор формулировал почти век тому назад, как математическую аксиому и который, казалось, заключал человеческое общество в чудовищные челюсти своего страшного силлогизма: бедняк повторяет меланхолически, что для него „нет места на жизненном пиру“. А знаменитый экономист, хотя и добряк в частной жизни, придал лишь новую силу этому горькому выводу, подтверждая его целым рядом доказательств яко бы математической точности: население, говорит он, удваивается обыкновенно каждые 25 лет, тогда как средства к существованию растут в менее быстрой пропорции, устраняя, таким образом, лишних индивидов. Что же советуют делать Мальтус и его последователи, для того, чтобы избавить человечество от периодических бедствий, как голод, нищета и заразные болезни. Конечно, нельзя требовать от бедных,

чтобы они добровольно согласились избавить землю от своего присутствия и принесли бы себя в жертву богу „здравой политико-экономической науки“, но им просто посоветуют по крайней мере отказаться от радостей семейной жизни: не нужно ни жен, ни детей.

Вот какое „нравственное воздержание“ проповедуют они и убеждают разумных рабочих ему следовать. Многочисленное потомство должно быть только роскошью, которую могут позволить себе одни привилегированные; в этом вся мораль их политической экономии.

А если неблагоприятные бедняки, вопреки увещаниям ученых профессоров, не хотят употреблять предупреждающих появления потомства средств, то природа сама берет на себя заботу об уничтожении излишнего потомства, и уничтожение это происходит в нашем обществе в бесконечно большем масштабе, чем то могли бы представлять себе самые закоснелые пессимисты. Не тысяч, а миллионов жизней требует уже ежегодно бог Мальтуса. Можно легко сделать приблизительный подсчет тех, которых экономическая судьба приговорила к смерти с того дня, как бессердечный теолог обнародовал свой мнимый „закон“, который, к несчастью, наше социальное настроение сделало верным для нашей эпохи. В продолжении этого века три поколения сменили друг друга в Европе и, если обратиться к статистическим данным смертности, то можно констатировать, что средняя продолжительность жизни богатых (например лиц, населяющих хорошо устроенные кварталы Лондона, Парижа, Берлина) будет от 60 до 70 лет, хотя эти люди, вследствие своего привилегированного положения, едва ли могут быть образцами нормального образа жизни, так как „великосветская жизнь“ всячески развращает и портит их; но чистый воздух, прекрасное питание, постоянная возможность менять свое место жизни и свои занятия постоянно возвращает им растрату сил и обновляет их организм, в то время, как люди, принужденные работать ради куска хлеба, заранее осуждены на смерть в Европейских странах в возрасте между 20—40 годами, т. е. в среднем на тридцатом году жизни. Это значит, что они живут только половину того времени,

какое могли бы прожить, если бы были свободны, и могли бы по желанию выбирать себе место жительства и занятие. Они умирают как раз в тот момент, когда их жизнь должна бы быть наиболее полной и интенсивной; и ежегодно подсчитываемое число смертей по крайней мере вдвое больше того, чем должно бы быть в обществе равных.

Итак годовая смертность достигает 12 миллионов человек, и можно с уверенностью утверждать, что 6 миллионов из них были жертвами тех социальных условий, которые царствуют в нашей варварской среде; 6 миллионов жителей погибло вследствие недостатка в чистом воздухе, здоровой пище, отсутствия гигиенических условий и дурной организации труда. И вот, сочтите все жертвы, погибшие с того времени, как Мальтус произнес свою надгробную речь над миллионами обреченных на гекатомбы. Разве не правда, что целая половина так называемого цивилизованного человечества составляется из людей, которых не приглашали на общественный пир, людей, занимающих на нем место лишь на короткое время и осужденных умереть со стиснутыми от неудовлетворенного голода челюстями? Смерть председательствует на этом пиру, устраняя своим жезлом опоздавших. На выставках нам показывают удивительные „приемники“, в которых применены все законы физики, все наши познания физиологии, все средства технической изобретательности, чтобы сделать жизнеспособными семя, даже шестимесячных выкидышей. И эти выкидыши выживают, крепнут и становятся здоровыми, полными малютками, предметом материнской гордости и славы своего спасителя. Но, спасая таким образом от смерти малюток, казалось бы, самой природой приговоренных к ней, одновременно с тем отдают ей в жертвы миллионы жизнеспособных детей, родившихся при самых благоприятных физических условиях. В Неаполитанском убежище для подкидышей, по сухому официальному отчету попечительства, из 950 принятых детей выжило только трое. Итак положение ужасно, но уже совершилась глубокая эволюция, предвещающая недалекую революцию. Эта эволюция состоит в том, что экономическая „наука“, проповедующая недостаток жизненных благ и не-

избежную смерть всех недостаточных, оказалась ложной. Страдающее человечество, верившее в свою неизбежную нищету, познало теперь, что оно богато, что его идеал: „хлеба для всех“—не утопия. Земля достаточно велика, чтобы на ней хватило места для всех, она достаточно богата, чтобы всем дать средства к существованию. Она может дать достаточно обильный урожай волокнистых растений, чтобы одежды хватило на всех; в ней достаточно камня и глины, чтобы все имели жилища—таков экономический факт в своем простейшем выражении. Земля не только может произвести достаточно пищевых и других средств для поддержания существования населяющих ее людей, но она могла бы удовлетворить даже вдвое увеличившееся потребление и даже без приложения научных методов, опирающихся на исследование по химии, физике, минералогии и механике. В великой семье человечества голод не только не может быть результатом коллективного преступления, он является абсурдом еще и потому, что средств к существованию неизмеримо больше, чем сколько их нужно для потребления. Недостаток современного способа распределения земных благ, которыми руководит индивидуальный каприз отдельных личностей и безумная конкуренция спекуляторов и коммерсантов, состоит в том, что цены на средства существования повышаются, что они отнимаются у тех, которые производят их и должны бы были владеть ими по праву, и продаются тем, которые могут заплатить за них дорого! Но в этом беспрестанном движении продуктов и товаров они непроизводительно тратятся, портятся и теряются. И несчастные, нуждающиеся, проходящие мимо громадных складов этих товаров, знают это. Нет недостатка ни в теплой одежде, которая могла бы покрыть их голые плечи, ни в крепких сапогах для их босых ног, ни в питательных вкусных фруктах и напитках для поддержания их сил,—все это имеется в громадном излишке, но пока они бродят вокруг этих складов, бросая голодные взгляды, собственник купец ищет способы повысить цены своих товаров, а в случае нужды даже уменьшить их количество. Как бы то ни было, но факт налицо—продуктов всегда больше, чем нужно. И почему же господа

экономисты не начинают своих учебников с признания этого капитальной важности факта, доказываемого статистикой? Зачем должны мы, революционеры, им указывать на это? Чем объяснить, что необразованные рабочие после долгого трудового дня, только из разговоров друг с другом, знают об этом гораздо больше и лучше патентованных профессоров и ревностных учеников школы социальных и политических наук? Не следует ли из этого сделать вывод, что любовь последних к науке не вполне искренна? Так как современное состояние экономической науки вполне оправдывает наше требование хлеба для всех. Пока остается узнать: оправдывает ли оно и наше другое требование—свободы для всех. „Не единым хлебом жив будет человек“, говорит древнее изречение, которое перестанет быть истиной разве только в том случае, если человек регрессирует и опустится до чисто животного состояния.

Но в чем состоит эта духовная пища, необходимая человеку, на ряду с материальной? Конечно, церковь скажет, что таковой пищей служит „Евангелие“, а государство напоминает, что это „повиновение закону“. Но пища, которая действительно питает и развивает умственные и нравственные силы человека, есть то познание „добра и зла“, которое еврейская легенда, а за ней и все религии, происшедшие от иудейской, запрещают нам, как ядовитый плод, который, как проклятие, поражает всех и влияние которого простирается даже „до третьего поколения“ того, кто вкусил от него. Знание—преступление по учению церкви, преступление и с точки зрения государства, как бы ни старались маскировать это теперь священники и агенты правительства, которые против воли, может быть, вкусили от этой ереси? А между тем знание есть первая главная добродетель свободной личности, которая захотела освободиться от всякого божеского и человеческого авторитета: она одинаково отказывается слушать тех, которые во имя „Высшего Разума“ узурпируют в свою пользу право мыслить и говорить за других, и тех, которые во имя государства предписывают законами определенный гнет, внешнее поведение, окончательно регламентированное раз и навсегда. И такой человек,

желающий свободно развиваться, должен встать как раз на противоположную точку зрения, чем та, которую ему рекомендует церковь и государство: он должен свободно и независимо мыслить и действовать. Это является неперменным условием всякого прогресса. „Свободно мыслить, говорить и действовать!“—идеал будущего общества в отличие от современного, которого оно будет все-таки лишь логическим продолжением, выражается ясно в этом пожелании свободно мыслить. И с первых шагов эволюционист, превратившись в революционера, должен освобождаться от всякой догматической церкви, от всякого общественного принуждения, от всякой политической правительственной власти с обязательной регламентацией для подчиненных ей, от всякой ассоциации публичной или тайной, в которой всякий член под страхом оказаться изменником должен подписаться под общепринятым лозунгом. Не нужно больше ни конгрегаций, запрещающих те или другие книги, не нужно царей и принцев, требующих присяги, ни полководцев, требующих верности знамени, ни министра народного просвещения, предписывающего правила преподавания и указывающего книги и даже страницы в них, которым учитель должен научить учеников, не нужно исполнительного комитета, который распоряжается пропуском посетителей у входа в народные дома. Не нужно судей, которые заставляют свидетеля давать смешную и ложную присягу в том, что будут говорить только правду, и которая сама по себе является уже ложью. Нет надобности в начальстве какого бы рода оно ни было, чиновник ли, школьный учитель, член клерикального или социалистического комитета, хозяин или отец семейства, который бы вообще требовал повиновения. А свобода слова? а свобода действий? Разве это не прямое и логическое последствие свободы мысли? Слово ведь только мысль, облеченная в звуки или буквы, действие же—мысль выполненная. Наш идеал состоит следовательно в требовании для всякого человека полной абсолютной свободы выражать свои мысли во всем—в науке, политике, морали без других ограничений, кроме уважения к другой личности; он требует также права действовать по своему усмотрению

„делать, что хочешь“, соглашаясь, конечно, свою волю с волей других людей во всяком коллективном труде; так как его собственная свобода не может быть ограничена таким союзом, а напротив увеличивается, благодаря силе коллективной воли. Само собой разумеется, что эта абсолютная свобода мысли, слова и действий не совместима с сохранением учреждений, которые ограничивают свободную мысль и ставят преграды свободному слову, в самых категорических формах и заставляют рабочего, оставшегося без работы скорее умереть с голоду, чем нарушить священное право собственности. Консерваторы не ошиблись, называя вообще всех „революционеров“ врагами „религии, семьи и собственности“. Да, анархисты не признают авторитетов догмата и сверхестественное вмешательство в нашу жизнь, и в этом смысле, в борьбе за свой идеал братства и солидарности, они враги религии. Да, они хотят уничтожить брачный торг и защищают свободный союз полов, основанный на взаимной любви, уважении к самому себе и к человеческому достоинству другого, и в этом смысле, как бы они ни любили и ни были преданы тем, с которыми соединили свою жизнь они являются врагами семьи. Да, они хотят уничтожить несправедливый захват земли и ее благ, чтобы ими могли пользоваться все и в этом смысле—преследуя лишь одну цель гарантировать всем право пользования плодами земли, они являются и врагами собственности.

Конечно, мы любим и хотим мира: наш идеал—гармоничное согласие между всеми людьми—но вокруг нас кипит беспощадная война, которую мы видим еще и впереди, ибо в бесконечной сложности условий, составляющих человеческую жизнь, даже стремление их к миру сопровождается беспощадной войной. „Мое царство не от мира сего“, говорил Сын Человеческий и, однако, он тоже принес меч и готовил раздор между сыном и отцом, дочерью и матерью. Всякое убеждение—даже наихудшее имеет своих защитников, которых должно считать искренними, но симпатия и уважение, которое они могут заслуживать, не должно препятствовать революционеру бороться с ними со всей энергией, на какую он только способен.

VI.

Наивные люди надеются, что в конце-концов все устроится и в один прекрасный день совершится мирная революция, когда пользующиеся всякими привилегиями по доброй воле согласятся уступить свои права всему народу.

Конечно, мы верим, что они уступят когда-нибудь, но то, что их толкнет на уступки, не будет внезапным порывом гуманного чувства, а страхом перед будущим, в особенности ввиду „совершившихся событий“: без сомнения эти люди изменятся, но только тогда, когда для них явится абсолютная невозможность продолжать жить по старому, а это время еще далеко. Всякий организм функционирует только сообразно своему устройству,—он может перестать функционировать, разрушится, но он не может развиваться в обратном направлении. Всякая власть естественно стремится увеличить свое влияние над большим числом подчиненных ей индивидуумов; всякая монархия по той же причине старается сделаться всемирной. Если нашелся один Карл V, который, удалившись в монастырь, издали, как зритель, наблюдал за траги-комедией народов, то сколько найдется других царей, страсть которых к власти ничем не может быть удовлетворена и которые, если не по славе и талантам, могут все считаться Аттилами, Александрами Македонскими и Юлиями Цезарями. Точно также редко можно встретить и капиталистов, отрেকшихся от любостяжания и отдавших свои сокровища на осуществление какого-нибудь общепольного дела; даже те, которые желали бы ограничить свои потребности, не могут этого сделать, подчиняясь влиянию своей среды; их капиталы будут расти, принося проценты и проценты. Как только человек получает какую бы то ни было власть духовную, военную, административную или финансовую, его естественно толкает пользоваться ею бесконтрольно; нет тюремщика, который бы, поворачивая ключ в замке камеры, не ощущал бы некоторого самодовольного чувства своей власти, нет стражника, который, охраняя имущество своего господина, не относился бы

враждебно к бродяге, или судебного пристава, который не ощущал бы глубокого презрения к подчиненному его власти преступнику.

И если отдельные личности так легко поддаются обаянию власти, которую им предоставили, то во сколько раз сильнее это обаяние для целых классов, сохранивших свою власть по наследственной традиции и обладающих чрезвычайно развитым чувством кастовой чести! Можно еще понять, что отдельная личность, подчиняясь внезапному благородному порыву, отказывается от своей власти, отдает свое имущество, радуясь успокоению своей возмущенной совести и тому, что теперь дружески протягивают руки те, которых она эксплуатировала раньше бессознательно или против своей воли; но как ждать такой перемены от целой касты людей, связанных друг с другом целой цепью общих интересов, партийной дисциплиной, дружбой, сообществом или даже преступлением? И когда иерархические тиски и стремление к возвышению прочно объединят весь правительственный механизм, то какая остается надежда на то, что люди, составляющие его, вдруг изменятся к лучшему, какое чудо свыше может очеловечить эти враждебные обществу касты,—армию, духовенство и чиновничество? Нужно быть сумасшедшим, чтобы думать, что такие общественные группы могут проникнуться гуманитарными чувствами и подчиниться другим влияниям, кроме страха? Правда, что это живой механизм, составленный из человеческих индивидуумов, но он движется, толкаемый слепой силой коллективного эгоизма, и остановить его может только коллективная непобедимая сила революции.

Допустив даже, что „добрые богачи“ вступят все на путь обращения к истине, осененные сознанием своего беззакония, как бы светом молнии, допустив даже, что вообще мы считаем невозможным, чтобы они поспешили отделаться от своих богатств в пользу обиженных или неимущих и что, явившись в собрание бедняков, они скажут им: „Берите, это — ваше“; если бы они сделали это, то и тогда этим не была бы достигнута полная справедливость, так как за ними останется право на славную роль, которая в сущности не при-

надлежит им, и история представит их в ложном свете. Таким образом поступали льстецы, желавшие заслужить расположение потомков феодалов, восхваляя их подвиги в ночь на 4-е августа 1789 года, когда те отказались от своих привилегий, как будто этот момент отказа от привилегий, которых народ уже не признавал, являются центром движения всей французской революции. И если такое фиктивное отречение, вынуждаемое под давлением совершившихся событий, прославляется, как нечто достопримечательное и славное, то что скажут про более искреннее и действительное отречение от сокровищ, добытых эксплуатацией темных народных масс? Можно было бы опасаться, что толпа возвратит этим героям их прежнее положение лишь из чувства благодарности за их великодушие! Нет, для торжества справедливости нужно, чтобы все пришло в естественное равновесие, нужно, чтобы угнетенные сами добились своего права, чтобы обездоленные вернули сами себе все, что у них было насильно отнято, чтобы рабы добились свободы собственными усилиями. И они будут пользоваться ею только тогда, когда сумеют добыть ее. Всем нам знакома фигура выскочки, добившегося богатства. Он почти всегда исполнен глупого чванства и презрения к бедным. Туркменская пословица говорит: „Когда сын садится на коня, он не узнает больше своего отца“, а индусы говорят: „Если твой друг едет в колеснице, то у него нет уже друзей“. Но целый класс подобных людей гораздо опаснее отдельных своих членов: он связывает каждого, заставляя его руководиться только общими, свойственными ему, как классу, инстинктами и даже против его воли увлекает его по своему пагубному пути. Жадный купец, умеющий из „всего“ извлекать прибыль,—конечно, опасный член общества, но что сказать о целом классе современных эксплуататоров, анонимной ассоциации капиталистов, основанной на облигациях и кредите? Как морализовать эти облигации и банковые билеты? Как внушить им идеи солидарности со всем человечеством, которые готовят пути к лучшему порядку вещей? Такой банк, хотя бы члены его были филантропы чистейшей воды, не переставал бы учитывать векселя, брать проценты и проч.; там не знают, скольких слез

и мук стояли эти потертые монеты, которые в конце концов попадают в его железные неогороаемые кассы с хитрыми замками и засовами. Нам постоянно советуют положиться на время, которое должно будет смягчить нравы и привести все к лучшему концу. Но как может смягчиться эта железная касса, как остановится это ужасное чудовище, которое называют капиталистическим хозяйством, которое пожирает одно за другим целые поколения людей? Да, если капитал, которому служит все, сохранит свою силу, то мы все сделаемся его орудием и рабами,—простыми колесиками в его чудовищном механизме; если к сбережениям, собранным в железных кассах банкиров, беспрепятственно будут прибавляться новые сбережения, то напрасны будут ваши крики о помощи, — никто не услышит их. Тигр может еще оставить свою жертву, но банковые книги неумолимы. Отдельные лица, целые народы раздавлены этими тяжелыми фолиантами, безмолвные страницы которых своими бесстрастными цифрами рассказывают о всех ужасах и жестокостях, совершившихся здесь.

Если за капиталом должна остаться конечная победа, то нам нельзя уже мечтать о золотом веке, и мы только с сожалением можем оглядываться назад и смотреть, как на угасающую зарю, на все, что на земле было когда то прекрасным, — любовь, радость, надежды. Человечество было бы осуждено на исчезновение. Все мы, которые были свидетелями политических переворотов, можем отдать себе отчет о тех беспрепятственных изменениях, которым подвержены все организации, основанные на власти одних над другими. Было время, когда слово „республика“ приводило нас в энтузиазм: нам казалось, что это слово составлено из чудных звуков и что мир будет обновлен в тот же день, когда его можно будет без страха произносить в публичных местах. Кто были те, которые горели вдохновенно любовью к этому слову и в его воплощении в действительность видели вместе с нами начало новой эры прогресса? Это те самые, что заседают теперь в министерствах и других хорошо обеспеченных местах, подобострастно улыбаясь и кровавым убийцам армян, и могущественным баронам финансового мира. Но я

не думаю, что все эти выскочки были без исключения лицемерами и обманщиками. Между ними, без сомнения, были и такие, но большинство казалось мне искренним. Эти последние были фанатиками республики и чистосердечно восторгались громкими словами: „Свобода, Равенство, Братство“. Твердо веря, что их преданность общему благу никогда не изменит им, приняли они после победы назначенные им должности. Но уже несколько месяцев спустя, когда эти республиканцы уже находились у власти, другие — тоже республиканцы — медленно проходили с обнаженными головами по Версальскому бульвару меж расставленных рядов пехоты и конницы. Толпа поносила их, плевала им в лицо и среди нее, среди лиц, искаженных ненавистью и гневом, пленники узнавали своих бывших товарищей баррикады, с которыми они вместе боролись за осуществление своего идеала!

А много ли прошло времени с тех пор, как эти недавние революционеры превратились в ярых консерваторов! Республика была утверждена и, по мере своего усиления, становилась все более угодливой. Будто подчиняясь движению часового механизма, правильно, как движение тени солнечных часов, подчиняясь законам эволюции, вся эта ревностная молодежь, которая еще недавно так героически боролась с преследовавшей ее полицией, превратилась теперь в осторожных, боящихся слишком смелых реформ людей, затем в довольных существующим порядком консерваторов и, наконец, падая все ниже, даже в нагло наслаждающихся предоставленными им благами защитников своего привилегированного положения.

Волшебница Цирцея или, другими словами, излишества власти и богатства превратили их в свиней: единственной целью их теперь стало защищать то, против чего они прежде боролись, — и это они называют „защитой завоеваний свободы!“ Теперь они великолепно уживаются со всем, что их возмущало когда-то. Они, метавшие громы против церкви и ее слуг, теперь охотно признают конкордат и подобострастно кланяются Монсеньорам Епископам.

Всегообщее братство вдохновляло их когда-то на громкие фразы, но повторить им их теперь значило бы оскорбить

их; в то время воинская повинность,—„налог крови“,—казался им чем то чудовищным, а теперь они вербовали чуть ли не детей и кажется готовились обратить всех школьников Франции в пушечное мясо. „Оскорблять армию“, т. е. не скрывать всей мерзости бесконтрольного авторитаризма и пассивного повиновения в глазах их является теперь тяжким преступлением. Не уважать нахального агента прав, называть подлого провокатора его настоящим именем, а всякого чиновника министерства юстиции—крючкотвором, по их мнению значит оскорблять юстицию и мораль. Нет теперь такого устаревшего учреждения, которое они не старались бы сохранить. Благодаря им „академия“, столь презируемая когда то, сделалась теперь чрезвычайно популярной: они тщеславно прохаживаются под ее сводами, приветствуя того-нибудь из своих сообщников, который, сделавшись шпионом, получил возможность украсить по-французски академическим знаком петлицу своего сюртука. Они смеялись когда то над орденом Почетного Легиона, а теперь сами изобрели новые значки всех цветов, которыми украшают себя. Так нареченная республика широко открыла свои двери для всех, кто раньше ненавидел даже имя ее: герольдам божественного права, силлабическим певцам почему бы и не войти туда? Не у себя ли они среди всех этих выскочек, которые почтительно окружают их?

Но мы не задаемся здесь целью судить и критиковать тех, которые вследствие медленной или внезапной перемены воззрений перешли от культа святой республики к культу власти и злоупотреблений. Путь, который они прошли, есть именно тот, который они должны были пройти. Они были убеждены, что общество должно представлять собою государство и иметь над собой правителей и законодателей; они пылали благородным стремлением служить своей родине и „посвятить себя“ ее процветанию и славе. Приняв этот принцип, они должны были принять все последствия: саван должен был служить пеленками для новорожденных. Итак, республика и республиканцы обратились в то печальное явление, которое мы теперь наблюдаем: почему бы нам возмущаться?

Таков закон природы: дерево приносит свои плоды, а всякое правительство неизбежно порождает произвол, тиранию, ростовщичество, преступления, убийства и несчастия. Как только возникает какое-нибудь новое учреждение, хотя бы именно для борьбы с существующим злом, оно уже самым фактом своего существования создает новое зло; оно должно приспособляться к дурной среде и проявлять себя в патологических формах. Инициаторы его служат быть-может возвышенному идеалу, но исполнители, которых они назначают, напротив, считаются прежде всего с величиной своего жалованья и продолжительностью своих занятий. Они быть-может и желают успеха делу, которому они служат, но желают его лишь в отдаленном будущем; или даже совсем не желают и приходят в ужас, когда его триумф близок. Для них важен теперь не самый труд, а те почести и выгоды, которые связаны с их положением. Так, напр., комиссия инженеров, избранная для того, чтобы удовлетворить справедливые жалобы нескольких собственников, права которых были нарушены постройкой водопровода, находят более выгодным для себя, вместо того, чтобы просто разобратся в этих жалобах, положить их под сукно и употребить ассигнованные для этого средства на новую нивелировку местности, в которой уже нет надобности, и к дорого стоящим бумагам приложить целый ворох новых. Было бы химерой ожидать, что анархия, идеал человечества, может развиваться из республики, представляющей одну из форм правительства. Здесь совершается два эволюционных процесса в противоположных направлениях и изменение существующего порядка может произойти только внезапно, т. е. при помощи революции.

Республиканцы же стараются декретом осчастливить народ, а свое собственное существование они охраняют полицейской силой! Так как власть есть ничто иное, как насилие, то их первая забота по достижении власти заключается в том, чтобы упрочить все те учреждения, посредством которых они управляют обществом. Быть может у них хватит даже смелости воспользоваться и научными выводами для обновления старых учреждений с тем, чтобы сде-

лать их более приспособленными. Так в армию вводится употребление новых разрушительных орудий, бездымного пороха, усовершенствованных вращающихся пушек, т. е. всевозможных изобретений, служащих для более быстрого и верного истребления. Так в полиции применяется антропометрия, посредством которой всю Францию можно обратить в одну громадную тюрьму. Начинают измерять черепа настоящих или предполагаемых преступников, затем будут измерять подозрительных, а в конце концов придется всем подчиниться этой унижительной процедуре. „Полиция и наука протянули друг другу братские объятия“, — сказал бы псалмопевец.

Таким образом ничего хорошего не может нам дать ни республика, ни республиканцы „выскочки“, т. е. те, которые стоят у кормила ее правления; и было бы безумием ждать чего-нибудь с этой стороны.

Класс имущих и стоящих у власти фатально должен быть врагом всякого прогресса. А двигателем современной мысли, умственного и нравственного прогресса является та часть общества, которая трудится, страдает и угнетается. Это она осуществляет свои собственные идеи и шаг за шагом толкает вперед общество, движение которого консерваторы пытаются беспрестанно остановить, задержать или свернуть с прямого пути.

Но скажут: социалысты, эти друзья эволюции, эти революционеры, неужели они тоже могут изменить своему делу и мы увидим их идущими по пути регресса, когда они достигнут, наконец, власти? Без сомнения, социалысты, сделавшись хозяевами положения, будут поступать и поступают уже так же, как предшественники, — республиканцы; законы истории не могут измениться в их пользу. Когда в их руках будет сила и даже до момента их полного обладания ею они, конечно, воспользуются своим преимуществом, хотя бы и воображая, что употребляют его для уничтожения препятствий, стоящих на их пути. Мир полон наивных честолюбцев, воображающих, что они призваны изменить общество благодаря своим удивительным способностям управлять им; но когда они достигают вершин власти и стано-

вятся одним из рычагов правительственного механизма,— они начинают понимать, что их собственные стремления и желания не имеют никакого влияния на действительную власть, т. е. на тот сложный механизм власти, которым им приходится управлять, их усилия и благородные стремления парализуются индифферентностью и оппозицией окружающей их среды. Тогда им не остается ничего другого, как следовать по избитому пути всех стоящих у власти, т. е. воспользоваться своим положением, чтобы обогащаться самим и раздавать места своим друзьям.

Конечно,—говорят нам фанатики-социалисты, — мираж власти и обладание ею могут быть очень опасны для людей, воодушевленных только благими пожеланиями: но она не может представлять опасности для тех, которые руководятся тщательно выработанной совместно с товарищами программой, которые сумеют призвать их к порядку в случае злоупотребления или измены. Эти программы действительно тщательно выработаны, закреплены подписями и печатью, их публикуют в тысячах экземпляров, наклеивают на стены и двери общественных собраний и каждый кандидат знает их наизусть. Казалось бы, что это—достаточные гарантии? Однако смысл этих тщательно взвешенных выражений меняется из года в год, сообразно личным видам и условиям их применения: каждый понимает их по своему, а когда целая партия начинает понимать вещи иначе, чем прежде, то самые определенные заявления принимают лишь символический характер и в конце-концов превращаются в простые исторические документы или даже в звуки, до смысла которых трудно доискаться.

И в самом деле, те, которые хотят завладеть общественными должностями, должны употреблять и соответствующие средства. В республиканских странах с всеобщей подачей голосов они будут заискивать у толпы, у большинства, они сведут знакомство и будут оказывать протекцию виноторговцу, искать популярности в кабаках, заискивать у лиц, которые будут голосовать за них, кто бы они не были, принося в жертву все и сохраняя только внешний вид защитников интересов толпы, они протянут руки врагам об-

щего дела и заразят ядом лжи весь правительственный организм. В монархических странах некоторые социалисты будут относиться индифферентно к образу правления, даже обратятся сами к царским министрам, рассчитывая на их помощь для тех социальных преобразований, которые они имеют в виду, как будто есть какая-нибудь логическая возможность согласовать самодержавие и братскую солидарность людей. Но нетерпение этих деятелей мешает им видеть истинные препятствия и они легкомысленно воображают, что их вера в состоянии будет сдвинуть горы. Лассаль мечтал воспользоваться союзом Бисмарка для переустройства мира, другие обращаются к римскому папе и требуют, чтобы он стал во главе униженных и нуждающихся, а когда претенциозный император Вильгельм пригласил к столу нескольких известных социологов и филантропов, то нашлись люди, которые говорили, что великий день социального переворота уже не далек.

И если престиж правительственной власти, царствующей „божьей милостью“, или по праву сильного, еще ослепляет некоторых социалистов, то тем более они будут преклоняться перед всякой другой властью, которая основана на популярном праве частичных или всеобщих выборов. Чтобы завоевать в свою пользу голоса избирателей, чтобы заслужить благосклонность граждан, что с первого взгляда может показаться весьма законным, социалист—кандидат на общественную должность, охотно будет приспосабливаться к вкусу толпы, потворствовать ей и даже умалчивать о ее недостатках: он будет игнорировать старые споры и антипатии и сделается на время другом и союзником тех, с которыми он когда то находился в антагонизме. В клерикале он по стараетсЯ увидеть социалиста-христианина, в либеральном буржуа—реформатора: в шовинисте—славного защитника гражданского достоинства своей нации, а в некоторых случаях он будет даже стараться не затрогивать и „собственника“ или „патрона“, он постарается представить ему свою программу, как единственную гарантию прочного мира. И „первое мая“, которое было некогда символом победоносной борьбы пролетариата против царя—капитала, превра-

щается таким образом в обычный праздник с гирляндами цветов и танцами. В этом заискивании перед толпой, кандидат на общественные должности мало по малу забывает свои прежние гордые речи в защиту истины и независимое положение бойца, и наружно и внутренне он совершенно меняется в особенности, когда он, наконец, садится на обитые бархатом скамьи против покрытой красным сукном с золотой бахромой трибуны, так как тут то именно и нужно уметь приветливо улыбаться, пожимать руки и оказывать услуги нужным людям.

Такова человеческая природа, и было бы абсурдом с нашей стороны упрекать за это лидеров социалистов, которые, вмещавшись в избирательную борьбу, мало по малу превращаются в свободно мыслящих буржуа: они помирились с окружающими их условиями, которые в свою очередь подчинили их себе. Таковой конец неизбежен, и историк должен только констатировать этот факт и указать на опасность, которая грозит революционерам, бросившимся очертя голову на политическую арену. Впрочем мы не хотим преувеличивать результаты эволюции социалистов в политиков, так как группа борцов всегда состоит из двух элементов, взаимные интересы которых все более и более разнятся. Одни изменяют своему делу—другие служат только ему, и этого достаточно, чтобы произвести новую дифференциацию индивидов, согласно их действительным склонностям. Точно также в недавнем прошлом мы видели и республиканскую партию, расколовшуюся на два враждебных лагеря—„опортюнистов“ и „социалистов“. А эти в свою очередь разделяются на политиков и неполитиканов, первые стараются смягчить свою программу до возможности принятия ее консерваторами, другие отворачиваются от всякого компромисса, чтобы сохранить свою революционную силу и искренность. Испытав временами минуты колебаний, неуверенности, даже скептицизма, они в конце концов оставляют „мертвецов хоронить своих мертвых“, и сами займут подобающее им место в рядах активных деятелей. Но пусть они знают, что всякая „партия“ требует партийных приверженцев, а следовательно требует солидарности как в дурном, так и хорошем:

каждый член партии становится солидарным с ошибками, ложью и честолобивыми поползновениями своих товарищей и руководителей. Только свободный человек, присоединившись по собственному влечению свои силы к силам других, ему подобных свободных личностей, имеет право не оправдывать и порицать ошибки или злоупотребления своих товарищей. Он будет ответственен только за самого себя.

VII.

Мы познакомились во всех подробностях с функциями современного цивилизованного общества; нам известен также революционный социалистический идеал. Мы констатировали равным образом, что либеральные попытки реформ заранее осуждены на безрезультатность, и что в идейной борьбе единственный предмет, который нас должен занимать, так как от него зависит сама жизнь,—это то, что всякое отступление от принципов приводит неизбежно в конце концов к поражению. Нам остается показать, какое большое значение имеют в нашем столь удивительно сложном обществе различные силы, приходящие в столкновение; дело идет о том, чтобы так сказать исчислить силы армий, ведущих борьбу, описать занимаемые ими стратегические позиции с холодным беспристрастием военных атак, подсчитать математически точно шансы на победу той и другой стороны. Однако великая битва идей, исход которой нас так сильно занимает, не будет разворачиваться перед нами в таком же порядке, как какое-нибудь сражение в котором участвуют генералы, капитаны и солдаты, с командой—„или“ в начале и криком отчаяния „спасайся, кто может“ в конце. Эта длинная непрерывная борьба, которая началась для первобытных людей в девственных лесах миллионы лет тому назад и которая до сих пор привела только к частичным успехам: она все же будет иметь окончательное решение—либо вследствие взаимного уничтожения человеческих энергий—человечество вернется к первобытному хаосу, гармония всех этих сил приведет к сознательному превращению человека в высшее существо.

Современная социология показала с полной ясностью существование двух обществ, находящихся в борьбе друг с другом; они смешаны между собой, противоречия затемнены существованием и там и здесь элементов, которые желают не желая и идут вперед, чтобы сейчас же и отступить. Но если смотреть на вещи с известной высоты, оставляя в стороне нерешительных и индифферентных, двигаемых судьбой, то станет ясно, что современное общество делится на два лагеря: в одном находятся те, которые стремятся поддержать неравенство и бедность, то есть повиновение и нищету для других, наслаждение и власть для себя самих; в другом лагере находятся те, что ведут борьбу за общее благосостояние и свободную инициативу каждого.

Сначала кажется, что силы обеих враждующих сторон очень неравны: утверждают, что консерваторы гораздо сильнее. Защитники современного общественного строя владеют безграничной собственностью, их доходы исчисляются миллионами и миллиардами, все могущество государства с армией чиновников, солдат, полицейских, судебных властей, весь арсенал законов и приказов, так называемые непогрешимые догмы церкви, инерция привычки, наследственные инстинкты и пошлая рутина, которая почти всегда привязывает пресмыкающихся побежденных к их гордым победителям, — все это на их стороне. Что же могут противопоставить всем этим организованным силам — анархисты, эти строители нового общества? Повидимому — ничего. Без денег, без армии — они несомненно оказались бы побежденными, если бы не являлись представителями идейной и нравственной эволюции. Они сами по себе ничто, но за них развитие человеческой инициативы. Все прошлое лежит на их плечах страшной тяжестью, но логика событий оправдывает их и толкает вперед, несмотря на законы и полицейских.

Попытки подавить революцию могут временно окончиться видимым успехом. Реакционеры ликуют и поздравляют друг друга. Но их радость напрасна: отхлынув в одном месте, революционная волна поднимается в другом. После того как была раздвлена Парижская Коммуна, официальный и придворный мир Европы мог думать, что социализм эта рево-

люционная стихия современного общества, умер и похоронен навсегда. На глазах победителей немцев французская армия вообразила, что она может себя реабилитировать подавлением и расстрелом парижан — всех недовольных и революционеров. На своем политическом жаргоне, консерваторы могли хвалиться тем, что они „пустили кровь бродягам“. Тьер — этот несравненный тип буржуа-выскочки, думал, что он окончательно уничтожил парижских революционеров и зарыл их на кладбище Пер-Ланез. Те же из оставшихся, которых он считал наиболее зловредными представителями социалистов, были сосланы в заточение в Новую Каледонию, к нашим антиподам. Вслед за Тьером повторяли его слова все его европейские друзья и со всех концов неслись песни Триумвира. А что касается немецких социалистов, разве они не были под надзором того, кто был „могущественнее самих государей“ — одно движение бровей которого приводило в трепет Европу. А русские нигилисты? Кто были эти несчастные? Странные чудовища, дикие потомки гуннов и банкиров, в которых цивилизованные люди запада видели только зоологических особей. Увы! без труда можно себе представить, какое мрачное молчание настало, когда в Варшаве и других местах был „водворен порядок“. На другой день после бойни, найдется немного людей, готовых стать под пули. Когда одно слово, один жест наказываются тюрьмой, очень редко встречаются люди, готовые подвергнуться опасности. Немногие спокойно жертвуют собой за дело, торжество которого еще не близко или даже сомнительно: все не могут обладать героизмом русских нигилистов, составляющих прокламации в лагере своих врагов и расклеивающих их на стенах, чуть ли не на глазах у часовых. Нужно быть самому готовым на всякую жертву, чтобы иметь право послать упрек тем, кто не смеет объявить себя борцом за свободу, когда их заработок, а следовательно и жизнь дорогих им существ зависит от их молчания. Но если не все угнетенные герои, — они не менее чувствуют страдания, они не менее желают освободиться от гнета и настроение всех страдающих вместе с ними и знающих причины страданий создаст в конце концов революционную силу. Хотя в какомнибудь

городе вовсе не существовало ни одной группы, объявившей себя анархистами, все рабочие в нем все же анархисты в большей или меньшей степени. Инстинктивно аплодируют они товарищу, который говорит им об общественном строе, когда не будет хозяев и когда продукт труда будет принадлежать производителям. Этот инстинкт содержит в себе зародыш будущей революции, ибо с каждым днем он становится определеннее и претворяется в сознании. То, что рабочий смутно чувствовал еще вчера, сегодня он уже это знает, и каждый новый опыт приносит ему новые знания. А крестьяне, которые не могут прокормиться продуктами своего клочка земли, и те еще более многочисленные, которые не имеют и куска глины — не начинают ли они понимать, что земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает? Они это всегда инстинктивно чувствовали; теперь они это знают и скоро заговорят определенным языком борьбы.

Радость, вызванная кажущимся исчезновением социализма, длилась недолго. Дурные сны мучили палачей, им казалось, что жертвы их не совсем умерли. Найдется ли теперь хоть один слепец, который сомневался бы в их воскресении? И разве не те же самые писаки, которые повторяли вслед за Гамбетой: „социального вопроса более не существует“, схватывают на лету слова императора Вильгельма, чтобы кричать вслед за ним: „на нас наступает социальный вопрос, он держит нас в осаде!“, чтобы требовать против всех „нарушителей порядка“ исключительных законов и неумолимых репрессий? Но как бы ни был жесток закон, который они могут издать, он не в силах подавить пришедшую в брожение мысль. Если бы какому нибудь титану Энцеладу удалось бросить в кратер скалу и остановить извержение, то кратер образуется в другом месте вулкана, и через новое отверстие потекут новые потоки лавы. Так после взрыва французской революции, Наполеон мнил себя таким титаном, который закунорит кратер революции; толпа льстецов и невежд думала так вместе с Наполеоном. Однако те солдаты, „которых он водил по всей Европе, служили делу распространения новых идей и привычек, завершая этим свое дело разрушения: так будущий декабрист или нигилист брал пер-

вые уроки восстания у одного из военнопленных, спасшихся при переправе через Березину. Точно также временное завоевание Испании Наполеоновской армией разорвало цепи, которые приковывали Новый Свет к стране Инквизиции, и освободило огромные провинции Америки от невыносимого колониального гнета. Европа, как будто остановилась, но зато Америка двинулась вперед. Наполеон оказался проходящей тенью.

Внешняя форма общества изменяется в соответствии с внутренним давлением: нет исторического факта, который был бы установлен с такой несомненностью. Сок питает дерево и создает листья и цветы; кровь создает человека, идеи создают общество. И нет ни одного консерватора, который не жаловался бы на то, что идеи, нравы, все, что составляет внутреннюю жизнь „человечества, изменились к худшему в сравнении с добрым старым временем“. Конечно, также переменяются и соответствующие им социальные формы. Революция приближается по мере углубления этой внутренней работы, происходящей в умах.

Однако не следует пребывать в мирном бездействии, ожидая благоприятных перемен от времени и обстоятельств. Восточный фатализм здесь неуместен, так как наши противники работают не покладая рук, и, сверх того, им часто помогают реакционные течения. Некоторые из них, будучи одарены большой силой воли, пользуются всеми находящимися в их руках средствами борьбы и, обладая необходимым присутствием духа, чтобы вести атаку, не теряются в затруднительных случаях и при поражениях. „Умирающее общество!“ сардонически говорил один фабрикант по поводу книги нашего товарища, анархиста Жана Грера. „Умирающее общество! оно еще живо, чтобы поглотить вас всех!“ А когда республиканцы и свободомыслители толковали об изгнании иезуитов, этих вечных вдохновителей католической церкви: „право“, вскричал один из этих священников, „наш век удивительно деликатен. Не воображают ли они, что пепел костров совершенно остыл, и в нем не найдется ни единой искры зажечь факел? Глупцы! называя нас иезуитами, они полагают, что поносят нас этим именем, но эти иезуиты

готовят им цензуру, замки и костры!" Если бы все враги свободной мысли и личной инициативы обладали такой сильной логикой, такой энергией и последовательностью, они, быть может, и победили бы нас при помощи всех средств репрессии и произвола, которыми обладают современные правительства; но социальные группы, в своем эволюционном прогрессе непрерывного „становления“, никогда не бывают и не могут быть строго последовательными, так как интересы и влечения людей всегда различны; кто в самом деле, не стоит одной ногой на неприятельской почве? „Всякий чем нибудь нам союзник“, по справедливому изречению одного политика нет ни одного учреждения, которое было бы вполне определено и открыто самовластным; нет владыки, который согласно совету Иосифа де-Местра, постоянно опирался бы на плечо палача. Вопреки императорским обращениям, вопреки хвастливым цитатам в альбомах принцесс и высокомерным заявлениям на пирушках, власть в наше время уже не осмеливается быть совершенно абсолютной, или становится таковой только по капризу, по отношению, например, к заключенным, несчастным пленникам, или бесправным и лишенным поддержки личностям. Всякий властелин окружен своей камарильей, не считая министров, посланников, государственных советников, из которых всякий облечен своего рода вице-королевской властью. Кроме того он связан в проявлении своей воли старинными обычаями, осторожностью, протоколами, условными приличиями, занимаемым положением—этикетом, представляющим целую науку со множеством трудно разрешимых задач; самый необузданный из них „Людовик XIV“, связан тысячью пут, из которых ему никогда не освободиться. Все эти условности этикета, держа тщеславного властелина в своих тисках, как бы дают ему почувствовать падение и постоянно же уменьшают его реакционную силу.

Люди, отмеченные печатью смерти, не ожидают, когда их убивают: они лишают себя жизни сами, они или стреляются, вешаются, или же ими овладевает меланхолия, тоска, пессимизм, словом одна из тех душевных болезней, которые предвещают и ускоряют конец. У привилегированного на-

следника истощенной выродившейся расы пессимизм не есть только внешняя манера или маска, а настоящая болезнь. Не познав еще жизни, несчастный юноша уже не находит в ней ничего привлекательного, живет протестуя против нее и это почти насильственное существование равносильно преждевременной смерти. В таком положении человек заранее осужден на все душевные болезни, сумасшествие, преждевременную старость, бешенство или декадентство. Жалуются на прогрессивное уменьшение детей в семьях; но в чем причина произвольного или непроизвольного бесплодия, если не в упадке жизненной энергии и жизнерадостности? В рабочих семьях, где не мало причин к огорчению, нет однако времени, чтобы предаваться тоске и пессимизму. Нужно жить, идти вперед, бороться и развиваться во что бы то ни стало и возобновлять свои силы ежедневным трудом. Только благодаря росту этих трудящихся семей держится общество; из их среды постоянно появляются передовые люди, и благодаря их смелой инициативе общество не застывает в рутине и только благодаря этому постоянному регрессу и вымиранию пресыщенных благами жизни представителей привилегированных классов, новое общество обязано своим существованием.

Другую гарантию прогресса революционной мысли нам дает нетерпимость властей, в которой сохранились пережитки прошлого. Официальный жаргон наших политических обществ, представляющий путаницу всех понятий, настолько нелогичен и противоречив, что часто в одной и той же форме говорится о „неотъемлемых правах общества“ и о „священных правах сильного государства“; точно также в законных функциях административного организма участвуют мэры и синдики, которые, будучи представителями свободного народа перед его правительством, являются вместе с тем и исполнителями приказаний того же правительства, обращенных к подчиненному ему народонаселению. Здесь нет ни единства, ни смысла: это какой то сплошной хаос перекрещивающихся понятий, законов, нравов сотен народов и десятков тысячелетий, подобно тому, как на берегу моря перемешаны камни, скатившиеся с гор, принесенные течениями рек и выброшенные

волнами. С точки зрения логики современное государство представляет картину такой путаницы, что даже самые заинтересованные защитники отказываются его оправдать.

Так как защита интересов собственников и „прав капитала“ является главной функцией современного государства, то необходимо поэтому, чтобы защищающий такой порядок экономист имел в своем распоряжении или неопровержимые аргументы, или какую-нибудь ослепляющую разум ложь, которые бедный труженик, желающий верить в общее счастье, считал бы неоспоримыми. Ну, увы! Все эти прекрасные теории, изобретенные некогда для глупого народа, не пользуются больше кредитом; теперь уже никто не станет защищать устаревшее положение, что „благосостояние и собственность являются наградой за труды“. И, утверждал, что основанием благосостояния является труд, сами экономисты понимают, что это ложь. Как и анархисты, они знают, что богатство создается не личным трудом, а благодаря труду других; они знают, что биржевые крахи и спекуляция, благодаря которым приобретаются громадные состояния, совершенно справедливо могут быть уподоблены грабежам, и конечно, они не осмелятся утверждать, что человек могущий гратить по миллиону в неделю, т. е. сумму, на которую могло бы существовать сто тысяч человек, отличается от других людей умом и другими душевными качествами, превышающими в сто тысяч раз ум и способности среднего человека. Было бы бесполезно заниматься разбором всех этих лицемерных аргументов, на которые опираются защитники социального неравенства.

Но они употребляют другой аргумент, который имеет, по крайней мере, то достоинство, что не опирается на хитро-сплетенную ложь: против требований справедливости и равенства они выставляют право сильнейшего и имя великого ученого Дарвина, против его воли, послужило им средством для защиты и оправдания царящих повсюду несправедливостей и насилий. Сила мускулов и челюстей, сила дубины и кистеня вот их лучший, — аргумент! Действительно, право сильного, захватившего в свои руки все источники богатств, царствует повсюду. Тот, кто лучше обеспечен материально,

кто принадлежит по рождению к привилегированному меньшинству, обладает образованием, имеет могущественных друзей, кто, наконец, лучше вооружен силой или хитростью, тот, конечно, обладает и наибольшими шансами успеха; лучше всякого другого он может построить неприступную крепость и поражать оттуда своих менее счастливых собратьев.

К какому исходу привела борьба грубых эгоистических стремлений. Раньше не осмеливались так открыто выставить этой теории огня и меча, которая казалось была слишком жестокой и ей предпочитали лицемерные речи о бережливости и трудолюбии. Ее облекали в глубокомысленные формулы, смысл которых, надеялись, будет недоступен народу: „труд — это узда“, говорил Гизо. Но научные выводы натуралистов из борьбы за существование в мире животных — переживание наиболее сильных индивидов, придали теоретикам грубой силы смелость бросить без прикрас и наглый вызов: „Вы видите, говорят они, это закон природы, это неизбежная судьба, которой одинаково подчинены и хищник и его жертва“.

Но мы можем только радоваться, что вопрос так упрощен и так грубо поставлен, тем проще и его решение. „Царство силы!“ Провозглашают защитники социального неравенства. „Да, царство силы!“ кричат все громче те, которые пользуются благами, доставляемыми современной индустрией в ее постоянном совершенствовании, цель которого прежде всего уменьшение числа рабочих рук. Но то, что говорят теоретики-экономисты, что повторяют за ними фабриканты, — разве не могут сказать и революционеры, понимая только, что для них настанет время согласного существования, которое постепенно заменит существующую борьбу?

Право сильного не всегда будет законным правом монополизировавших орудия производства. „Сила побеждает право“, говорил вслед за другими и Бисмарк, но может настать день, когда сила станет наконец на сторону истинного права. Если правда, что идея солидарности распространяется, если правда, что завоевание науки проникает все более и более глубокие слои общества, если правда, что нравственные богатства, делаются общим достоянием рабо-

чих, которые одновременно имеют наибольшие права на производимые ими богатства а также и силу, не воспользуются ли они наконец ею, чтобы произвести революцию в пользу всех.

Что могут сделать отдельные личности, как бы они ни были сильны, богаты, умны и хитры, против солидарных масс пролетариата? Правительства, потеряв надежду подкрепить доводами морали свои права, ищут теперь только „твердой власти“, единственное средство, в котором они нуждаются. Нетрудно найти многочисленные примеры тому, что в министры выбираются теперь лица, не потому, что они прославились воинскими подвигами и не потому, что они знатного происхождения или обладают выдающимися талантами и красноречием, но единственно за абсолютное отсутствие щепетельности. В этом отношении им доверяют вполне: в их стремлении усилить власть и защитить денежный мешок их не остановят никакие соображения.

Ни в одной из революций, совершившихся в наш век, мы не видели, чтобы привилегированные классы боролись самостоятельно, они всегда или опирались на бесчисленную армию бедняков, которым они старались внушить „веру в знамя“, или делали это под видом „водворения порядка“. Шесть миллионов человек, не считая высшую и низшую полицию, заняты этим делом в Европе. Но эти армии могут дезорганизоваться, они могут вспомнить, наконец, свое происхождение и то, что связывает их с народными массами, и рука, которая управляет ими, не может удержать их. Составленные в своей большей части из пролетариев, они могут превратиться, и наверное рано или поздно превратятся для буржуазного общества в то, чем сделались некогда наемные варвары империи для римского общества—в элемент разрушения. История изобилует примерами того политического ужаса, который овладевает даже такими из властей имущих, которые сохранили до конца силу характера, но, ведь, есть еще и масса „правителей“, которые являются простыми дегенератами, не обладающими ни достаточной энергией, ни физической силой, чтобы пробиться к выходу и спастись, ни достаточно человеческого достоинства, чтобы

позаботиться раньше о спасении из пожара своих жен и детей.

Когда обездоленные объединятся, для защиты своих интересов, ремесло с ремеслом, нация с нацией, раса с расой, или внезапно просто человек с человеком, когда перед ними, наконец, будет ясна их цель—не сомневайтесь, они скоро найдут случай, чтобы добиться силой общей свободы. А как бы ни был могуществен их господин, он будет ничто, лицом к лицу, перед этой объединенной одним желанием массой, которая восстанет на него, чтобы обеспечить себе раз навсегда кусок хлеба и свободу.

VIII.

Кроме материальной силы грубого и бессовестного произвола, проявляющегося в лишении работы, арестах и расстрелах, в распоряжении правящих классов имеется, быть может, и еще более могущественная моральная сила, сила религиозного внушения. И, без сомнения, нельзя отрицать значения этой силы, с которой нужно серьезно считаться при изучении современного общества.

Энциклопедисты XVII века с слишком юношеским увлечением праздновали торжество разума над христианским суеверием, и мы должны констатировать грубое заблуждение известного философа Кузена, который в эпоху реставрации, в интимном кругу друзей воскликнул однажды: „католицизм проживет еще лет 50, не более“.

Полвека давно уже прошло, а масса католиков с полной уверенностью и гордостью говорит еще о своей церкви, называя ее „Вечной“. Монтескье говорил, что „при современном положении нельзя предполагать, чтобы католицизм просуществовал еще более пятисот лет.

Но если католической церкви как будто и удалось расширить свое влияние; если Франция энциклопедистов и революционеров отдаст себя под покровительство „Св. Сердца“, если духовные власти ловко воспользовались страхом, охватившим всех консерваторов, чтобы выставить религию, как единственное социальное средство против революции, если

европейская буржуазия, состоявшая раньше из фрондирующих скептиков и вольтерьянцев и не знавшая другой религии, кроме неопределенного деизма, теперь благоразумно слушает мессу и ходит даже к исповеди; если Квиринал и Ватикан, церковь и государство, так усердно стараются теперь сгладить старые недоразумения, то это, конечно, не потому, что вера в чудесное овладела сильнее живой и деятельной частью общества.

Она овладела только умами трусов или разочаровавшихся в жизни, а также лицемерно присоединившихся к ней заинтересованных сообщников. Однако, нужно признать, что буржуазное христианство не простое лицемерие; когда какой-нибудь класс проникается предчувствием своей неизбежной гибели и видит раскрывшуюся перед ним пасть смерти, то он спешит обратиться к спасительному божеству, какомунибудь фетишу, спасительному слову веры, или к первому встречному обманщику, проповедующему спасение и воскресение. Как римляне приняли христианство, так и бывшие вольтерьянцы вернулись в лоно католицизма.

И действительно, кто хочет во чтобы то ни стало сохранить привилегированное меньшинство, тот должен принять догму, являющуюся краеугольным камнем всего здания; если полевые, лесные стражники, надсмотрщики, солдаты и полицейские агенты, чиновники и государи не внушают народу достаточного страха, то остается еще внушить ему страх Божий, страх перед вечными муками в аду и мытарствами в чистилище. Приходится напомнить о заповедях Божиих и религиозных обрядах, свидетельствующих о всемогуществе Бога.

Приходится лицемерно повиноваться непогрешимому папе, викарию самого Бога и преемнику апостола, владеющего ключами Рая. Все реакционеры объединяются в этом религиозном союзе, который является для них последним шансом на спасение, последним ресурсом победы, и в этом союзе протестанты и евреи, не менее католиков, столь же любезные папскому сердцу дети.

Но „за все нужно заплатить“. И церковь открывает широко свои двери, чтобы принять еретиков и схизматиков:

вследствие этого она, в силу необходимости, делается снисходительной и индифферентной. Она может приспособиться к этой разнородной и изменчивой среде современного общества, лишь при неперменном условии отказаться от своей прежней нетерпимости. Догмат признают неизменным, но стараются об этом не говорить, предпочитая держать неносвященного в неведении даже относительно Никейского символа веры. От вас даже не потребуют, чтобы вы притворялись верующим: „можете не верить, исполняйте лишь обряды!“ Коленопреклонения, осенения крестным знаменем в надлежащие моменты и приношение на какойнибудь алтарь „святого сердца“ Иисуса или Марии—этого достаточно. Словом, как выражается Флобер в одном из своих писем к Жорж Занд: „нужно принадлежать к католицизму, не веря ни одному слову его“.

Всякий может быть уверен в радушном приеме, хотя бы и не обнаруживал искренней веры, лишь бы он своей подписью или личным присутствием увеличил число „верующих“; а тех же, кто принадлежит к влиятельной семье или имеет личные заслуги, большое состояние, принимают с распростертыми объятиями. Церковь отнимает даже у родных и друзей трупы людей, живших всю жизнь вне ее лона и враждебных ее учению. Трибунал инквизиции проклял и сжег бы прах еретиков, наши же священники и проповедники напутствуют и во что бы то ни стало и за какую бы то ни было плату. Невозможно, следовательно, оценить действительное значение современной эволюции церкви, если судить только по внешним признакам ее развития, т. е. на сколько увеличилось число ее храмов и число членов ее паствы.

Католицизм был бы в полнейшем расцвете своих сил, если бы все принимавшие его учение и ливрею были искренни, и если бы лицемерно не присоединились только из-за личных выгод к вере своих отцов. Но в настоящее время можно насчитать миллионы лиц, которым выгодно считаться христианами и которые только из лицемерия называются ими, чтобы ни говорили духовные мистики о преследованиях, которым подвергаются верующие люди; эти преследования таковы, что о них нельзя говорить серьезно,

и „Ватиканский узник“ заставляет проливать слезы сострадания к нему лишь заинтересованных в этом лиц. Насколько более ужасно положение рабочих—стачечников, которых изгоняют из их жалких жилищ и расстреливают массами, или тех анархистов, которых пытаются в тюрьмах!—убеждения заслуживают уважения лишь постольку, поскольку они искренно воодушевляют тех, кто их высказывает. А все эти жуиры и люди большого света, которые с показной набожностью входят в лоно церкви, сделались ли они более милосердными и снисходительными к несчастным, сочувствуют ли они тому, кто страдает? Это очень сомнительно. Напротив, имеются признаки, доказывающие нам, что по мере развития внешнего значения церкви, действительная вера ослабевает. Католицизм не есть уже прежняя религия покорности и унижения, которая учит бедняков набожно мириться с нищетой, несправедливостью и социальным неравенством. Рабочие, даже те, которые организуют так называемые „христианские союзы“ и которые, следовательно должны были бы постоянно славословить Господа за его бесконечную благодать и благоговейно ждать, чтобы ворон пророка Илии приносил им хлеб и мясо утром и вечером, даже эти рабочие превращаются в социалистов, издают постановления, требующие увеличения заработной платы, и соединяются в союзы с не христианами, для поддержания своих требований. Вера в Бога, в его святых не удовлетворяют уже их; им нужно также и материальные гарантии, и они их ищут не в абсолютной зависимости и послушании, которые так часто проповедуются верующим, а в союзе с товарищами, в основании общества взаимной помощи и, быть может, даже в активном сопротивлении. Христианская религия не могла противопоставить новые средства сопротивления новым условиям жизни: не умея приноровиться к условиям, которых не предвидели даже ее основатели, она все еще придерживается старых формул благодеяния, смирения и бедности, и, конечно, неизбежно должна потерять все молодые, сильные и интеллигентные силы, сохраняя только нищих сердцем и духом—в худшем значении этого слова, „блаженных“, которым в нагорной проповеди обещается царство небесное. И в то время,

как лицемеры наполняют церкви, люди искренние покидают ее: целыми сотнями выходят из рядов, торгующих спасением души более добросовестные священники, и толпа, которая раньше всегда относилась враждебно к таким покинувшим священническую рясу лицам, теперь относится к ним с уважением.

Католицизм был в сущности осужден на гибель уже в то время, когда потеряв всякую творческую способность в области искусства, он оказался способным только на подражание искусству неогреческому, неоготическому или эпохи возрождения. Теперь это уже религия мертвых, а не живых. Неопровержимым доказательством действительного бессилия церкви является факт, что она уже не в состоянии остановить ни научного движения вверх, ни все распространяющегося образования вниз; она может теперь только задерживать, но не остановить ход развития науки; некоторые церкви даже делают вид, что служат ей и помогают, стараясь держаться подальше от тех неприятных учителей, которые умеют говорить на своих лекциях против „банкротства науки“. Не будучи в состоянии помешать открытию школ, они хотят по крайней мере руководить ими, т. е. захватить в свои руки народное просвещение, и в некоторых странах это им вполне удается. Миллионами, десятками миллионов считают теперь детей, доверенных моральному и умственному воспитанию священников, монахов и монахинь всевозможных орденов: воспитание европейской молодежи предоставлено в своей большей части бесконтрольному влиянию духовных лиц; и даже там, где они устранены гражданскими властями, им дают право надзора или же гарантии нейтральности, а то даже и сообщничества. Эволюция человеческой мысли, которая совершается более или менее быстро, в зависимости от индивида, класса или нации, привела к тому противоречивому и ложному положению дела, при котором функции воспитания и образования поручаются именно тем лицам, которые принципиально должны презирать и отвергать всякое знание, следуя первой заповеди своего бога: „ты не будешь есть от дерева познания“. И великая ирония обстоятельств привела к тому, что именно эти лица

являются официальными распределителями этого ядовитого плода.

И, конечно, мы можем им поверить, когда они хвалятся, что распределяют этот „плод“ со всей осторожностью и скупостью, изобретая в то же время и противоядие ему.

Для них есть знание и знание, одному они обучают со всеми предписанными предосторожностями, о другом тщательно замалчивают. Факт, который они считают нравственным, может быть запечатлен в памяти детей, другой—обходится молчанием, как способный пробудить у учащихся дух неповиновения и протеста. Понимаемая таким образом история обращается в лживый рассказ; естественные науки сводятся на совокупность фактов, без связи, без причины, без цели; в каждой серии учебных предметов вещи приеваются словами, а в высших учебных заведениях, где признается необходимым касаться более важных проблем, это делают всегда окольным путем, загромождая их анекдотами, хронологическими датами и собственными именами, гипотезами, запутанными аргументами противоречивых систем,— что ум, сбитый с толку, охваченный недоумением, возвращается от утомления к младенческому лепету и бесцельной деятельности.

И все таки, как ни было лживо и не умно такое образование, можно, пожалуй признать, что, взятое в целом, оно скорее полезно, чем вредно. Все зависит от тех пропорций, из которых составляется микстура и от умственного сосуда, от индивидуальности ребенка, который ее принимает. Единственные школы с действительной реакционной программой—это монастырские, директрисы которых „святые сестры“ не умеют даже читать, и где дети учатся только крестному знамению и молитвам. Но внешнее влияние проникало во все школы, даже в те, в которых воспитание католическое, протестантское, буддийское или мусульманское по общему признанию ограничивается простыми изречениями, формулами, мистическими фразами и извлечениями из непонятных книг. Иногда внезапный случайный проблеск прорывался сквозь весь этот вздор, раскрывшемуся уму ребенка предоставляется логический вывод, отдаленный намек принимает характер

откровения; какой-нибудь бессознательный жест, случайный эпизод, могут совершить то зло, которого старались избежать, живое слово прорвалось сквозь пустой набор слов, и вот, вдруг, логический ум. Ребенок делает скачек к опасным заключениям, вероятность умственного пробуждения еще усиливается в тех конгрегатских или других школах, где преподаватели, совершенно придерживаясь обязательной рутины уроков и недогазованных объяснений, тем не менее вынуждены излагать факты, раскрывать связь между ними и выводить законы. Каковы бы ни были комментарии, которыми учитель сопровождает свои уроки, цифры, изображаемые им на доске, останутся неизгладимы.

Какая истина возьмет верх?

Та, которая доказывает, что дважды два четыре, что ничто не может произойти из ничего, или же, старая истина, которая нас учит, что все в мире создано из небытия, и утверждает, что Бог один в трех лицах?

В том случае, если обучение ограничивается только школой, правительство и церковь могли бы еще надеяться держать умы в рабстве, но дело в том, что главнейшие знания получаются вне школы—на улицах, в мастерских, перед ярмарочными балаганами, в театрах, в вагонах железных дорог, на пароходах, в новых странах, в чужих городах. Теперь путешествуют все, или ради удовольствия, или ради наживы. Во всяком собрании встречаются люди, видевшие Россию, Австрию, Америку, и если еще редки кругосветные путешественники, то почти нет таких людей, которые не настолько путешествовали бы, чтобы, по крайней мере, не могли бы наблюдать разницу между городом и деревней, культурной страной и пустыней, горой и равниной, или сушью и морями. Среди всей передвигающейся с места на место массы людей есть, конечно, немало таких, которые путешествуют без плана и цели. Меняя одну страну на другую, они не меняют среды и остаются, так сказать, у себя дома; роскошь, удовольствия, предоставляемые им отелями, не позволяет им заметить все отличительные свойства той или другой страны, того или другого народа; бедняк же, сталкивающийся со всеми трудностями жизни, совер-

ненно самостоятельно, без проводника сможет лучше наблюдать и лучше узнавать.

Великая школа внешнего мира одинаково раскроет чудеса мировой промышленности и бедному и богатому, и тем, кто создал эти чудеса своим трудом, и тем, кто ими пользуется. Железные дороги, телеграф, гидравлические подъемные машины, сверлильные буравы, прожекторы, понижающие лучами света громадные пространства, все эти вещи может видеть всякий бедняк, дающий себе отчет, как и почему все происходит, не хуже какого-нибудь властелина, и его ум поражается всем этим не в меньшей степени. В пользовании некоторыми из этих завоеваний привилегии уже не существуют. Механик, управляющий локомотивом и то удваивающий его скорость, то останавливающий его ход, по своему произволу, считает ли себя ниже государя, который едет сзади его в раззолоченном вагоне, и содрогается, однако, при мысли, что его жизнь зависит от действия рычага или поршня, или динамитной петарды.

Наблюдение природы и творений человека, жизненная практика—вот те школы, в которых получает настоящее воспитание современное общество. Как бы школа в собственном смысле этого слова не приблизилась к задаче истинного образования, она все же будет иметь лишь относительное значение, сильно отставая от школы окружающей социальной жизни. Разумеется, идеал анархистов заключается не в уничтожении школы, но напротив в ее расширении, в преобразовании самого общества в огромную организацию взаимного самообразования, в которой все были бы одновременно учениками и профессорами, и каждый ребенок, получив первичное понятие обо всем на первых уроках, учился бы развиваться гармонически, соответственно его умственным способностям в свободно избранной обстановке. Но посредством ли школы или помимо нее, всякое великое завоевание науки в конце концов становится достоянием всего общества. Профессиональные ученые в течение целых веков работают над изысканиями и гипотезами, сражаясь среди заблуждений и лжи; но когда истина наконец познается, что часто бывает наперекор им и благодаря какому-нибудь

смельчакам, которых сначала оплевывают, она открывается во всем своем блеске, простая и ясная. Все легко ее воспринимает, кажется что она была известна всегда.

Некогда ученые воображали, что небо представляет собою круглый купол, металлический свод, даже не один, а несколько сводов: три, семь, девять, даже тринадцать, и каждый со своим течением звезд, со своими отдельными законами, со своим особенным устройством и своими сонмами ангелов и архангелов для охранения его. Но с тех пор как разрушены все те сложные небеса, о которых говорят Библия и Талмуд, не найдется ни одного ребенка, который не знал бы, что земля окружена свободным, бесконечным пространством, хотя его не учат специально этому. Это одна из тех истин, которые нынѣ становятся всеобщим наследством. Так было со всеми великими научными приобретениями. Они, так сказать, входят в ту атмосферу, которой мы дышим.

Каковы бы ни были источники просвещения, оно доступно всем, и на долю рабочих приходится не меньшая часть. Пусть какое-нибудь открытие сделано буржуа, дворянином или разночинцем, будет ли он горшечником Палисси, или канцлером Бэконом, их изобретениями будет пользоваться весь мир. Конечно, привилегированные очень желали бы сохранить для себя выгоды знаний, предоставив народу оставаться в невежестве. Чуть не ежедневно предприниматели применяют тот или другой химический способ, и привилегиями и патентами присваивают себе исключительное право на фабрикацию тех или иных полезных для человечества предметов; как известно император Вильгельм требовал от врача Коха признания государственной монополии изобретенного им средства излечения; многие изобретатели работают над тем только, чтобы удовлетворить эгоистические вкусы богатых.

Такие эксплуататоры знаний попадают в положение волшебника из „тысячи одной ночи“, распечатавшего сосуд, в котором в продолжении десяти тысяч лет заперт был усиленный гений. Они хотели бы снова зацере́ть его, и запечатать тремя замками, но забыли слова заклинания и гений остался свободным навсегда.

И по какому-то странному противоречию, оказывается, что относительно всех социальных вопросов, в которых рабочие имеют прямой и естественный интерес требовать всеобщего равенства и всеобщей справедливости, им легче, чем профессиональным ученым удается познание истины, которая и есть действительное знание.

Было время, когда огромное большинство рождалось, жило в рабстве и не имело другого идеала, как переменить господина.

Никогда им не приходила в голову мысль, что все „люди равны“. Теперь же они знают и понимают, что это „скрытое равенство, в сущности уже осуществленное эволюцией, в будущем должно превратиться в равенство реальное, посредством революции, или вернее непрерывного ряда революций. Рабочие, наученные жизнью, иначе понимают законы политической экономии, чѣм профессиональные экономисты. Они не заботятся о ненужных подробностях и подходят прямо к сущности вопроса, спрашивая себя относительно каждой реформы, обеспечит ли она им хлеба или нет. К различным видам налогов, прогрессивных или пропорциональных, они остаются равнодушны, зная, что все налоги в последнем счете оплачиваются беднейшими. Они знают, что для громадного большинства их действует „железный закон“, который не имея того фатального неизбежного характера, который ему прежде предписывали, тем не менее является для миллионов людей страшной действительностью. В силу этого голодный, самым фактом своего голода, обречен на получение за свой труд только скудного пропитания. Суровый опыт постоянно подтверждает эту необходимость вытекающую из права силы. Не стало ли общим правилом обрекать на гибель человека, когда он становится не нужен и бесполезен своему хозяину?

И так, без всякого парадокса можно сказать, что народ или по крайней мере та часть народа, которая имеет досуг мыслить, не проходя даже университетского курса, обыкновенно знает гораздо более, чем большинство ученых; он не хочет знать бесконечных подробностей, он не посвящен в тысячи головоломных формул; его голова не загромождена

названиями на всех языках, как библиотечный каталог, но горизонт его шире, он видит дальше, с одной стороны в глубь прошлого, с его варварским состоянием человечества, с другой в преобразованное будущее; он лучше понимает последовательность событий; сознательно относится к великим историческим движениям; лучше знаком с богатством земного шара; в конце концов он больше человек. В этом смысле можно сказать, что иной товарищ, анархист, из наших знакомых, которого общество признало достойным лишь тюрьмы, в сущности мудрее целой академии или целой банды студентов, только что вынужденных из университетов, нагруженных научными фактами. Ученый чрезвычайно полезен, как каменщик; он извлекает материал, но не он им пользуется, и дело, уже всего народа, всего общества, воздвигнуть здание.

Пусть каждый возвратится к своим воспоминаниям и он может тогда констатировать перемены, происшедшие с половины девятнадцатого века в образе мыслить и чувствовать и вытекающих, следовательно, из этого соответственных изменений в манере действовать. Казалось несомненным, что в каждой организации должна быть голова, начальник, командир. На небесах Бог, хотя бы это был Бог Вольтера; властитель на троне, или на кресле, будь то конституционный король или президент республики, „свинья на корму“, по удачному выражению одного из них; хозяин при каждой фабрике, старшина в каждой корпорации, муж или отец с грубыми окриками в каждом хозяйстве. Но со дня на день предрассудок рассеивается и престиж власти падает; ореол бледнеет по мере того, как наступает день. Вопреки приказаниям, чтобы и неверующие делали вид, что они верят, вопреки академикам и профессорам, которые должны притворяться, чтобы сохранить свой престиж,—вера исчезает и, несмотря на все коленопреклонения, крестные знамения и мистические комедии, вера в Вечного Господа, от которого происходит и власть всех смертных господ, рассеивается, как сновидение ночи.

Кто бывал в Англии и Соединенных Штатах, через двадцатилетний промежуток, того поражает чудесное преобразование, совершившееся в умах в этом направлении.

Оставив людей нетерпимыми фанатиками, косневшими в своих религиозных и политических верованиях, их находили интеллигентными, свободомыслящими, чуткими ко всякой лжи и несправедливости. Их уже не устрашает призрак мстительного Бога.

Упадок уважения есть важнейший практический результат этой идейной эволюции.

Чем в самом деле недовольны поны, бонзы или муллы? Тем, что люди смеют думать не по их указам. На что также жалуются сильные мира сего? На то, что их третируют, как простых смертных.

Им не уступают дороги, им небрежно кланяются. Да и повинувшись представителям власти ради куска хлеба, и отдавая им внешние знаки почтения, люди знают цену этим господам, их собственные подчиненные первые стараются обратить их в посмешище. Не проходит и недели, чтобы по адресу судей, одетых в красивые мантии, с форменными шапочками на головах не раздавались со скамей подсудимых ругань и насмешки их жертв. Даже иногда заточенные бросают своими деревянными башмаками в головы председателей суда. А генералы! Мы их видели на деле. Мы видели, как они с важным, напыщенным величественным видом осматривали аванпосты, не давая даже себе труда подняться на воздушном шаре или послать офицера наблюдать позиции неприятеля. Мы слышали, как они отдавали приказы разбирать мосты, хотя в виду не было ни одной неприятельской батареи, и как они обвиняли своих инженеров, за то, что они строили слишком узкие мосты стеснительные для атакующих колонн. Мы с болью слышали ужасную канонаду при Бурже, где несколько сот несчастных расстреляли все свои последние патроны, напрасно ожидая, чтобы „генералиссимус“ прислал им на помощь хотя бы небольшой отряд из полумиллионной армии, находившейся под его командой! Затем мы с изумлением следили за пресловутым „делом Дрейфуса“, в котором сами офицеры доказали нам, что судебный приговор по приказу, интриги в домах терпимости и лжепатриотические кампании, несколько не противоречат обычаям и понятиям о чести в

армии. Удивительно-ли после этого, что уважение к власти падает или даже обращается в презрение.

Правда, уважение падает, но не то истинное уважение, которое человек заслужил по праву своей самоотверженностью или своими трудами, а то низкое и позорное уважение, которое следует за богатством или высокими должностями, то уважение раба, которое привлекает толпу зевак к месту приезда короля и которое лакеев и лошадей важных особ делает предметами восхищения. Не только исчезает авторитет, но и те, кто всего более претендует на всеобщее уважение, если первые компрометируют свою роль сверх-человеческих существ. В старину повелители Азии знали искусство заставлять обожать себя. Их дворцы видны были издалека; всюду воздвигались им статуи, читались их эдикты, но сами они никогда не показывались. Наиболее приближенные из их подданных могли предстать перед ними только на коленях; и лишь иногда завеса наполовину поднималась, чтобы явить их в полном блеске, затем мгновенно падала, оставляя пораженными величием души тех, кто лицезрел их хоть одно мгновение. В те времена, преклонение было так сильно, что повергало подданных в состояние полного самоунижения; немой приносил осужденному шелковый шнурок, и этого было достаточно, чтобы верноподданный обожатель немедленно удавился. К одному эмиру в центральной Азии подданные должны были являться с головой, склоненной на правое плечо и веревкой на шее, к концу которой повешен был меч, чтобы их повелитель по своему капризу мог выбрать оружие и расправиться с своими рабами.

Тамерлан, прогуливаясь на верху башни, делает знак пятидесяти окружающим его придворным и все мгновенно разбегаются во все стороны. Что такое в сравнении с ними тамерланы наших дней, как не призраки, хотя еще и страшные; ставши при конституции чистой фикцией, институт королевской власти утратил ту санкцию всеобщего признания, от которой зависело все его значение. „Король, вера, закон“—такова старая формула. Но „веры“ уже нет, а без нее и король и законы превращаются в пустые при-

зраки. И к сожалению, если они не уходят сами, то необходимо их устранить!!!

IX.

Невежество уменьшается, а эволюционисты-революционеры расчитывают, что в близком будущем власть будет направляться знанием. У нас есть достаточное основание быть уверенными в лучшем будущем: не смотря на бесконечную сложность явлений, история дает доказательства, что элементы прогресса берут верх над элементами регресса. Обозревая все факты современной жизни, как те, которые свидетельствуют об относительном упадке, так и указывающие на движение вперед, мы констатируем, что эволюция с каждым днем приближает нас к тому всеобщему перевороту, мирному или насильственному, который принято называть „социальной революцией“, и который будет заключаться главным образом в разрушении деспотической власти лиц и вещей и безусловном запрещении захвата отдельными лицами продуктов коллективного труда.

Фактом величайшей важности является возникновение Интернационала. Без сомнения, такая международная организация рабочих существовала в зародыше уже с того времени, как люди различных национальностей, с глубокой симпатией и ради общих интересов, стали помогать друг другу; теоретически она возникла уже с того дня, как философы XVIII века во время революции провозгласили „права человека“; но права эти оставались простой формулой, и собрание, возвестившее о них миру, воздержалось от проведения их в жизнь: оно не смело даже отменить рабство черных в колонии Сан-Доминго и уступило только после целого ряда восстаний, когда только этой ценой можно было сохранить колонию. Однако Интернационал во всех цивилизованных странах находился тогда в процессе образования; сознательное же существование он ведет только со второй половины XIX века, и возник он в мире труда: „правлящие классы“ были здесь не при чем. Интернационал! Со времени открытия Америки и кругосветного плаванья не

было факта более значительного в истории человечества. Колумб, Магеллан, Алькано первые установили материальное единство земли; будущее же идеальное единство, о котором мечтали философы, начало осуществляться с того самого дня как английские, французские и немецкие рабочие, забыв о национальных различиях и понимая друг друга, несмотря на различие языка, объединились для того, чтобы образовать свою особую, единую нацию, наперекор своим правительствам. Вначале организация имела весьма скромные размеры: едва несколько тысяч человек объединилось в этой ассоциации, образовавшей как бы первичную клетку будущего человечества, но историки поняли чрезвычайную важность совершившегося события. И уже в первые годы существования международного общества рабочих, во время парижской коммуны, на примере низвержения Вандомской колонны можно было убедиться, что идея Интернационала стала живой действительностью. Неслыханная ранее вещь: побежденные с энтузиазмом опрокинули памятник былых побед, не из низкопоклонства перед победоносными пришельцами, но для того, чтобы засвидетельствовать чувство глубокой симпатии к своим братьям, которых вели против них, и чувство негодования к начальникам и королям обеих стран, ведущих своих подданных на бойню. Для тех, кто с презрением хочет держаться в стороне от партийной борьбы, созерцая свысока ход событий, не было в этом веке более внушительного знамения времени, как это ниспровержение императорской колонны!

С тех пор она восстановлена, точно также, как восстановлена была королевская власть в Англии после смерти Карла I и во Франции после смерти Людовика XVI, но мы знаем цену таким реставрациям: ящерицу можно окрасить в любой цвет, но при трении о землю краска с нее быстро сойдет: можно восстановить разрушенный храм, но этим не воскресишь ту веру, которая его воздвигла. Прошедшего нельзя реставрировать, также как нельзя избежать будущего. Законы всех стран преследовали Интернационал. В Италии он квалифицировался, как „ассоциация злодеев“, во Франции против него были изданы „исключительные за-

коны". Членов Интернационала наказывали тюрьмой и каторгой. В Португалии сурово преследовалось даже произнесение его имени. Жалкая предосторожность! Под тем или иным названием интернациональная федерация рабочих тем не менее всюду существует и развивается, становясь все более и более могущественной и солидарной. Какая странная ирония судьбы! Все эти министры, администраторы, законодатели и их прислужники легко одурачивают самих себя, занутиваясь в своих собственных законах. Их оружие едва послужило им, как уже притупилось, утратило остроту. Они преследовали Интернационал, но не могли уничтожить естественного и инстинктивного сочувствия между мыслящими рабочими, все более и более соединявшего их чувства солидарности, все более и более тесного союза их против паразитических классов и народов—угнетателей. Такие законы делают только смешными тех важных и сановных особ, которые их издают. Жалкие безумцы, вы приказываете отхлынуть морю!

Правда оружие, к которому прибегают рабочие в своей освободительной борьбе, может показаться до смешного слабым, и в большинстве случаев оно действительно таково. Жалуясь на какуюнибудь вопиющую несправедливость, выражая свою солидарность с пострадавшим товарищем, требуя повышения заработной платы или уменьшения рабочих часов, они угрожают своим хозяевам бросить работу; как илебен древнего Рима, они бросают свою работу и удаляются на „Авентинскую гору“. Их уже не удастся вернуть на работу басней „о членах человеческого тела и желудке“, хотя и нам благомыслящие газеты еще преподносят эту аналогию в подновленной форме; теперь стачечников окружают войсками в полном вооружении с заряженными пушками и держат под постоянной угрозой расстрела; и это называется „охранять свободу труда“. И действительно солдаты иногда стреляют в стачечников; кровь обгагрят пороги мастерских и входы в шахты. Но если оружие и не пускается в ход, то голод не хуже делает свое дело: не имея никаких сбережений, лишённые кредита, рабочие оказываются перед лицом неумолимой судьбы; поддерживавшее

их возбуждение, внушенное гневом и воодушевлением первых дней, скоро проходит, и под страхом смерти им приходится уступить, постыдно подчиниться предписанным условиям и с поникшими головами возвратиться в те самые копи, которые они еще вчера называли своей каторгой. Поистине, борьба неравная: с одной стороны, капиталист, совершенно свободный в своих действиях, не боящийся за свое благополучие; булочники и другие поставщики постоянно толпятся вокруг него, а солдаты охраняют вход в его жилище; все могущество государства и даже, в случае необходимости, помощь со стороны соседних государств — к его услугам. И с другой стороны толпа людей с поникшим взором, без малейшего проблеска надежды в будущем, сумрачных и голодных, бредущих в ожидании чуда!

И однако такое чудо иногда совершается. Какой-нибудь более внимательный к своим рабочим хозяин иногда приносится в жертву своими братьями, не желающими быть солидарными с ним. Другой владелец завода или мастерской, сознавая свою явную неправду, уступает голосу совести или, вернее, общественному мнению. При небольших стачках, когда дело идет о незначительных потерях, или когда самолюбие могущественных финансовых баронов от этого не страдает, рабочие одерживают небольшую победу; какой-нибудь честолюбивый соперник иногда даже не отказывает себе в удовольствии сыграть дурную игру со своим коллегой, ставшим на дороге, и смертельно поссорить его с рабочими. Но в тех случаях, когда дело идет, действительно, о серьезной борьбе, в которой на карту поставлены огромные капиталы, борьбе, требующей крайнего напряжения всей энергии, там безграничное различие в ресурсах, которыми располагают борющиеся силы, отнимает у рабочих, обладающих только мускулами и правотой, всякую надежду на успех в борьбе с лигой капиталистов. Последние могут бесконечно расширить свои средства к сопротивлению, располагая, сверх того, всеми ресурсами государства и поддержкой транспортных компаний. Ежегодная статистика стачек доказывает нам неопровержимыми цифрами, что такие неравные столкновения чаще и чаще оканчиваются по-

давлением стачек. Стратегия в войне подобного рода в настоящее время достаточно определилась: лица, стоящие во главе крупных предприятий и компаний, хорошо знают, что в подобных случаях они свободно располагают капиталами других таких же обществ, войском и жалкой толпой полуголодных.

Таким образом историки современной эпохи должны признать, что, в зависимости от условий среды, практика частичных стачек, предпринимаемых толпой рабочих со сложенными руками, конечно, не представляет никаких шансов привести к социальному преобразованию. Но следует придавать значение не столько действительным фактам, сколько плодотворным идеям и тенденциям будущих событий. И идейное движение среди рабочих проявляется с такой силой, которая во много раз превосходит мелкую стачечную борьбу, в общем признающую и, следовательно, поддерживающую институт найма, т.-е. подчинение рабочих работодателям. В собраниях, где мысль отдельных лиц слагается в коллективную волю, увеличение заработной платы не провозглашается идеалом: на международных конгрессах рабочие всех стран единодушно высказываются за захват земли, заводов и фабрик, рассматриваемый уже как исходный момент новой социальной эры. В Англии, Соединенных Штатах, Канаде, Австралии раздается клич: „национализация земли!“ и отдельные коммуны и даже само правительство в Новой Зеландии уже сочли за лучшее отчасти уступить народным требованиям. И разве в простонародных социалистических песенках и припевах настойчиво не выражается надежда на присвоение всех продуктов коллективного труда?

Nègre de l'usine,
Forçat de la mine
Hôte des champs
Lève-toi, peuple puissant:
Cuvrier, prends la machine!
Prends la terre, paysan! ¹⁾

¹⁾ Фабричный негр, каторжник копей, илот полей. Поднимайся, могучий народ: рабочий возьми себе машину, крестьянин возьми себе землю!

Пробудившееся сознание рабочих не выливается в одних песнях. Стачки принимают порой агрессивный, угрожающий характер. Это уже не простое проявление пассивного отчаяния, или шествие голодных людей, требующих хлеба: нѣтъ, подобные манифестации принимают уже оборот, весьма неприятный для капиталистов. Разве мы не видели, как рабочие в Соединенных Штатах в течение 8 дней были хозяевами всех железных дорог Индианы и части побережья Атлантического океана? А во время большой стачки лондонских грузчиков и носильщиков разве все доки не находились фактически в руках международной толпы рабочих, объединившихся в братский союз? В городке Вьенн, близ Лиона, сотни рабочих и работниц, ткачи шерстяных фабрик, сумели благородно отпраздновать день 1-го мая, выломав ворота одной фабрики не как грабители, а как судьи: величественно и с религиозным воодушевлением они взяли ими самими вытканый кусок сукна длиной более 300 метров и спокойно разделили между собой, зная, что на общественной площади в это время уже стягивались целые бригады жандармерии, вызванной по телеграфу из всех соседних городов, чтобы атаковать и, может быть, даже стрелять в них; но они знали также, что этот акт захвата фабрики коллективной собственности, захваченной капиталом, не будет забыт их братьями по труду и страданиям. Они жертвовали собой ради общего блага, и тысячи людей поклялись следовать их примеру. В самом деле, не открывает ли это замечательное событие новую эпоху в истории человечества? Вот настоящая революция в благороднейшем смысле слова: и притом, будь сила на ее стороне, она тем не менее могла бы остаться совершенно мирной.

Весь вопрос в том, насколько подобные действия осуждаются или оправдываются моралью рабочих. Склоняясь все более к их оправданию, она создала бы и соответствующие факты. Каменщик объявит своим выстроенное им здание, точно также как ткач взял себе вытканную им материю, а земледелец завладеет продуктами сельского хозяйства. Таковы надежды работника и таковы опасения капиталиста. И разве в лагере привилегированных уже не раздавались

крики отчаяния, разве они уже ни прибегали к крайним мерам самозащиты? Так, знаменитый завод Гомстада в Пенсильвании выстроен, как настоящая крепость, по всем правилам современной науки, со всеми приспособлениями для защиты и отпора против рабочих. На других заводах эксплуатируется труд арестантов, охотно поставляемых государством за самую низкую плату; все усилия инженеров направлены к применению бездушной силы машин, управляемых автоматическими движениями несвободных и отупевших людей. И кто хочет быть благоразумным, должен расслаблять и увечить себя, содействуя таким образом торжеству более ловких и искусных: он отступает перед трудностями борьбы, которая все же скоро его настигнет.

С того времени, как только идея захвата проникнет во всю массу угнетенных, всякое событие, даже, повидимому, самое незначительное, может оказаться решающим толчком к социальному преобразованию, совершенно также, как одна искра взрывает целую бочку с порохом. И уже были предвестники этой великой борьбы. Так, когда в 1890 г. раздался призыв к празднованию „1-го мая“, брошенный неизвестным лицом, может быть, каким-нибудь товарищем австралийцем, мы видели, как быстро объединились рабочие всего мира, воодушевленные одной и той же мыслью. В этот день они доказали, что официально погребенный Интернационал ожил однако—и не по призыву вожаков, но под натиском толпы. Ни „мудрые советы“ социалистов по должности, ни репрессивные меры правительства не могли помешать угнетенным всех народностей земного шара сознать себя братьями и громко заявить об этом всему миру. А между тем, повидимому, дело шло о такой невинной и простой вещи, как платоническая манифестация, объединяющий лозунг, пароль для пропуска! Действительно, предпринимателями и правительством, при содействии самих вождей социалистического движения, удалось свести этот вещий призыв к ничего незначащей формуле. И не смотря на это, этот клич, этот установленный день по своей универсальности получили эпическое значение.

Всякий другой призыв—внезапный, непроизвольный, не-

предвиденный—может привести к еще более неожиданным результатам. Сила вещей, т. е. совокупность экономических условий, конечно, породит по тому или другому поводу и, может быть, самому незначительному, один из тех кризисов, которые воспламеняют даже равнодушных, и мы увидим, как вдруг забьет ключом та неистощимая энергия, которая долго накоплялась в человеческих сердцах от оскорблений, наносимых чувству справедливости, от неискупленных страданий и неутоленной ненависти. С каждым днем можно ожидать катастрофы. Увольнение какого-нибудь рабочего, ничтожная стачка, случайное убийство, могут послужить поводом к революции: дело в том, что чувство солидарности захватывает все большие массы, и всякое местное волнение грозит потрясти все человечество. Вот уже несколько лет, как по всем мастерским раздается новый лозунг: „всеобщая стачка“. Лозунг сначала показался смешным, его приняли за пустую мечту, химеру, затем он повторился громче, и теперь он раздается с такой силой, что не раз уже заставлял содрогаться капиталистический мир. Нет, общая стачка, и я разумею под этим словом не простое прекращение работы, но грозное требование всего, что должно быть достоянием рабочих,—нет, осуществление ее не невозможно, оно стало неизбежным и, может быть, близким.

Английские, французские, бельгийские, немецкие, американские, австралийские наемные рабочие понимают, что от них зависит в один и тот же день отказаться от работы на своих хозяев, захватить заводы и фабрики в коллективное пользование и сознавая или по крайней мере предчувствуя это сегодня, почему не могли бы они завтра осуществить это. В особенности, если бы к стачке рабочих примкнули и солдаты? Газеты единодушно и весьма благоразумно замалчивают военные бунты и массовые уходы со службы. Консерваторы, решительно игнорирующие факты, несоответствующие их желаниям, охотно склоняются к мысли, что подобная общественная гнусность невозможна, но массовое дезертирство, частичные мятежи, отказы стрелять — факты часто повторяющиеся в плохо организованных войсках и случающиеся также в самых прочных военных организациях. Те из нас,

что помнит Коммуну, живо представляют себе еще и теперь, как разоружены были народом и легко склонились на его сторону тысячи солдат, оставленных Тьером в Париже. Когда большинство солдат проникнется необходимостью стачки, то рано или поздно представится возможность осуществления ее.

Стачка или скорее даже только идея стачки, в самом широком смысле этого слова, приобретает особое значение в особенности тем, что она вносит солидарность в ряды борцов за свои права. Борясь за общее дело, они учатся любить друг друга. Но кроме того существуют и профессиональные организации, работа которых все в большей и большей мере также содействует социальной революции. Правда, такие ассоциации, объединение сил пролетариев, земледельческих или промышленных рабочих, встречаются с очень большими затруднениями вследствие недостаточности у них материальных средств: необходимость заработка, обеспечивающего существование, принуждает некоторых из них покидать родину, чтобы, выгоднее продать свою рабочую силу, других оставаться на месте, соглашаясь на самые низкие условия, которые предлагаются нанимателями. Они поработаются всеми способами и ежедневная работа не оставляет времени на размышления о будущем или на свободный выбор товарищей в жизненной борьбе. Таким исключительным образом им приходится осуществлять сравнительно скромное дело, носящее тем не менее по отношению к окружающему миру зародыши новой жизни. И действительно, в жизни рабочих мы наблюдаем многочисленные признаки будущей жизни, если условия благоприятствуют и если идеи проникли в социальные группы, принадлежащие к привилегированным классам.

Нас часто спрашивают с сарказмом о тех опытах более или менее коммунистических ассоциаций, которые уже делались в различных частях света, и мы плохо понимали дело, если бы ответ на такие вопросы нас хоть сколько-нибудь затруднил.

Действительно, история этих ассоциаций гораздо чаще говорит о неудачах, чем об успехах; в этих случаях не могло

быть иначе, так как дело идет о полной революции, о замене труда индивидуального или коллективного в пользу одного—трудом всех для блага всех. Лица, вступающие в одно из таких обществ, организованное соответственно новому идеалу, сами еще не вполне освободились от предрассудков, старых привычек, закостенелого атавизма; они еще не „сбросили с себя ветхого человека“. В своем „анархическом“ или „гармоническом“ мирке им постоянно приходится бороться против тех разлагающих и разъединяющих сил, которые представляют собой привычки, нравы, семейные связи, всегда очень сильные, дружба с лстивыми советами, любовь с дикой ревностью, проявления суетного честолюбия, жажда приключений, страсть к переменам. Самолюбие, чувство достоинства могут еще некоторое время поддерживать новичков, но при первом разочаровании в них зарождается тайная надежда, что предприятие не удастся и они вновь погружаются в мятежные волны внешней жизни. Напоминают о попытке поселенцев Брок-Фатм в Новой Англии, которые оставаясь верными ассоциации только из привязанности к добродетели и верности своему первому влечению, тем не менее мечтали о том, что случится пожар, который разрушит у них общественные дворцы, освободив их таким образом от связывающего их клятвенного договора, хотя и не заключенного по монашеским обрядам. Очевидно, ассоциация была осуждена на гибель, хотя бы и не случилось пожара, которого втайне желали многие, потому, что внутренняя воля членов общества находилась в противоречии с деятельностью их колонии.

Большинство коммунистических ассоциаций погибло по причинам аналогичным, т. е. неприиспособленности к среде: они не управлялись, как казармы или монастыри, неограниченной волею духовных или военных властей, державших в безусловном повиновении подчиненных им солдат, монахов или верующих. С другой стороны, у них не было развито достаточно то чувство глубокой солидарности, которое связано с уважением к другой личности, с умственным и художественным развитием, с перспективой широкого и бесконечно развивающегося идеала. Случаи таких разногласий и

распаденный тем более возможно предвидеть, что колонисты, увлеченные миражем обетованной земли, направились в страну, совершенно отличную от их родины, где все казалось им чуждым, где приспособление к свойствам почвы, климату и местным нравам сопряжено было с величайшими испытаниями. Основатели фаланстерий, сопровождавшие вскоре после установления второй империи Виктора Консидерана по равнинам северного Техаса, шли на верную неудачу, предполагая поселиться среди народа с грубыми и жестокими нравами, которые не могли не шокировать утонченные чувства парижан, в особенности при соприкосновении с таким позорным институтом, как рабство черных, относительно которого, в силу местного закона, они не могли даже выражать свое мнение. Точно также попытка основать колонию Freiland или „свободную землю“, предпринятая под руководством одного австрийского доктора, в странах, известных только по неопределенным рассказам, и с трудом завоеванных после истребительной войны, могла казаться только смешной в глазах историков: паперед нельзя было сомневаться, что все эти разнородные элементы не могли объединиться в гармоническое целое.

Эти неудачи не должны нас смущать; последовательно повторяясь, они указывают на непреодолимое стремление социальной воли. Ни насмешки, ни неудачи не могут заставить отказаться от таких попыток. С другой стороны у всех на глазах пример „кооперативов“ и других потребительных обществ, которые также в начале встречали затруднения, а теперь в большинстве случаев они достигли цветущего состояния. Без сомнения, большинство таких ассоциаций получили очень дурное направление, в особенности наиболее процветающие, в том смысле, что достигнутое благополучие и желание увеличить прибыль разжигают корыстолюбие у членов коопераций или, по меньшей мере, охлаждают революционный пыл молодости. Это наиболее угрожающая опасность, так как человеческая природа склонна пользоваться малейшим поводом, чтобы избежать борьбы, сопряженной с риском. Легко уйти в свое „доброе дело“, избегая вместе с тем тревог и опасностей, сопряженных с преданностью революционному делу во всей его ши-

роते. Говорят себе, что важнее всего способствовать успеху предприятия, с которым связана коллективная честь стольких товарищей, понемногу вовлекаются в мелкую практику обыкновенной торговли. Имея вначале твердое намерение преобразовать мир, они невольно превращаются в простых лавочников.

Тем не менее серьезные и искренние анархисты могут многому научиться у таких кооперативных союзов, во множестве возникающих повсюду, которые соединяются одни с другими, образуя все более растущий организм, захватывающий самые разнообразные области: промышленность, транспорт, земледелие, науки, искусства, развлечения; они стремятся даже образовать организм, охватывающий производство, потребление и ритм эстетической жизни. Научная практика взаимопомощи распространяется и облегчается, остается только придать ей ее истинный смысл и нравственное значение, упростив всякий обмен услуг, сохранив только простую статистику производства и потребления вместо всех этих толстых книг с „приходом“ и „расходом“, сделавшихся совершенно бесполезными.

И такой коренной переворот не только близок к осуществлению, но местами уже осуществляется. Однако совершенно излишне приводить примеры попыток, как кажется; все более и более приближающих нас к нашему идеалу, так как их шансы на успех могут возрасти только при условии молчания и если шум рекламы не смущает их скромного начала. Вспомните историю небольшого общества друзей, известного под именем „Монтрейльской коммуны“. Маляры, столяры, садовники, экономки, учительницы соединились с целью работать только друг для друга, не давая никаких прямых расписок и не спрашивая совета ни у сборщиков податей, ни у сельских нотариусов. Кому нужны были столы или стулья, тот брал их у своего товарища, который их делал; у кого дом требовал окраски,—уведомлял об этом товарища, и тот на следующий же день приходил с кистью и ведром с краской. В хорошую погоду граждане развешивали для просушки хорошее чистое белье или ради прогулки отправлялись за свежими овощами к товарищу

садовнику, и ежедневно мальчуганы учились грамоте у учительниц, членов общества. Это было слишком хорошо! Подобный скандал надо было прекратить. Кстати „анархистское покушение“ испугало буржуазию и у министра, жалкое имя которого напоминает нам „о преступных сообществах“, явилась мысль предложить консерваторам, пользуясь благоприятным случаем, издать декрет о массовых арестах и обысках. Смелые коммунары Монтрейля подошли под этот декрет, и наиболее виновные, т.-е. самые лучшие, подверглись всем испытаниям, так называемого, секретного предписания.

Так была убита маленькая грозная коммуна; но не бойтесь, она оживет!

X.

Мне вспоминается, как если бы я еще переживал его, тот мучительный час моей жизни, когда горечь неудачи смягчалась несколько глубокой и мистической, почти бессознательной радостью при мысли, что я поступал, следуя голосу сердца и по собственной воле, что я был самим собой,—наперекор людям и судьбе. С того времени прошло уже треть века.

Парижская коммуна сражалась с версальскими войсками; батальон, в котором я был, попался в плен на Шантильонской возвышенности. Это было утром; нас окружал кордон; солдаты и офицеры, прохаживаясь мимо нас, насмехались и даже оскорбляли нас: один из них, сделавшийся позже без сомнения одним из говорунов Собрании, ораторствовал о безумии парижан; мы были слишком удручены, чтобы слушать его. Другой из них, наиболее поразивший меня, был человек неразговорчивый, с угрюмым видом и фигурой аскета, вероятно деревенский дворянчик, воспитанный иезуитами. Он медленно прохаживался по крутому краю плато и его мрачный силуэт ложился черною тенью на светлом фоне Парижа. Лучи восходящего солнца бросали золотые снопы света на дома и куполы церквей: никогда прекрасный город, город революции, не казался мне таким прекрасным! „Видите, вот ваш

Париж!" сказал мне этот мрачный человек, указывая своей саблей на ослепительную картину; „знайте же, от него не останется камня на камне!"

Повторяя за своими учителями библейское изречение, обращенное некогда к Ниневии и Вавилону, офицер-фанатик надеялся без сомнения, что его слова ненависти будут пророческими. Однако, Париж не разрушен; не только уцелел „камень на камне", но и люди, из-за которых его проклинали—те тридцать пять тысяч убитых на улицах, в казармах и на кладбищах погибли не напрасно, и из праха восстали мстители. А сколько новых, таких же как Париж, очагов революции возникло повсюду! Куда бы мы ни явились—в Лондон или Брюссель, в Барселону или Сидней, Чикаго или Буэнос-Айрес, везде мы найдем друзей, чувствующих и думающих одинаково с нами. Под великою крепостью, построенной наследниками императорского и папского Рима, почва всюду минирована и всюду можно ожидать взрыва. Найдутся ли еще в наше время, как в прошлом веке, Людовики XV, настолько же индифферентные, чтоб, пожимая плечами, сказать: „После нас, хоть потоп!" Сегодня или завтра может разразиться катастрофа. Вальтасар пирует, но он знает, что персы взбираются на городские стены.

Подобно тому, как художник, постоянно думающий о своем произведении, создает его целиком в голове, прежде чем его написать или нарисовать, точно также и историк предвидит социальную революцию: для него она уже совершилась. Тем не менее мы несколько не обольщаемся иллюзиями: мы знаем, что окончательная победа будет стоять нам еще новых потоков крови, новых жертв, новых страданий. Интернационалу угнетенных противостоит Интернационал угнетателей. Повсюду организуются синдикаты, чтоб все захватить в свои руки, продукты, прибыль, чтобы создать из всего человечества одну огромную армию наемников. И эти синдикаты миллиардеров и дельцов, обрезанных и необрезанных, совершенно уверены, что благодаря всемогуществу денег, они будут иметь в своем распоряжении правительства и их орудия репрессии: армию, суды и по-

лицию. И кроме того, они надеются, что, искусно вызывая расовую и племенную ненависть, им удастся держать эксплуатируемые массы в невежественном состоянии слепого патриотизма, поддерживающего рабство. Действительно все эти старые язвы, эти традиции прежних войн и надежды на реванш, эта иллюзия отечества с его границами и его жандармами и постоянные подстрекательства шовинистов по ремеслу, солдат или журналистов, все это предвещает еще нам много страданий, но у нас есть то преимущество, что нас нельзя переубедить. Наши враги знают, что они преследуют дурные цели, а мы знаем, что наше дело правое; они презируют друг друга, а мы любим; они стараются повернуть колесо истории, а мы идем вместе с ней.

* * *

Великие дни приближаются. Эволюция совершилась, революция не замедлит наступить. Помимо того, не совершается ли она постоянно на наших глазах в виде сложных потрясений?

Сознание, представляющее собой истинную силу, растет, ассоциации стремятся охватить всех, рабочие, составляющие большинство, все более проникаются сознанием своего значения, и революции будут совершаться все легче и более мирным путем. В конце концов всякая оппозиция должна будет уступить и уступить даже без борьбы. Наступит день, когда эволюция и революция, непосредственно следуя одна за другой, от желания к факту, от идеи к ее осуществлению, сольются в единое и цельное явление. Таким именно образом функционирует жизнь в здоровом организме, будет ли то отдельный человек, или все человечество.

А н а р х и я.

Анархия ¹⁾.

Анархия не новая теория. Само слово, в смысле „отсутствия правительства“, „общества, существующего без начальников“—древнего происхождения и было в употреблении еще задолго до Прудона.

Впрочем, вопрос о происхождении слова не важен. Существовали „акраты“ и до анархистов, и сами акраты избрели свое научное название только после того, как бесчисленные поколения их сменили друг друга. Во все времена существовали свободные люди, презиравшие законы, не признававшие никакой власти над собой и жившие на основании права своего существования и по велениям своего рассудка. Даже в первобытные времена мы всюду видим племена, состоящие из самоуправляющихся людей, не имеющих над собою никаких насильно наложенных законов и никаких правил поведения, кроме „своего хотения и доброй воли“, говоря словами Рабля.

Но если анархия так же стара, как само человечество, современные представители ее приносят однако в мир нечто новое. Они точно сознают цель, которую хотят достигнуть, и где бы они ни находились, они все единодушно стремятся к своему идеалу, состоящему в отрицании какой бы то ни было формы правительства. Мечта о всемирной свободе уже перестала быть чисто философской и литературной утонией, какою она была для древних основателей Городов Солнца или Новых Ерусалимов; она стала деятельным исканием живой реальности для множества людей, единодушно, дружно

¹⁾ Настоящая брошюра представляет собою сюжет доклада, который должен был быть прочтен в одной масонской ложе в 1894 году.

и репительно работающих для рождения такого общественного строя, в котором не будет больше никаких начальников, не будет официальных блюстителей нравственности, не будет ни тюремщиков, ни палатей, ни богатых, ни бедных, а только люди, равные между собою в правах, братья, имеющие каждый свою ежедневную долю хлеба насущного и живущие в мире и согласии не в силу пресловутого повиновения законам, сопровождаемого страшными наказаниями для ослушников, а в силу всеобщего уважения интересов других, в силу научного следования законам природы.

Многим из вас этот идеал несомненно покажется недостижимым, но я не сомневаюсь в том, что большинство из вас находит его желательным, и что и вы предвидите в будущем мирное общество, в котором примиренные между собою люди предоставляют своим мечам покрыться ржавчиной, славят свои пушки и разоружают свои крейсера.

Разве вы не из тех, которые уже давно, в продолжение нескольких тысячелетий, по вашим словам, работают для воздвижения храма равенства? Вы ведь „каменщики“ (мasons), т. е. стремитесь „построить“ совершенное здание, в которое входят только свободные и равные люди, братья, неустанно работающие для самосовершенствования и возрождающиеся, благодаря силе своей любви, для новой жизни, полной справедливости и любви. Это так, не правда ли? И вы не одни! Вы не претендуете на исключительное обладание духом прогресса и обновления. Вы не совершаете даже несправедливости—забывать своих специальных врагов, тех, которые проклинают вас, предают вас анафеме—горячих католиков, призывающих все наказания ада на врагов Святой Церкви, но которые тем не менее тоже предсказывают наступление в будущем эпохи вечного мира. Франциск Ассизский, Екатерина Сиенская, Тереза Авильская и многие другие из среды верных приверженцев чуждой нам религии несомненно любили человечество самую искреннею любовью, и мы должны включить их в число тех, которые посвятили свою жизнь служению идеалу всеобщего счастья. В настоящее же время миллионы и миллионы со-

циалистов, к какой бы школе они ни принадлежали, также борются за наступление будущего строя, в котором будет сломлено могущество капитала и в котором люди получат, наконец, возможность назвать себя „равными“ без иронии!

Таким образом, цель анархистов общая у них со многими благородными людьми, принадлежащими к самым разнообразным религиям, сектам и партиям, но они отличаются от этих последних относительно средств, на что ясно указывает их название.

Завоевание власти всегда было главною заботою революционеров, даже тех, которыми руководили наилучшие намерения.

Полученное ими воспитание не позволяло им представить себе возможность существования свободного общества, функционирующего без установленного правительства; поэтому, только что ниспровергнув ненавистных правителей, они спешили поставить на их место других, на которых возлагалась, по вековой формуле, „забота о счастье своих народов“. Обыкновенно революционеры не принимались даже за низложение существующего государя или династии, не выразив предварительно свою покорность какому-нибудь будущему властелину. „Король убит, да здравствует король!“ кричали подданные, остававшиеся верными даже во время восстания. В течение многих и многих веков таков именно был неизменный ход исторических событий.

„Разве можно жить без господина?“ говорили себе рабы, жены, дети, рабочие как городские, так и сельские, и покорно впрягались в ярмо. Помните повстанцев 1830-го года, приветствовавших „лучшую из республик“ в лице нового короля, и республиканцев 1848-го года, скромно возвращавшихся в свои конуры после того, как они перенесли три месяца лишений в жертву временного правительства. В то же самое время революция вспыхивала и в Германии, и во Франкфурте собирался народный парламент: „Старая власть стала уже трупом!“ восклицал один из представителей. „Да“, отвечал ему президент, „но мы воскресим ее. Мы обратимся к помощи новых людей, которые сумеют вернуть власти утраченное доверие нации“.

С этой точки зрения анархия действительно представляет собою новый дух. Анархистов нельзя упрекать в том, что они стремятся свергнуть существующие правительства для того, чтобы занять их места. Они с отвращением отвергаются от формулы: „Уходи оттуда, чтоб я встал на твое место!“ и если бы кто-нибудь из них, отравившись ядом властолюбия, стал бы добиваться какой-нибудь влиятельной должности под предлогом тоже „осчастливить своих сограждан“, они отнеслись бы к нему с презрением, или по крайней мере с жалостью. Основываясь на наблюдении действительности, анархисты говорят, что государство и все, что связано с ним, не представляет собою чего-то абстрактного, какую-нибудь философскую формулу, а совокупность людей, поставленных в особые условия и подчиненных влиянию этих последних; им предоставлены высшие должности, больше власти и больше содержания, чем остальным их согражданам, и это почти поневоле заставляет их считать себя выше обыкновенных людей, а между тем всевозможные искушения, которым подвергает их занимаемое ими положение, почти фатально заставляют их падать ниже общего уровня. Мы это беспрестанно повторяем нашим братьям—часто братьям-врагам—государственным социалистам: „Берегитесь своих вожаков и представителей! Несомненно, что ими руководят такие же чистые намерения, как и ваши; они горячо желают уничтожения частной собственности и тиранического государства; но новая среда, новые люди, новые условия мало-по-малу меняют их; нравственно они меняются по мере того, как изменяются их интересы и, сами того не подозревая, они невольно начинают изменять делу своих избирателей. Становясь у власти, им тоже придется пользоваться ее орудиями: армией, официальными моралистами, судьями, жандармами, полицией и шпионами“. Уже три тысячи лет тому назад индусский поэт Мага Барата следующим образом формулировал на этот счет многовековый опыт: „Кто едет в повозке, никогда не будет товарищем того, кто идет пешком“.

Взгляды анархистов на этот счет самые определенные: по их мнению, завоевание власти может иметь своим по

следствием только продолжение этой власти и вместе с тем соответствующего ей рабства. Таким образом нам недаром дают название „анархистов“, которое в сущности представляет собою только отрицание. Нас можно было бы еще называть „свободниками“ (*libertaire*), как охотно называют себя многие из нас, или „гармонистами“, ибо мы полагаем, что будущее общество будет основано на совершенно свободном согласовании воли его членов; но оба последние названия недостаточно отличают нас от других социалистов. Наше существенное отличие состоит именно в нашем отрицании всякой официальной власти, мы смотрим на каждую отдельную личность, как на отдельный центр вселенной, и, по нашему мнению, каждая из них имеет право на всестороннее, интегральное развитие без всякого участия какой бы то ни было власти для его направления, управления или для его карания.

Вам известен наш идеал. Теперь возникает вопрос: „Действительно ли это великий идеал, стоящий того, чтобы люди великодушные жертвовали собою ради его достижения, стоящий того, чтобы мы подвергались ужасному риску революции? Будет ли человек в свободном обществе, основанном на анархической нравственности, лучше, чем в обществе, основанном на страхе перед властью и перед законами?“ На этот вопрос я смело отвечаю, и надеюсь, что и вы вскоре ответите вместе со мною:—Да, анархическая нравственность именно та, которая наиболее соответствует современным понятиям о справедливости и о доброте.

Вы знаете, что в основе старой нравственности лежал один только страх. „Страх Божий—начало мудрости“—такова была в прежние времена точка отправления образования. Все общество было тогда основано на страхе: люди не были еще гражданами, а только подданными или же паствою, жены—служанками, дети—маленькими рабами, над которыми родители пользовались еще некоторыми остатками прежнего права жизни и смерти. Всюду, во всех сношениях людей между собой, замечались начальнические и подчиненные отношения; наконец, даже в наши дни в основании самого принципа государства и всех отдельных составляющих его

государств лежит иерархия или святая архия, „священная“ власть, — таков именно истинный смысл этого слова. Эта священная иерархия влечет за собою разделение общества на целый ряд классов, наслоенных друг на друга, при чем все высшие пользуются правом командовать, а на всех нижних лежит обязанность повиноваться. Официальная нравственность состоит в том, чтобы преклоняться перед начальником и гордо выпрямляться перед подчиненным. Всякий человек должен иметь два лица, как Янус, и две улыбки: одну льстивую, предупредительную, подчас холопскую, другую горделивую с оттенком благородной снисходительности. Принцип власти — так называется эта вещь — требует, чтобы начальник никогда не имел вида, что он не прав, и чтобы за ним всегда и во всем оставалось последнее слово, а самое главное, чтобы все его приказания в точности исполнялись. Это упрощает все: не нужно больше ни разсуждений, ни объяснений, ни нерешительности, ни обсуждений. Тогда все делается само собою, все равно, хорошо ли или нехорошо. А если случается, что нет в наличности начальника, чтобы принять от него приказания, за то разве не имеются всегда под руками совсем готовые формулы в виде правил, указов или законов, изданных теми же самодержавными государями или иного рода законодателями? Эти готовые формулы вполне заменяют собою непосредственные приказания, и им следуют, не справляясь с тем, согласны ли они с внутренним голосом совести или нет.

Между равными дело усложняется, но за то оно и более высокое: здесь приходится настойчиво искать правды, найти личный долг, научиться познавать самого себя, вечно заботиться о своем развитии, стараться не задевать интересов своих товарищей. Только при этих условиях можно стать действительно нравственным существом, сознающим свою ответственность. Но здесь нравственность не является приказанием свыше, которому надобно подчиняться; она не является чем-то чуждым, внешним, а становится частью существа человека, продуктом самой жизни. Мы, анархисты, именно таким образом понимаем нравственность, и разве мы не имеем права с удовольствием сравнивать нашу нрав-

ственность с тою, которую нам оставили в наследство наши предки?

Не находите ли вы, что я прав? Но, может быть, некоторые из вас скажут, что это химера? Я рад, что вы хоть находите, что это благородная химера! Но я иду дальше и утверждаю, что наш идеал, наше понимание нравственности исторически логично и прямо вытекает из эволюции человечества.

Ужас перед неизвестным и чувство собственного бессилия в искании причин заставило людей, в отдаленные от нас времена, создать одно или несколько услужливых божеств, представлявших собою в одно и то же время и более или менее определенный идеал тогдашних людей и центр тяжести всего таинственного видимого и невидимого мира. Эти произведения фантазии, одаренные всемогуществом, стали также для человека основаниями справедливости и власти; эти небесные властители имели, разумеется, на земле своих посредников в лице магов, сановников, полководцев, перед которыми люди привыкли преклоняться, как перед представителями высшей, неземной власти. Это было логично; но человек вообще переживает свои творения, и потому эти божества не переставали изменяться, точно тени, отброшенные в бесконечное пространство: сначала они оставались видимыми, одаренными сильными человеческими страстями, но мало-по-малу отступили в бесконечную даль; затем, превратились в абстрактные понятия, в высокие и прекрасные идеи, не имевшие даже собственного имени и, наконец, мало-по-малу смешались и слились с мировыми законами; они вошли в тот самый мир, создание которого было им раньше приписано, и теперь человек находится на земле уже один без них, на той самой земле, над которой он воздвигнул было колоссальное изображение бога.

С исчезновением божества, потускнел и блеск тех, которые получали от него власть, и им пришлось мало-по-малу войти в ряды остальных людей и постараться так или иначе примениться к новым условиям. В наши дни уже невозможно найти такого Тамерлана, который приказал бы своим сорока придворным сброситься вниз с башни в уве-

ренности, что в тот же миг он увидит у ее подножья сорок окровавленных трупов. Свобода мысли сделала всех людей бессознательными анархистами. Кто не сохраняет в настоящее время хоть небольшой уголок своего мозга для обсуждения, для мышления? В этом именно и заключается величайшее преступление, то преступление, которое символизируется плодом древа познания добра и зла. Вот почему Церкви всегда была ненавистна наука. Вот почему Наполеон, этот Тамерлан новейших времен, не выносил идеологов.

Однако идеологи явились. Они, как прах, сдунули старые иллюзии и принялись заново переделывать всю науку, основываясь на наблюдении и на опыте. Один из них, нигилист не наших времен, анархист, по крайней мере на словах, начал с того, что отбросил от себя все, чему его раньше учили, и в настоящее время нет такого ученого, нет такого литератора, который не заявлял бы, что он сам оригинальный творец своих мыслей и моралист своей морали. „Если ты хочешь встать—встань сам“, говорил Гете. Даже художники стараются передать природу такую, какою они сами ее видят, чувствуют и понимают. Правда, эта самостоятельность носит обыкновенно такой характер, что ее можно было бы назвать „аристократическим анархизмом“, так как она требует свободы только для избранных, вступающих в Парнас. Каждый из них хочет мыслить вполне свободно и искать в бесконечности тот идеал, который ему больше нравится, но в то же время считает, что „нужна религия для народа“; он хочет жить совершенно независимо, но полагает, что „подчинение—удел женщины“; он хочет творить оригинальные произведения, но, по его мнению, толпа, которая копошится там, внизу, должна быть, как машина, подчинена гнусному функционированию разделения труда. Однако, у этих аристократов вкуса и мысли не хватает уже сил запереть великие шлюзы, сквозь которые изливается поток. Если наука, литература и искусство стали анархистами, если всякий прогресс, всякая новая форма красоты обязаны своим существованием свободному развитию мысли, эта свободная мысль работает также и в низах об-

чества, и уже ничто не может остановить эту работу. Теперь уже поздно остановить поток.

Разве уменьшение почитания не является наиболее характерным явлением современного общества? Много лет тому назад мне приходилось видеть, как тысячные толпы народа кидались смотреть на пустую карету какого-нибудь большого барина. Теперь я этого уже не увижу. Еще недавно индейские парии благочестиво останавливались в ста пятинадцати шагах, которые по закону отделяли их от надменного брамина: с тех пор, как люди стали толпиться на железнодорожных станциях, между ними стоит только тонкая стена вокзального зала. Конечно, примеры низости и холопской приниженности и теперь еще не редкость, но, тем не менее, прогресс идеи равенства неоспорим. Теперь, прежде, чем выражать свое уважение, люди часто спрашивают себя: действительно ли данный человек или учреждение заслуживают это уважение. Вера в величие исчезла, а за нею должны последовать и все те учреждения, которые основаны на ней. Уничтожение государства тесно связано с исчезновением почитания.

Беспощадная критика, которой в настоящее время подвергается государство, не щадит также все остальные государственные учреждения. Народ уже совершенно не верит в священное происхождение частной собственности, являющейся, как говорили экономисты (теперь уже они не осмеливаются утверждать это), продуктом личного труда ее обладателей; народ знает, что личный труд никогда не громоздил миллионы над миллионами, и что такое чудовищное обогащение является всегда результатом дурного общественного строя, предоставляющего одному человеку плоды труда тысяч других людей; народ будет всегда уважать хлеб, который работник добыл себе в поте лица, хижину, которую он себе построил своими руками, сад, который он сам посадил, но он несомненно перестанет уважать все фиктивные состояния, которые представляют собою всевозможные ценные бумаги, хранящиеся по банкам. Наступит день, я в этом не сомневаюсь, когда он спокойно вернет себе все продукты общего труда: рудники и поместья, заводы и

замки, железные дороги, корабли и их грузы. Когда толпа, „подлая“ толпа, ставшая такою вследствие своего невежества и фатального результата этого последнего—холопства, перестанет заслуживать оскорбительный эпитет, который ей кидают в лицо, когда она будет сознавать, что обладание этими колоссальными состояниями зиждется исключительно на писаных фикциях, на вере в синие бумажки, тогда современный общественный строй будет находиться в большой опасности. Какими нелепыми, какими бессмысленными покажутся нашим преемникам безумные крики, с которыми набрасываются на новаторов! Что значит для нас вся грязь, которую изливает на нас продажная пресса, обязанная отплачивать своей прозой за получаемые ею пособия! Что значат для нас даже те оскорбления, которыми вполне искренно награждают нас те самые благочестивые, святые, но „простые“ люди, которые приносили дрова для костра Иоанна Гусса! Охватившее нас движение—дело не каких-нибудь демагогов или жалких мечтателей, а всего общества в его целом; оно стало теперь необходимостью, благодаря наступательному ходу мысли, ставшему уже неизбежным, неукротимым, как вращение земли и небесных светил.

Однако может остаться еще одно сомнение, может явиться вопрос: не была ли анархия всегда только идеалом, уместным упражнением, диалектическим элементом? Была ли она когда-нибудь реализована, применена на практике; возникал ли когда-нибудь совершенно самостоятельно такой общественный организм, члены которого, добровольно, товарищески соединив свои силы, работали сообща, не имея над собою никакого начальства? Но это сомнение разрешить не трудно. Да, анархические организмы существовали всегда; да, они беспрестанно продолжают возникать, с каждым годом все больше и больше, параллельно с развитием личной инициативы. Я мог бы указать вам много племен, называемых дикими, которые даже в наши дни живут в полной общественной гармонии, не нуждаясь ни в начальниках, ни в законах, ни в оградах, ни в войске; но я не останавливаюсь на этих примерах, хотя они и лишены значения: я боюсь, что, в виде возражения, мне

укажут на немногосложность этих первобытных организмов в сравнении с нашим современным общественным строем, этим колоссальным организмом, в котором бесконечно разнообразно переплетается такое множество организмов более мелких. Оставим, поэтому, в стороне эти племена и займемся только уже организованными нациями, обладающими сложным политическим и общественным механизмом.

Признаюсь, что в истории я не могу вам указать ни на одну из них, которая сорганизовалась бы на чисто анархических началах, потому что тогда все они находились в периоде борьбы между различными, еще не соединившимися элементами; однако нетрудно заметить, что каждое из этих обществ, еще не слившихся в одно гармонически целое, пользовалось тем большим благосостоянием, отличалось тем большей производительностью, чем оно было свободнее, чем больше в нем признавалось личное достоинство отдельной личности. Начиная с доисторических времен, с той поры, когда в человеческих обществах только зарождались искусства, науки и промышленность, величайшими периодами истории народов были те, в которых люди, волнующиеся революциями, наименьше подвергались продолжительному и тяжелому гнету правильно установленного правительства. Два лучших периода истории человечества по важности открытий и изобретений, по развитию мысли, по расцвету искусства были смутными временами, временами „опасной свободы“. В бесконечном царстве мидян и персов царствовал порядок, но из них не вышло ничего великого, тогда как вечно волнуемая, беспрестанно потрясаемая смутами республиканская Греция произвела родоначальников всего, что есть великого и высокого в достоянии современной цивилизации; мы не можем мыслить, не можем предпринять ничего выдающегося без того, чтобы наша мысль не обратилась тотчас же к этим великим эллинам, бывшим нашими предшественниками и до сих пор остающимся нашими образцами. Две тысячи лет спустя, после многочисленных тираний, после мрачных времен угнетения, которому, казалось не будет конца, Италия, Фландрия, Германия, вся Европа городских общин вновь захотела вздохнуть сво-

бно; тогда мир был потрясен бесчисленным количеством революций: Феррари насчитал не менее 7000 местных восстаний в одной только Италии; но вместе с ними разгорелось пламя свободной мысли, и человечество вновь вступило на путь процветания; благодаря Рафаэлям, Винчи и Микель Анджелам оно вторично почувствовало себя молодым. Затем наступил великий век энциклопедии и последовавших за нею мировых революций и объявление Прав Человека. Попробуйте теперь, если можете, перечислить весь прогресс, который совершился после этого великого потрясения человечества! Право, можно спрашивать себя, не сконцентрировалась ли в XIX-м столетии большая половина человеческой истории. Количество людей увеличилось более, чем на пол-миллиарда, торговля более, чем удесятерилась, промышленность преобразилась, и ее средства поразительно обогатились, появились новые науки и, что бы там ни говорили, для искусства наступила третья эпоха; сознательный и международный социализм достиг своего полного развития. Мы по крайней мере чувствуем, что живем в веке великих задач и великой борьбы. Попробуйте теперь заменить те сто лет, которые вышли из философии XVIII-го века таким же продолжительным периодом, лишенным истории, в течение которого каких-нибудь 300 миллионов мирных китайцев прожили бы под опекою какого-нибудь „Отца Народа“, дипломированных мандаринов и свода обрядов. Вместо того, чтобы прожить так, как прожили мы, мы постепенно приблизились бы к бездействию и к смерти. Если Галилей, сидя еще в тюрьмах инквизиции, мог только глухо бормотать: „А все-таки она движется!“ мы теперь, благодаря революциям, благодаря насилиям свободной мысли, мы можем громко кричать на улицах и на площадях: „Свет движется и будет продолжать двигаться!“

Кроме этого великого движения, постепенно ведущего все общество к свободной мысли, к свободной морали, к свободному поведению, т.-е. к анархизму, имеет место еще другого рода работа: прямые опыты, путем основания анархических и коммунистических колоний; это небольшие попытки, которые можно сравнить с лабораторными опытами,

делаемыми химиками и инженерами. Все эти опыты основания образцовых общин страдают весьма крупным недостатком, все они производятся вне обычных условий жизни, т.-е. далеко от городов, в которых сталкиваются люди, рождаются идеи и обновляются умы. Несмотря на это, многие из таких предприятий достигли полного успеха. Между прочим Молодая Икария, преобразованная колония Кабэ, основанная около полувека тому назад на началах авторитарного коммунизма; увеличившаяся благодаря иммиграции и ставшая чисто анархическою группа коммунистов скромно живет в настоящее время в равнине Иова, возле Монашеской реки.

Однако практика анархизма более всего торжествует в обыденной жизни, особенно среди простого народа, который без сомнения не был бы в состоянии выдержать грозную борьбу за существование, если бы не прибегал к добровольной взаимной помощи, не обращая внимания на разницу и соперничество интересов. Когда кто-нибудь из бедняков заболевает, другие бедняки берут к себе его детей: его кормят, с ним делятся скудным заработком, стараются, работая вдвойне, выполнить и его работу. Между соседями устанавливается нечто вроде коммунизма, благодаря ссудам и непрерывному движению взад и вперед хозяйственных принадлежностей и запасов. Бедность связывает всех несчастных в один братский союз: вместе они нуждаются, вместе и насыщаются. Анархическая мораль и анархическая практика являются правилом даже для буржуазных сборищ, откуда, повидимому, они совершенно устранены. Представьте себе пикник, в котором какой-нибудь гость или сам хозяин принял бы начальнический тон и позволил бы себе командовать остальными или делать бестактные попытки заставить остальных подчиняться его прихотям! Разве это не убило бы всякое удовольствие, всякое веселье? Веселье царствует только между равными и свободными людьми, которые могут развлекаться так, как им заблагорассудится, поодиночке или небольшими группами, но которые предпочитают веселиться вместе, потому, что проведенные таким образом часы кажутся им слаже.

Тут я позволю себе рассказать вам один случай, имевший место однажды со мною. Мы ехали на одном из тех великолепных современных пароходов, которые разрезают волны со скоростью 15—20 узлов в час и проводят прямую линию от одного континента до другого, не взирая на ветер и на непогоду. Был мягкий вечер, в воздухе было совершенно спокойно, и на потемневшем небосклоне зажигались звезды. На рубке шла беседа, и о чем же было разговаривать, как не об этом вечном социальном вопросе, который как эдиповский сфанкс сжимает и душит вас. На бывшего в группе реакционера с живостью нападали остальные собеседники, которые все были более или менее социалистами. Вдруг он обратился к капитану, к начальнику, к хозяину, надеясь найти в нем поддержку своим взглядам: „Вы тут начальник“, сказал он, „разве ваша власть не священна? Что стало бы с кораблем, если бы вы вдруг перестали управлять им?“ — „Наивный вы человек“, отвечал капитан, „между нами я могу сказать, что обыкновенно я совершенно бесполезен. Рулевой сохраняет направление корабля, через несколько минут его сменит другой, потом 3-й и т. д., и мы будем продолжать правильно подвигаться вперед по обычному пути, без всякого участия с моей стороны. Внизу работают машинисты и кочегары, работают без моей помощи, ни о чем не спрашивая меня, и лучше, чем если бы я стал давать им какие-нибудь советы. Также хорошо знают, что им нужно делать, и все матросы, иногда мне приходится только согласовать свою небольшую долю труда с их более тяжелым, хотя и хуже оплачиваемым трудом. На моей обязанности конечно лежит направлять корабль, но разве не видите, что это только фикция? Вот карты, и не я их составил; вот направляющий нас компас, и не я его изобрел; для нас вырыли каналы того порта, откуда мы вышли, и того, куда идем; не я построил и этот великолепный корабль, еле поскрипывающий под ударами волн, величественно качающийся от зыби, мощно подвигающийся вперед под давлением пара. Что такое представляю здесь я, в сравнении с великими покойниками, с изобретателями и учеными, научившими нас переходить моря? Все мы только их союзники, мы и мои

товарищи матросы и вы, пассажиры, также, потому что ради вас мы скачем по волнам, а на случай опасности мы рассчитываем на вашу братскую помощь. Дело наше общее, и все мы между собою солидарны!" Все замолчали, и я бережно сохранил в своей памяти слова этого не совсем обыкновенного капитана.

Таким образом этот корабль, этот плывущий мир, в котором совершенно неизвестны наказания, несмотря на иерархические нелепости, несет на себе через океан образцовую республику. И этот пример не единственный. Каждому из вас известны, хотя бы по слухам, такие школы, в которых учитель, несмотря на строгость никогда не применяемых школьных правил, видит в своих учениках друзей и счастливых сотрудников. Соответствующее начальство установило всевозможные наказания для укрощения маленьких негодников, но их старший друг не нуждается в этом механизме укрощения; он обращается с учениками, как со взрослыми, постоянно взывая к их доброй воле, к их понятливости, к их чувству справедливости, и все они радостно отвечают на этот призыв. Таким образом получается крошечное, анархическое, истинное, человеческое общество, несмотря на то, что все в окружающей среде как будто нарочно направлено к тому, чтобы препятствовать его возникновению: и законы, и правила, и дурные примеры и общественная безнравственность.

Таким образом, несмотря на предрассудки и на бремя старых нравов, анархические группы возникают беспрерывно. Наш новый мир пробивается вокруг нас, точно весенний цветок из под мусора веков. Он не только не химеричен, как это постоянно повторяют нам, но он уже показывается в тысяче разнообразных форм, только слепые этого не замечают. Зато, если есть химеричное невозможное общество, то им является именно тот кавардак, в котором мы живем. Вы согласитесь, что я не злоупотреблял критикой современного строя, несмотря на всю ее легкость, но если правда, что под обществом следует разумеать совокупность индивидов, сближающихся между собою ради достижения всеобщего благосостояния, то невозможно, не делая нелепости, дать это

название окружающей нас хаотической массе. По мнению ее адвокатов (у всякого скверного дела есть защитники), ее целью является сохранение полного порядка, посредством удовлетворения интересов всех. Но не смешно ли называть упорядоченным обществом наш европейский, цивилизованный мир с его непрерывным чередованием внутренних драм, убийств и самоубийств, насилий и ружейных залпов, вырождений и голодовок, грабежей и всякого рода мошенничеств, банкротств, падений и разорений? Кто из нас при выходе отсюда не встретит на улице призраков порока и нищеты? В нашей Европе имеются пять миллионов человек, ждущих только сигнала для того, чтобы начать избивать других людей, сжигать дома и жатвы; десять других миллионов находятся в запасе, вне казарм, и им может быть поручено то же дело разорения: пять миллионов несчастных живут или, точнее, прозябают в тюрьмах, 10 миллионов умирает ежегодно преждевременною смертью, и на 370 миллионов человек 350, чтобы не сказать все, дрожат в совершенно основательной тревоге за завтрашний день, потому что, несмотря на огромное количество богатств общества, кто может сказать, что какое-нибудь неожиданное стечение неблагоприятных обстоятельств не лишит его завтра же всего его имущества? Никто не может оспаривать этих фактов, и мне кажется, что они должны бы внушать нам всем твердое решение изменить такой порядок вещей, вечно грозящий революциями.

Однажды мне пришлось разговаривать с одним высокопоставленным сановником, принадлежащим к тому миру, из которого исходят законы и наказания: „Да защищайте же ваше общество!“ говорил я ему. — „Как вы хотите, чтобы я защищал его“, отвечал он мне, „оно не защищено!“ Оно однако же защищается, но помощью таких аргументов, которых невозможно признать за доводы.

С другой стороны, те, которые нападают на него, могут делать это со спокойной совестью. Конечно, преобразование его вызовет и насилия, и революции, но разве нынешнее общество не есть непрерывное насилие и революция? И кто будет виноват в социальной войне? Те ли, которые пропо-

ведывают эру справедливости и равенства для всех, без различия классов и личностей, или же те, которые стремятся сохранить разделение общества, следовательно, и кастовую ненависть, те, которые издают один за другим разные стеснительные законы и умеют разрешать вопросы только посредством пехоты, кавалерии и артиллерии! История показывает нам, что политика ненависти способна порождать только ненависть, фатально ухудшая общее положение дел или, пожалуй, даже вызывая окончательную гибель. Сколько народов погибло таким образом, при чем погибали вместе, как угнетаемые, так и угнетатели! Суждено ли и нам в свою очередь погибнуть? Я надеюсь, что нет, благодаря все более и более распространяющимся анархическим идеям, обновляющим личную инициативу людей. Даже сами вы, если и не состоите анархистами, то во всяком случае очень близки к этим последним. Кто из вас скажет, положив руку на сердце, что он выше своего соседа, кто не видит в нем брата, равного? Нравственные принципы, которые были столько раз провозглашены в этом помещении в более или менее символической форме, будут без сомнения проведены в действительную жизнь, потому что мы, анархисты, мы знаем, что эти начала, начала полной справедливости, свободы и равенства составляют собою истинную нравственность, и мы всем сердцем призываем ее, тогда как наши противники колеблются; они не уверены в своей правоте, в сущности они даже отлично понимают, что они неправы, и что будущее принадлежит нам.

Анархия и Церковь.

Анархия и Церковь.

Наше отношение к церкви и церквям ясно определяется их собственным к нам отношением. На счет последнего невозможны ни ошибки, ни сомнения. Нас ненавидят, поносят, проклинаят. Нас обрекают не только на муки ада—для нас это лишено всякого смысла,—но требуют даже, чтобы нас преследовали светскими законами; они предадут нас особенной мести королей, тюремщиков и палачей, наконец отдадут в руки изобретательных мучителей, заведующих пытками, которых содержит в своих темницах все еще живая святая Инквизиция. Попы на официальном злом языке последних булл сражаются именно с „безумными и дьявольскими новаторами“ горделивыми последователями ложной науки, с фанатиками, прославляющими свободу совести, презиравшими все святое, с гнусными развратителями юношества, с поборниками преступления и несправедливости“,—эти проклятые, эти отверженные прежде всего те, которые называют себя революционерами, анархистами или свободниками.

Прекрасно. Вполне справедливо и законно, чтобы те, кто называет и мнит себя помазанниками неограниченного господства над человеческим родом, сосредоточивают всю силу своей ненависти на проклятых, которые отрицают их право на власть и осуждают все проявления этой власти. „Истребляйте. Истребляйте“. Таков девиз церкви, как и во времена святого Доминика и Иннокентия III.

Христианской нетерпимости мы противопоставляем также нетерпимость, но нетерпимость людей и притом людей, проникнутых духом современной науки, а не нетерпимость еудесников и палачей. Мы всецело отвергаем как учение католицизма, так и учение всех родственных ему религий, дружественных и враж-

дебных; мы боремся против их учреждений и дел, мы трудимся над разрушением последствий всех их поступков. Но мы делаем это без личной ненависти, потому что мы знаем, что действия людей определяются средой, где воспитывали их матери, где их кормило общество, мы знаем, другое воспитание и менее благоприятные обстоятельства могли бы и нас сделать более ограниченными, поэтому мы и стремимся прежде всего к тому, чтобы создать для них—если это еще не поздно—и для всех будущих поколений новые условия, которые излечат наконец от мании креста и от других религиозных бредней. Мы нисколько не помышляем об отомщении в тот день, когда мы окажемся сильнейшими: церковь в течении 15 веков своего господства унесла так много жертв, что эшафотов и костров оказалось бы недостаточно. При том же месть совсем не в наших принципах, так как ненависть влечет за собой ненависть, а мы спешим начать новую эру социального мира. Наше твердое намерение, которое мы хотим осуществить, состоит не в том, чтобы „внутренностями последнего священника свернуть шею последнему королю“, но сделать так, чтобы в очищенной атмосфере нашего нового общества не могли бы рождаться ни короли, ни священники. Как того требует логика, наше революционное творчество относительно церкви должно быть разрушительным прежде чем стать созидательным, хотя эти две фазы действий находятся во взаимной зависимости и могут осуществляться одновременно, но в различных формах, смотря по окружающей среде. Само собой разумеется мы и не думаем насильственно разрушать искреннее верование, наивные и набожные иллюзии, мы не можем проникнуть в сознание, чтобы изгнать из него смущение духа и тревожные мечты, но мы можем приложить все старания к тому, чтобы устранить из деятельности общества все то, что противоречит признанным научным истинам; мы можем вступить в борьбу с теми, которые ищут точки опоры в божественном—вне человечества и мира, давая возможность кастам паразитов надевать личину набожных посредников между мнимым творцом и его созданиями.

Так как страх и запугивание были во все времена по-

будительными причинами, отдавшими людей в рабство,—ведь короли, маги, священники, педагоги прибегали к этому средству в самых различных формах,—то мы будем непрестанно бороться с этим трепетом перед богатами и перед священниками посредством изучений и изложения спокойной ясности вещей. Будем преследовать все выдумки, которыми заполнены преподавания, книги и искусства по милости получающих доход за счет древней богословской мудрости.

И особенно не будем забывать ставить препятствие мерзкому платежу прямых и косвенных налогов, которые у нас вымогает духовенство, прекращать постройку часовен, уличных алтарей, церквей, статуй по обету и других безобразий, которые позорят наши города и деревни. Прекратим источник миллионных доходов, со всех сторон приливающих к крупному нищему Рима и бесчисленным мелким нищим его конгрегаций. Наконец, повседневной пропагандой отнимем у священников детей, которых дают им учить, молодых людей, которых они хотят сочетать браком, умирающих, которых они кропят святой водой за приличное вознаграждение.

Пусть покинет народ христианство. Но его обращают в христианство школы, ответят нам,—как закроем мы эти школы, когда на их защиту встанут отцы семейств, требующие „свободы“ воспитания, избранного ими. И вот нам, ратующим непрестанно о свободе, считающим личность достойной этого состояния, лишь в силу ее неограниченной гордой независимости, нам противопоставляют также свободу. Если бы это слово соответствовало правильным понятиям, мы могли бы лишь с уважением поклониться, чтобы остаться верными себе; но разве эта отцовская свобода заслуживает иного названия, кроме похищения, простого и явного присвоения ребенка, который должен принадлежать себе самому и которого поручают церкви и государству, чтобы его искалечили по своему усмотрению? Разве не походит эта свобода на свободу фабриканта, располагающего сотнями и тысячами рук и употребляющего их как ему заблагорассудится — на то, чтобы дробить металлы или сучить нитки — на свободу генерала, который заставляет маневрировать по своему усмотрению тактические единицы штыков и сабель.

Отец убежденный потомок римского *pater familias* имеет одинаковое право морально убивать, как сыновей, так и дочерей или что еще хуже—развращать их.

И из этих двух индивидов—отца и ребенка—на наш взгляд равных, мы должны по мере сил поддерживать более слабого: с ним мы объявим себя солидарным, ибо мы стараемся защищать от всех тех, кто вредит ему, будь то сам отец, или называющим себя таковым. Если государство посредством особого закона, продиктованного общественным мнением, отнимает у отца право осуждать своего сына на невежество, то мы, объявившие себя солидарными с новым поколением, мы сделаем все, чтобы защитить последнего от извращенного образования. Бьют ли или мучают родители ребенка, начинают ли катехизисом или развращают его невежественные „братья“, учат ли его лживой истории или фальшивой морали иезуиты, сотканные из низости и жестокости—в наших глазах все это равно преступно.

Против всего мы боремся с одинаковой энергией. Конечно, пока существует монархическая форма семьи—слепок с государства управляющего нами—до тех пор наше твердое намерение вступить за ребенка, защищая его от родителей и священников, будет трудно осуществимо, но тем не менее именно в этом направлении должны быть направлены все наши усилия. Да, будем или поборниками справедливости или сообщниками преступления—середины здесь нет.

В этом вопросе, как и во всех остальных социальных вопросах перед нами встает великая проблема породившая споры между Толстым и другими анархистами. Дело идет о непротивлении или сопротивлении злу. Что касается нас, то мы находим, что оскорбленный, остающийся пассивным, отдает униженных и слабых во власть угнетателей и богачей. Будем сопротивляться без ненависти, без злобы, без жажды мщения, со спокойной гибкостью философа, который владеет и точно отражает в каждом своем поступке свою глубокую мысль и свое искреннее желание, но будем сопротивляться. Современная школа явно безусловно направлена против нас, подобно удару шпаги или вернее подобно миллиону шпаг, так как дело идет о том, чтобы восстановить

против нас всех детей нового поколения. Мы понимаем школу, как и общество „без Бога и господина“ и объединяем все силы нашего ума и воли против школ, где преподается послушание Богу и особенно его представителям, господам всех родов—отцам и монахам, королям и чиновникам. Мы равно отвергаем и все школы, где воспитывают мнимые гражданские добродетели—рабское выполнение законов и ненависть к другим народам, и те, где детям твердят о том, что они должны быть не более, как „палки“ в руках священников. Мы осуждаем эти школы, и когда на нашей стороне будет сила, мы закроем их.

Пустые угрозы, скажут нам с иронией. Ведь вы еще не победители, и мы пока повелеваем королями и солдатами, чиновниками и палачами. Да, это, повидимому справедливо.

И все же весь этот аппарат для угнетения несколько не пугает нас, ибо также велика сила тех, кто взял истину себе в союзницы и распространяет свет вокруг себя. История развивается благоприятно для нас, потому что, если бы наши противники объявили науку банкротом, то для нас она осталась нашим руководителем и поддержкой. Существенная разница между членами церкви и их врагами, между порабощенными людьми и свободными, состоит в том, что первые, лишённые собственной инициативы, мало-по-малу слабеют и умирают, тогда как в нас расцветает жизнь, благодаря самопроизвольной деятельности анархических сил.

Наше нарождающееся общество свободных людей, которое с трудом разрывает буржуазные путы, не могло бы иметь никакой надежды восторжествовать когда либо, не могло бы даже родиться, если бы мы не имели перед собою истинных людей со своими собственными стремлениями и энергией, а не бесчисленную армию ханжей, расслабленных преклонением и послушанием и осужденных на хаотичность мыслей. Какова бы ни была ценность активно верующего христианина, с точки зрения его ремесла или занятий, он с точки зрения мышления остается лишь бесформенною и неустойчивою массою. Это живой организм.

Тем не менее не нужно забывать, что самые страшные

противники—не верующие, не бедняки, умертвляющие ум, которых вы найдете распростертыми в часовнях, набожная вера которых набросила на их глаза непроницаемую повязку, скрывающую от них действительный мир, нет, гораздо страшнее этих христиан те честолюбивые лицемеры, которые ведут за собою, и те равнодушные, которые, не будучи католиками, официально присоединились к церкви. Явление на первый взгляд противоречивое: клерикальная армия растет по мере того, как уменьшается вера. Вражеские силы собираются с двух сторон: церковь объединила вокруг себя всех своих естественных сообщников, которым нужны рабы: царей, военных, чиновников всех родов, раскаявшихся вольтеррианцев и даже честных отцов семейств, которые хотели бы воспитать своих детей вполне благоразумными, вышколенными, грациозными и вежливыми, но лишенными силы во взглядах и мужества в мыслях.

Впрочем, все это совершается под высоким покровительством, так называемой, „республики“. Да, она по истине заслужила торжествующие слова епископа Дюпаллу: „Если последствием республики будет лишь возвращение иезуитов и всех религиозных конгрегаций, то я понимаю, почему Бог разрешил ее“.

И церковь, всегда падкая на грабеж, не замедлила потребовать права вступления в ее члены для всех своих новых союзников, республиканцев и других. Благодаря этому, богатства духовенства возрасли в громадных размерах. В одной Франции церковные имущества увеличились более, чем в 2 раза за последние 20 лет XIX столетия.

Оценивают в миллиарды дома и земли, открыто принадлежащие попам и монахам, но сколькими миллиардами они еще владеют под именем старичков и вдов. Якобинцы почти радуются, видя как эти огромные богатства концентрируются в одних руках, и надеются, что когда-либо государство одним ударом может завладеть ими: лекарство, способное перенести болезнь в другое место, но вовсе не излечить ее. Это имущество, добытое воровством и мошенничеством, должно быть отнято силою не в пользу одного или другого класса или нескольких лиц, но в пользу всех.

Богатства эти составляют часть огромного достоинства, принадлежащего всему человечеству. Все элементы реакции отныне объединены под одним и тем же символическим знаменем: крестным знаменем, и было бы паивно с нашей стороны, если бы мы позволили обмануть себя девизом этого знамени. Речь идет уже не о религиозной вере, но о господстве: искренняя вера лишь предлог для огромного большинства тех, кто хочет сохранить монополию власти и богатства. Единственная цель их—помешать во что бы то ни стало осуществлению современного идеала: для всех хлеба, свободы, работы и отдыха.

Наши враги, несмотря на то, что ненавидят и презирают друг друга, должны были все так объединиться в одну партию, и это важное явление должно радовать нас и побуждать к последней битве. Взятые сами по себе желания правящих классов слишком мало обоснованы, слишком нелогичны, чтобы их можно было защищать с успехом. Необходимо поэтому связать их с чем либо высшим, с самим богом, „началом всех вещей и великим повелителем вселенной“. Так во время сражения войска, занимающие слишком открытые позиции, покидают недавно выстроенные укрепления, чтобы собраться в центре, в старинной крепости приспособленной для современной войны,

Перенесемся в воображении в будущим временам сознательной и разумной нерелигиозности. Что станут делать в новых условиях лучшие люди?—Заменять галлюцинации точными наблюдениями, ставить на место иллюзий о рае, который был обещан голодным, — действительность, основанную на социальной справедливости, благоденствии и гармоничной работе. Не трудно будет найти для последователей гуманитарной науки более содержательное и более согласованное с нравственностью счастье, чем то, которым в настоящее время довольствуются христиане, стремящиеся лишь избавиться от тяжелого труда—мыслить самим за себя и искать в своей собственной совести побудительную причину своих действий. Не имея видимого идола, как наши дикие предки, они хотят, по крайней мере, иметь скрытого идола, который бы залечивал раны, нанесенные их самолюбием,

утешал бы их в несчастии и даже обеспечивал бы им бесконечную жизнь, свободную от всяких забот. Но всех этих благ они просят для себя лично, их религии нет дела до тех несчастных, которые продолжают суровую и опасную жизненную борьбу. Подобно созерцающим бурю в поэме Лукреция, им приятно смотреть с берега, как борются с волнами потерпевшие кораблекрушение.

Наш идеал совсем не похож на этот христианский эгоизм человека, который спасает себя, видя гибель своего ближнего. Мы, анархисты, работаем над полным освобождением всех других, обеспечивая им возможность на началах солидарности воспользоваться всяким из наших усилий. Мы понимаем нашу личную победу лишь постольку, поскольку она становится тотчас же победой общества. Наше личное счастье можно вообразить лишь среди счастья других. Анархическое общество не означает вовсе господства привилегированных, но общину равных, оно будет великим счастьем, о котором мы в настоящее время не имеем никакого представления. Жить там, где не будет голодных вымаливающих копейку, проституток, продающих себя, чтобы достать хлеба, здоровых людей, становящихся солдатами и даже полицейскими, потому что у них нет других средств к существованию. Люди, примирившиеся между собою, так как деньги, положение и принадлежность к массе не будут создавать прирожденных врагов друг другу, смогут вместе изучать, принимать участие, следуя своим личным склонностям, в общей работе преобразования, в составлении великой книги человеческих знаний—одним словом—жить свободной, все более и более глубокой могущественно-сознательной и братской жизнью, ускользая таким образом от галлюцинаций религиозности, и церкви. А наслаждение искусством, ныне составляющее привилегию немногих, разве не будет достоянием всех без различия? Духовенство в настоящее время имеет претензию, которая была бы смешна, не будь она заявлена и принята за чистую истину, огромным большинством добрых людей, довольствующихся повторением одного и того же и торжественным враньем. Духовенство считает своими архитекторов средних веков, скульпторов и худож-

ников эпохи возрождения, всех артистов, которые жили в господство церкви и которые по большей части обязаны своим гением духу недовольства и даже возмущения. Когда церкви и соборы были общественными памятниками, где вся городская община сходилась на свои политические, социальные и религиозные заседания, где собирались все цехи для выяснения своих интересов, направленных даже против священников и епископов, тогда здания, которые представляли совокупность городского населения обязаны были своею красотою единству духа, создавшего их. Гражданская община прославляла себя в этом общем труде, которому были посвящены в течение веков средства общины: самые красивые церкви Италии и Германии, Англии и Франции, принадлежат тем городам, где граждане объединились в общины, республики, свободные города и заведывали своими делами вполне независимо, борясь в одно и то же время против знати и епископов.

Когда иезуиты, ставшие наконец господами, создали свой архитектурный стиль без помощи свободных каменщиков, предшественников „франко-масонов“, тогда их тяжелые постройки с их завитками, фантастическими чудовищами и позолотой засвидетельствовали в достаточной мере, до какой степени безобразия могут дойти так называемые артисты жреческой касты. Как ракообразные животные морских берегов располагаются в прекрасных чужих раковинах, так священники приписывают себе заслугу возведения прекрасных памятников средневековья, в которые они проскользнули воровским образом. Но если бы им предоставили свободу действий, то не осталось бы ни одного из этих зданий, которое не было бы имя обезображено и опозорено.

Католики, хотя и завладели официально обществом, вовсе не являются и не будут властителями последнего, так как они умеют лишь заглушать, подавлять, уменьшать: все живое ускользает от них. Пусть они поспешат провозгласить банкротство „искусства“, как они сделали это с наукой, трудом, со всеми силами и способностями человека, ибо они неспособны понять красоту, и их труды по необходимости

будут также мелочны, как породивший их фетишизм. Все великое и благородное совершается помимо их и вопреки им.

Бедняки, которым они с насмешкой обещали все богатства рая, добьются наконец благосостояния, настоящей жизни. Вопреки им возникнет истинная коммуна, общество свободных людей, к которому вели нас столько предшествующих революций против священников и против короля.

Моему брату-крестьянину.

Моему брату-крестьянину.

„Правда ли“, спросил ты меня, „что твои товарищи, городские рабочие, хотят взять у меня землю, ту землю, которую я так люблю и которая дает мне хлеб, правда, довольно скупо, но все-таки дает? Она кормила моего отца и отца моего отца; неужели же дети мои будут лишены возможности кормиться на ней? Правда ли, что ты хочешь взять у меня землю?“

— „Нет, мой брат, это неправда. Ты любишь землю, возделываешь ее, тебе принадлежит и урожай. Ты добываешь из земли хлеб, никто не имеет права есть его прежде тебя, прежде женщины, которая соединила свою судьбу с твоей, прежде ребенка, родившегося от вашего союза. Храни свои поля, храни твой заступ и соху, необходимые тебе, чтобы вспахивать затвердевшую землю, храни семена для посевов. Нет ничего священнее твоего труда,—и тысячу раз будь проклят тот, кто вздумает отнять у тебя землю, сделавшуюся кормилицей, благодаря труду рук твоих!“

Но то, что я говорю тебе, я не скажу этого другим, которые тоже называют себя земледельцами, но на самом деле не являются ими. Кто эти так называемые работники, эти возделыватели земли? Один родился вельможей. Лишь только успели положить его в колыбель, одетого в тонкие ткани и дорогие шелка, священник, судья, нотариус и другие особы пришли поклониться поворожденному, как будущему владельцу земли. Куртизаны, мужчины и женщины, стекаются со всех сторон, принося дары, дорогие ткани, затканые серебром, и золотые погремушки; и в то время, как его осыпают подарками, писцы записывают в больших книгах, что малютка владеет—здесь источниками, там реками, а еще дальше лесами, полями и лугами, там садами и еще другими полями, другими лесами, другими пастбищами. У него есть имения в горах, есть в долинах;

даже под землею у него имеются крупные владения, где люди работают сотнями и тысячами. Достигши зрелого возраста, он может быть посетит когда-нибудь эти владения, унаследованные им по выходе из утробы матери—может быть, не даст себе труда даже заглянуть туда; но все равно, продукты собирать и продавать будет он. Со всех сторон, по проезжим и железным дорогам, на речных баржах и морских пароходах к нему будут прибывать мешки золота—доход с его поместий. И что же? Когда у нас будет сила, оставим мы все эти продукты человеческого труда в сундуках этого наследника? Оставим ли мы неприкосновенной эту собственность? Нет, друзья мои, мы возьмем все это. Мы разорвем эти бумаги и планы, мы взломаем двери этих замков, мы завладеем этими имениями. „Работай, молодой человек, скажем мы ему, если хочешь есть. Ничто больше из этих богатств не принадлежит тебе“.

А тот другой господин, родившийся бедняком без дворянских грамот, к которому ни один льстец не являлся на поклон в материнскую хижину или чердак, но которому удалось разбогатеть при помощи своего честного или нечестного труда? У него не было ни клочка земли, где бы он мог склонить свою голову, но он сумел, посредством спекуляций или сбережений, милостью своих господ или судьбы, приобрести громадные пространства, которые он теперь окружает стенами и заборами: он собирает, где не сеял, он ест и подбирает хлеб, который другой добыл своим трудом. Отнесемся ли мы с уважением к этой другой собственности, собственности разбогатевшего бедняка, который не работает сам и называет землю своею, возделывая ее руками рабов? Нет, мы не поощрим эту вторую собственность, так же, как и первую. И здесь также, когда у нас будет сила, мы возьмем эти имения и скажем тому, кто считает себя их хозяином: „Прочь, выскочка! Ты работал когда-то, так продолжай. Ты будешь иметь хлеб, который заработаешь своим трудом, но земля, которую ты не возделываешь, больше не твоя. Ты больше не хозяин хлеба!“

Таким образом мы возьмем землю, но возьмем у тех, кто владеет ею, не работая, чтобы отдать ее тем, кто работает; но отдадим ее не для того, чтобы позволить им в свою оче-

редь эксплуатировать других несчастных. Количество земли, на которое отдельная личность, семья или группа друзей имеет право, не может превышать размеров, которые могут быть обработаны личным или общим трудом. Как только размеры эти переходят за пределы пространства, которое они могут возделывать, они не вправе будут требовать себе этот излишек; пользование им принадлежит другому работнику. То, что ты обрабатываешь, мой брат,—твое, и мы поможем тебе сохранить это всеми находящимися в нашей власти средствами; но земля, которую ты не возделываешь, принадлежит твоему товарищу. Дай ему место. Он тоже сумеет работать.

Но, если каждый из нас имеет право на свою долю земли, будете ли вы жить отдельно друг от друга? Один мелкий крестьянин, собственник или арендатор, слишком слаб, чтобы бороться зараз и со скупой природой, и с злыми угнетателями. Если он выживет, то благодаря чудовищным усилиям. Он должен приспособляться ко всем капризам погоды и в тысяче случаев подчиняться добровольной пытке. Морозит ли, палит ли солнце, идет ли дождь, или дует ветер, он должен всегда быть на работе; затопит наводнением его урожай, спалит его солнце—он с грустью соберет остатки, которых не хватит ему, чтобы прокормиться. Наступит день посева—он вынет изо рта последнее зерно и бросит его в борозду. В его отчаянии у него остается страстная вера: он приносит в жертву часть своей убогой жатвы, так необходимой ему, в уверенности, что после суровой зимы, предательской и изменчивой весны, после жгучего лета, хлеб все-таки родится и удвоит, утроит, удесятерит, быть может, посев. Какую глубокую любовь хранит он к этой земле, которая заставляет его так много трудиться, так много страдать в постоянном страхе и разочаровании и так ликовать от радости, при виде волнующихся налитых колосьев. Нет сильней любви крестьянина к земле, которую он вспахивает и засеивает, из которой он вышел и в которую вернется! И, однако, сколько врагов его окружает и зарятся на эту землю, которую он так страстно любит. Сборщик податей облагает налогом его борону и берет у него часть собранного им хлеба; продавец берет другую часть; железная дорога его обкрадывает при перевозке товара. Со всех сторон его обма-

пывают. И сколько бы мы ему ни кричали: „Не плати налогов, не плати арендной платы“,—он все-таки платит, потому что он один, потому что он не доверяет своим соседям—другим мелким крестьянам, собственникам или арендаторам, и не решается сговориться с ними. Страхом и раз'единением держат крестьян в подчинении.

Сильнее в борьбе с общим врагом, государством и барином, крестьяне, живущие обществами, как задруга и мир в России и других славянских странах. Земля—их общественная собственность и она не дробится на многочисленные куски, огороженные заборами, стенами или рвами. Им не приходится спорить, их ли колос, выросший вправо или влево от борозды. У них нет ни судебных приставов, ни адвокатов, ни нотариусов, чтобы устраивать их дела с товарищами. После сбора, до наступления поры новых работ, они собираются вместе для обсуждения своих общих интересов. Женился кто-нибудь, родился в семье ребенок или вообще прибавился новый член,—все излагают свое новое положение и берут большую часть из общего имущества, чтобы удовлетворить увеличившиеся потребности. Наделы увеличиваются или уменьшаются, смотря по количеству земли и по числу членов общины, и каждый обрабатывает свое поле, счастливый сознанием, что живет в мире с своими братьями, которые работают тут же на земле, размеренной сообразно потребностям всех. В случае необходимости товарищи помогают друг другу: сгорела чья-нибудь хижина,—все принимаются за постройку новой; размыло дождем часть поля,—уступают другое пострадавшему владельцу. Кто-нибудь один пасет общинные стада, и вечером овцы и коровы сами возвращаются в свои хлева. Община составляет в одно и то же время собственность всех и каждого.

Но, как и отдельная личность, община слишком слаба, если она остается обособленной. Недостает земли для всей общины,—и все должны голодать! Она находится почти в постоянной вражде с более богатым помещиком, который вечно заявляет притязания на то или другое поле, тот или другой лес или пастбище. Она старательно борется, и если бы был только один помещик, она живо справилась бы с

его алчностью, но помещик не один: на его стороне губернатор и начальник полиции, за него стоят попы и судьи, его поддерживает все правительство с своими законами и армией. В случае нужды, к его услугам имеются пушки, чтобы расстрелять тех, кто не хочет уступить ему спорную землю. Таким образом, если даже община будет тысячу раз права, все говорит за то, что власти найдут ее неправой. И как бы мы ни кричали ей, как и плательщику податей: „Не уступай!“ — она, как и крестьянин-одиночка, должна будет уступить, в силу своей обособленности и слабости.

Итак, все мы, мелкие собственники — самостоятельные или живущие общинами — очень слабы, чтобы бороться со всеми кто старается вас поработить: с узурпаторами, посягающими на ваш клочек земли, с правителями, вымогающими у вас продукт вашего труда. Если вы не соединитесь вместе, вы скоро разделите судьбу тех миллионов и миллионов людей, которые уже лишены всякого права на посевы и уборку и живут в рабстве наемного труда, находя работу тогда, когда хозяевам выгодно им ее дать, и вечно принужденные христорадничать под тем или иным видом, — то униженно выпрашивая работу, а то и протягивая руку заподачкой. У них нет больше земли, вас может постигнуть такая же участь.

Есть ли, стало быть, такая уж большая разница между вашею и их судьбою? Несчастье их уже постигло, вас оно постигнет не сегодня, завтра. Соединитесь же все в нашем общем несчастье и опасности, которая угрожает вам. Защищайте то, что у вас осталось, и верните себе все потерянное.

Иначе вас ждет тяжкая участь. Не забудьте, что мы живем в век науки и систем, и наши правители, имея в своем услужении целую армию химиков и профессоров, готовят вам такую общественную организацию, в которой все будет распределено, как на заводе, где машина управляет всем, даже людьми, где последние — простые колеса, которые выбрасывают, лишь только они принимаются рассуждать и желать.

Так в пустынях Западной Америки, в плодородных областях громадные пространства земли уступлены компаниям спекуляторов, находящихся в прекрасных отношениях с правительством, как все богачи и негодяи, которым посчастли-

вилось разбогатеть. Имея в своем распоряжении людей и капиталы, они превращают эти земли в хлебные заводы.

Вот образчик такой культуры земли в одной провинции

Ведение хозяйства на этом огромном пространстве поручено одному человеку, являющемуся чем-то в роде генерала, образованному, опытному, хорошему земледельцу и такому же хорошему продавцу, ловкому в искусстве оценивать по их настоящей стоимости силу производительности земли и мускулов. Этот господин живет в удобном помещении в центре своих владений. В сараях у него стоит сто плугов, сто сенокосов, сто жатвенных машин, двадцать молотилок; штук пятьдесят вагонов, прицепленных к локомотивам, беспрестанно скользят по рельсам по направлению от вокзалов, стоящих тут же на полях, к ближайшему порту. И пристани, и пароходы, стоящие в порту, также собственность владельца имения. Из его дома ко всем другим постройкам проведен телефон; голос хозяина слышен повсюду. До его слуха доносится малейший шум; он видит каждое движение. Ничто не делается без его приказанья; его хозяйский глаз следит за всем.

Но во что превращается рабочий, крестьянин в этом столь прекрасно организованном мире? Машины, лошади и люди употребляются совершенно одинаково: на них смотрят, как на сумму силы, которую надо употребить с большей пользой для хозяина: выжать из нее как можно больше продуктов с наименьшими затратами. Конюшни расположены таким образом, что с первого же шага по выходе из здания животные уже вскапывают борозду, которая должна тянуться через все поле, на расстоянии нескольких верст: каждый шаг их рассчитан, и каждый приносит доход хозяину.

Точно так же, каждое движение рабочего, лишь только он переступает порог общей спальни, рассчитано, размерено. Здесь нет ни жен, ни детей, которые могли бы отвлекать от работы лаской или поцелуем. Рабочие распределены по небольшим отрядам, имеющим своих унтеров, капитанов и неизбежного шпиона. Каждый обязан методически исполнять данную ему работу, храня полное молчание. Сломается какая-нибудь машина,—ее бросают в лом, если нельзя ее поправить; упадет лошадь и сломает себе ногу,—ее убивают вы-

стрелом в ухо из револьвера и убирают труп. Упадет человек в изнеможении сломает себе руку или ногу, или схватит лихорадку,—его не приканчивают на месте, но прогоняют: пусть умирает себе где-нибудь в стороне, не беспокоя никого своими жалобами.

По окончании больших работ, когда природа отдыхает, отдыхает и директор и отпускает свою армию. На следующий год он всегда найдет сколько нужно наемных костей и мускулов, но он ни за что не возьмет прошлогодних рабочих: они могут претендовать на свою опытность, вообразить, что знают не меньше самого хозяина, плохо повиноваться, и—кто знает?—пожалуй еще привяжутся к возделываемой ими земле и вообразят, что она ихняя.

Если бы счастье человечества заключалось в создании кучки миллионеров, ради удовлетворения своих капризов и страсти собирающих груды продуктов, произведенных трудом порабощенных рабочих, то эта научная обработка земли галерными каторжниками была бы идеалом. Какие удивительные результаты дают финансовые предприятия! Количество хлеба, добытого трудом 500.000 человек, может прокормить пятьдесят миллионов; ничтожные затраты на жалкую плату рабочим приносят громадные количества хлеба, которым грузят корабли и продают его в десять раз дороже стоимости его производства.

Правда, если масса потребителей слишком обеднеет за неимением работы и заработной платы, она не сможет покупать все эти продукты и, осужденная на голодную смерть, не станет больше обогащать спекуляторов. Но последних не занимает отдаленное будущее: разбогатеть сначала, идти по дороге, усыпанной золотом, а потом видно будет,—дети выпутаются! „После нас хоть потоп!“

Вот, товарищи-рабочие, какую судьбу готовят вам! У вас возьмут любимую землю, где вы в первый раз увидели тайну хлебного стебелька, пробивающегося сквозь твердую почву. У вас возьмут поля и нивы; вас возьмут самих. Привяжут вас к железной машине, дымящей и шипящей, и в облаках черного дыма вы должны будете вертеть какое-нибудь колесо, размахивая руками десять-двенадцать тысяч раз в день,—это будет называться земледелием.

И не думайте тогда помышлять о любви, когда у вас явится желание иметь жену; не поворачивайте голову в сторону проходящей молодой девушки: старший мастер не потерпит, чтобы вы крали время у хозяина. Если угодно будет последнему разрешить вам жениться, и оставить после себя потомство,—значит вы ему очень понравились; у вас будет та рабская душа, какую ему хотелось видеть в своих рабочих.

Вас ждет будущность рабочего, работницы, заводского детища! Древнее рабство никогда более методически и последовательно не калечило человеческую натуру, чтобы низвести ее на степень простого орудия.

Что осталось человеческого в этом истощенном, извращенном, золотушном существе, которое вечно дышит в атмосфере пота, сажа и пыли?

Спасите себя во что бы то ни стало от такой смерти. Обезопасьте ревностно вашу землю: она ваша, вашей жены и детей, которых вы любите. Соединитесь с товарищами, земле которых, как и вашей, угрожают заводчики, любители охоты, ростовщики. Забудьте все ваши мелкие ссоры и сходитесь в общины, где все будут солидарны, где каждый клочок луга будет защищаться всеми общинниками.

В количестве ста, тысячи, десяти тысяч человек вы будете уже достаточно сильны, чтобы противустоять помещику и его слугам; но вы не будете еще достаточно сильны, чтобы победить армию. Соединяйтесь же община с общиной, чтобы самая слабая имела за себя всех. Призовите к себе также и всех тех, у кого ничего нет, всех обездоленных городских рабочих, которых, может быть, вас и научили ненавидеть, но которых надо любить, ибо они помогут вам удержать землю и вернуть то, что у вас отняли. Вместе с ними вы снесете все ограды и образуете огромную общину людей, где все будут работать сообща над своим счастьем, придавая жизнь и красоту этой чудной земле, дающей нам хлеб.

Но если вы этого не сделаете, все будет потеряно. Вы умрете рабами и нищими. „Вы хотите есть“, сказал недавно алжирский мэр депутации безработных, „так ешьте друг друга!“

Богатство и Нищета.

I.

Земельная собственность.

В очерках, посвященных нами земледельческому и фабрично-заводскому производству ¹⁾, мы на основании неопровержимых цифровых данных установили, что пищевых продуктов имеется вдвое, а фабричных втрое больше того, сколько их нужно для удовлетворения всех потребностей современного человека. Человечество имеет, таким образом, для своего пропитания и содержания действительно громадный избыток, и если миллионы людей живут в нищете, то это зависит от чудовищной организации современного общества. Эта истина в общем не требует пояснений, настолько она очевидна. Тем не менее, не безинтересно показать на точных фактах, до каких позорных результатов доходит общественный строй, основанный на частной собственности.

Избитая истина, что всюду, во всех государствах, богатство и власть принадлежат в настоящее время аристократии собственников. Во Франции, где до сих пор воспоминания о 1789 г. действуют опьяняюще, мы охотно воображаем себе, будто Революция смела неравенства старого общества, и если не установила полного равенства, то, по меньшей мере, сравняла положение людей и богатства. К несчастью, факты далеко не соответствуют этой легенде, которую правящие классы всячески стараются закрепить в

¹⁾ Смотри: Les produits de la Terre et les produits de l'Industrie.

умах, чтобы тем самым расшатать силу и значение пролетарских требований. Мы восхищаемся великим революционным движением, давшим нам свободу мысли и, до известной степени, свободу слова, но мы также должны признать, что в социальном отношении Революция завершилась выкидышем: феодальная собственность, которую она хотела разрушить, лишь преобразовалась. Этот феодальный строй стоит перед нами могущественнее прежнего, ужаснее, чем когда-либо.

И прежде всего необходимо заметить, что земля, которую мы представляем себе чрезвычайно раздробленной, в действительности почти повсюду прибрана к рукам относительно небольшим количеством лиц, настоящими земельными баронами. В нашей так называемой цивилизованной Европе почти везде преобладает крупное землевладение. Есть страны, в которых имения важных господ и крупных буржуа представляют по размерам целые государства, на которых бы могли жить сотни тысяч людей. В Англии, в этой классической стране латифундий или крупного землевладения, две трети всей страны принадлежат только 10,000 лиц; из них одни лорды Соединенного Королевства владеют свыше 6,240,000 гектаров ¹⁾. В Шотландии 21 человек поделили между собой около трети национальной территории, и 1700 человек владеют девятью десятыми ее. В Ирландии вся земля тоже захвачена *лендлордами*. Чтоб убедиться во всех этих фактах, стоит только пробежать официальную статистику землевладения в Великобритании. Это, правда, достаточно отталкивающее чтение, но зато поучительное: сразу глубоко проникаешь в социальное положение Соединенного Королевства, когда узнаешь, что многие благородные лорды, как напр., герцог Девонширский, владеют имениями в 70,000 и до 78,000 гектаров и что один шотландский лорд, герцог Сутерландский, является собственником огромного пространства в 530,000 гектаров.

Не следует, впрочем, думать, что Англия является исключением в Европе. В большинстве других европейских стран крупное землевладение процветает, правда, в несколько

¹⁾ Гектар немного меньше казенной десятины.

меньших, но все же в чудовищных размерах. Например, в Германии, в этой стране, так гордящейся своей высокой цивилизацией, есть целые области, где земля—вся в руках небольшой кучки баронов, представляющих своими особами старинные обломки средних веков. У некоторых из них есть поместья пространством от 2000 до 3000 квадратных верст. В Пруссии половина земли принадлежит тоже помещикам, имеющим не менее 75, а в среднем 344 гектара каждый.

Если от Германии мы обратимся к Австро-Венгрии, то найдем здесь еще худшее распределение земельной собственности. Моравия, Богемия, Венгрия, Галиция представляют собой страны крупной земельной собственности. Так, в Венгрии две трети всей земли принадлежат нескольким тысячам господ, владения которых заключают в себе от 1000—10,000 гектаров. Есть здесь несколько имений, которых их собственники ни разу не осмотрели в целом, так они громадны. То же самое в Богемии; тут князь Шварценберг один владеет более чем тридцатой частью всей страны, а именно 178,000 гектаров. В Румынии, в России, где уничтожение крепостного права должно было бы совершить коренной переворот, все те же бояре удерживают в своих руках наибольшую часть земель. Вернемся на Запад, пойдем в Италию, в Испанию, во Францию, в Бельгию, в эти государства, наиболее непосредственно испытавшие влияние Революции,—и везде мы, лишь в различной степени, найдем все то же положение. Познакомимся ближе в этом отношении с Италией. Согласно *Итальянскому статистическому Ежегоднику* за 1884 г. здесь имелось 2,668,696 земельных собственников. Но сюда присчитано очень значительное число таких, которые владеют ничтожными клочками земли, не могущими прокормить их владельцев; на деле и тут преобладает крупная собственность. В особенности это верно для южной Италии. Чтоб ограничиться одним примером, укажем на Базиликат, на эту область древнего Геркуланума. Здесь, в Поликоро, мы встречаем поместье в 14,000 гектаров. Владелец его, князь де Жерас, оказывается хозяином семьдесят третьей доли провинции Потенцы, насчитывающей 525,000 жителей.

В Испании, главным образом в обеих Кастилиях и в Андалузии, собственники сотен и тысяч гектаров тоже захватили значительную долю земель.

Франция—единственная великая страна, где мелкое землевладение существует в довольно значительной степени, но и здесь мелкая собственность далеко не имеет того значения, какое ей приписывают поклонники нашего социального строя. Действительно, буржуазные экономисты торжественно повторяют, что у нас 20 миллионов земельных собственников. На первый взгляд их благочестивый энтузиазм может показаться, пожалуй, основательным, но, при ближайшем ознакомлении с вопросом, неизбежно приходится сильно поубавить основательность такого ликования. Нельзя же, в самом деле, забывать, что из этих так называемых собственников около 4 миллионов избавлены от личного обложения по причине их крайней бедности; тут по-просту 4 миллиона полуничиц, а не собственников. К тому же число собственников, само по себе, ничего не означает; важно, как распределена между ними собственность. Легко выяснить это распределение; воспользуемся для этого официальными документами по поземельной собственности, опубликованными на основании переписи 1884 г.

Вот каково было в указанный момент распределение французских земель среди плательщиков земельного налога.

КАТЕГОРИЯ ЗЕМЛЕВЛА- ДЕНИЯ.	Число плательщиков земельного налога (по числу обложен- ных участков).		Площадь обложен- ная земельной по- дастью.	
	Абсолютное.	% отноше- ние ко все- му колич.	В гектарах.	% отноше- ние ко всей площади.
Самая мелкая собствен. . . (от 0 до 5 гектаров).	12,230,496	87,8	11,222,308	22,7
Мелкая собственность . . . (от 5 до 10 гектаров).	892,887	6,2	6,254,142	12,6

Средняя собственность . . . (от 10 до 50 гектаров).	738,672	5,2	14,496,260	29,3
Крупная собственность . . . (от 50 до 100 гектаров).	73,503	0,5	5,059,817	10,2
Очень крупн. собствен. . . . (больше 100 гектаров)	49,243	0,3	12,355,782	25,2
СУММА . . .	14,074,801	100,0	49,888,304	100,0

Из этой таблицы явствует:

1-е, что *самая мелкая собственность* (от 0 до 5 гект.) насчитывает 12 миллионов плательщиков из общей суммы 14 миллионов. Другими словами—на 88% всех плательщиков приходится лишь 22% обложенной податью земельной площади.

2-е, что *мелкая собственность* (от 5 до 10 гектар.) насчитывает 6 милл. гектаров на 892,887 плательщиков или 12% всей территории.

3-е, что *средняя собственность* (от 10 до 50 гектаров) охватывает 738,000 плательщиков и 14 милл. гектаров или 29% общего земельного фонда страны.

4-е, что *крупная собственность* (от 50 до 100 гектаров и больше) захватила более 17 милл. гектаров (35% территории), тогда как число собственников этой категории едва достигает 120,000, т.-е. меньше даже 1%.

Три вида земельной собственности—мелкая, средняя и крупная—поделили между собой почти весь национальный фонд, но, как справедливо заметила одна французская газета, „la Terre“, „тогда как мелкая собственность разделена между миллионами людей, средняя насчитывает едва сотню тысяч собственников, а крупная—лишь несколько тысяч“.

Сказанного достаточно для доказательства того, что—при прочих равных условиях—распределение земли во Франции такое же скверное, как в великих державах, находящихся еще в стадии феодализма. Но есть и другие

факты, подтверждающие нашу мысль, так как приведенные нами статистические данные требуют пояснения.

Прежде всего необходимо заметить, что дробление земли между собственниками много меньше, чем это может показаться при взгляде на общее число участков. Во Франции нет этих 14 миллионов землевладельцев—плательщиков налога. Значительное число лиц имеют по два или несколько отдельно обложенных участков и, следовательно, сумма всех участков не выражает количества их собственников, которых несравненно менее 14 миллионов.

Во-вторых, мы должны также обратить внимание на то, что в вышеприведенной таблице, по скольку она касается мелкого землевладения, скрыта крупнейшая ошибка в методе исчисления; этою ошибкой даже совершенно обесценивается указываемая цифра 13,213,383 мелких собственников. У крестинизированных чиновников, делавших эти статистические вычисления, очевидно не хватило достаточно смысла для правильной оценки того, что именно следует понимать под мелкою собственностью. Вместо того, чтобы к категории владений (от 0 до 10 гект.) отнести только мелкие земельные владения и участки, они смешали в одну кучу: собственно полевые участки и мелкие участки, исключительно находящиеся под усадьбами, под коммерческими и промышленными предприятиями, так что клочек земли ценою в 50 франков (около 18 руб.) и дом или завод стоимостью от 50,000 до 500,000 франков и выше в этой удивительной таблице помещены в один разряд под рубрикой „землевладения от 0 до 10 гектаров“. Это одна из обыкновенных красот официальной статистики. Доверьте библиотеку бюрократам в роде авторов подобных таблиц и поручите им сделать в ней логичное и естественное распределение книг, столь облегчающее пользование ими. Будьте уверены,—книги будут размещены на полках по цвету переплета или по величине формата.

Это неумное классифицирование земельной собственности исключительно по величине поместий не есть еще единственный изъян официальной статистики, нуждающийся в поправке. Исследование 1884 г. относительно земельной

собственности сделано по коммунам без общего надзора и контроля. Отсюда получилось, что каждый раз, когда владение переходило черту коммуны, оно оказывалось занесенным в таблицу, как два или три отдельных поместья, хотя бы в действительности тут было одно только поместье. Отсюда ясно, что количество крупных собственников произвольно увеличено нашей статистикой. В действительности 35% всей земли принадлежит значительно меньшему количеству лиц, чем 122 тысячам, показанным в таблице.

Из всего вышеизложенного мы можем заключить следующее:

1-е. Количество мелких собственников ниже того, какое дают нам официальные документы, и мелкие собственники не владеют 34% французской территории.

2-е. Крупная земельная собственность, внесенная в „статистику“ с 35% всей площади землевладения, владеет в действительности значительно большим количеством, потому что собственники домов, заводов и различных других сооружений, причисленные к первой (нижней) категории во внимание к размерам поместья, на самом деле должны быть отнесены в группу крупных землевладельцев по их доходности.

3-е. После указанных поправок следует во всяком случае признать, что *крупному землевладению принадлежит больше трети национальной территории.*

К этому последнему заключению мы приходим, изучая в целом земельный вопрос во Франции. Мы бы получили те же еще более убедительные результаты, если бы стали изучать каждую французскую область отдельно. Но, к сожалению, это завлекло бы нас слишком далеко к стороне, и потому мы должны воздержаться от всяких не необходимых подробностей. Впрочем, вот еще несколько цифр, которых будет достаточно для подкрепления всего сейчас нами высказанного.

В департаменте Од крупное землевладение захватило в свои руки 50% всей земли. 1833 лица владеют 294,656 гектаров.

В департаменте Аллье крупное землевладение охватывает 57% всей территории, и 1300 лиц, собственников, владеют более, чем 300,000 гектарами.

Мы могли бы привести еще *много* подобных примеров.

Таким образом на западе, на востоке, на севере и на юге Европы, в королевствах, в княжествах, в республиках и в империях—всюду хищное чудовище крупной собственности раскинуло свои сети. Особенно печально то, что в странах, где никогда не существовало аристократии, в которых общество организовано на современных бессловных началах, напр. в Америке и Австралии, крупное землевладение совершенно так же всецело, как и в старых европейских обществах. В Соединенных Штатах это зло существует давно, а за последнее время оно приняло там размеры еще более ужасающие, чем в Европе. Именно, за последние годы известное число европейских собственников и банкиров, в большинстве англичане, купили значительную часть еще не занятых земель Союза и таким образом составили здесь огромные поместья. С 1880 г. по 1890 г. 29 иностранных капиталистов завладели $8\frac{1}{2}$ милл. гект. пахотной американской земли, т.-е. территорией *больше* *целой Ирландии*.

И такой земельный захват—как в Европе, так и в Америке—тем боле чудовищен, что большинство этих крупных собственников не живет на своих землях, не дает себе даже труда управлять своими поместьями, над обработкой которых убиваются миллионы пролетариев, получая заработную плату, ничтожную до смешного,

II.

Городская собственность.

Распределение земельной собственности дает нам представление об огромных богатствах, сосредоточенных в руках правящих классов. Но эти богатства составляют лишь часть того, чем эти классы владеют, потому что кроме крупных помещиков есть еще собственники городских недвижимых имуществ: фабриканты, банкиры, капиталисты всех видов. Среди городских собственников точно также преобладает крупная собственность: в ее руках большая часть движимого

и недвижимого имущества, акций рудников, каналов, железных дорог, всякого рода государственных бумаг. Нет точной статистики, которая позволила бы нам вполне выяснить размеры крупного капитализма в Европе и Америке, но, тем не менее, легко показать, что скопление богатств в руках незначительного меньшинства есть факт общий для всего мира.

Если мы в своем обзоре последовательно пройдем по всем тем странам, в которых мы изучали распределение земельной собственности, то мы в них встретим ту же знакомую картину распределения городской собственности. В некоторых отношениях положение тут еще хуже, так как доходы городских собственников: банкиров, купцов, фабрикантов много больше доходов землевладельцев.

В Англии, не касаясь королевской семьи, получающей ежегодно содержание в 14 милл. франков (около 6 милл. рублей) — не считая огромной личной ренты — существует значительное число дворян, банкиров, „промышленных князей“, обладающих поистине колоссальным состоянием. Парламентская комиссия, назначенная Палатой Общин для изучения положения квартиронанимателей в городах, недавно раскрыла перед нами поразительную картину распределения в них городской собственности ¹⁾. В Лондоне, напр., целые кварталы из числа самых красивых и богатых кварталов города принадлежат нескольким лордам, которые в то же время собственники огромных земельных поместий. Герцог Вестминстерский владеет целым кварталом „Бельгравия“ к югу от Гайд-Парка, а также значительною частью города к западу от этого парка. Герцог Норфолькский — собственник южной стороны „Странда“ и его владения соприкасаются здесь с владениями герцога Бедфордского, которые начинаются на севере от Странда, захватывают квартал Ковент-Гарден, включающий рынок того же названия, оперу, театр Дрюрилан и, продолжаясь вплоть до Euston Road, заключает, как говорят, более 3000 домов. Герцог Портландский

¹⁾ Смотри в *Journal des Débats* от 29 апреля 1887 года интересное письмо из Англии

является хозяином кварталов соседних с Портландской площадью, которые в свою очередь граничат с владениями лорда Портмэна на востоке. Эти обширнейшие „герцогские владения“, как их называют в Лондоне, управляются наемными лицами, которые являются настоящими министрами в миньютуре. Они собирают ежегодно огромные суммы доходов, которыми однако счастливые собственники никогда не могут удовлетвориться, и при всяком контракте они удваивают и утраивают квартирную плату, в особенности, если жильцы их мелкие торговцы и содержатели магазинов, которые не могут переменить квартиру, если не желают оставить и самый квартал, захваченный одним лордом, и тем довести себя до разорения. Зло приняло наконец такие размеры, что обитатели этих герцогских кварталов стали ходатайствовать, чтоб их защитили от разорения по суду, как ирландских фермеров ¹⁾. Все эти факты не составляют особенностей одного только Лондона. В провинции городская недвижимость также основательно прибрана к рукам немногими. В очень многих графствах есть целые города, принадлежащие одному какому-нибудь герцогу или же двум-трем герцогским фамилиям. Порт Кардифф—собственность одного высокородного господина, маркиза Бюта.

Что касается до богатства князей прилавка, фабрик и заводов Лондона, Манчестера, Ливерпуля и всех значительных центров королевства, то они громады. Богатство крупных банкиров достигает просто сказочных размеров: один лондонский финансист, некто Гольдшмит, владеет одним состоянием в 250,000,000 франков, дающим ежегодный доход свыше 12,000,000 франков. Такие состояния исключительны даже в Англии, но состояния, исчисляемые десятками миллионов, очень многочисленны в промышленности, в торговле, в банкирском деле. Такой довольно заурядный владелец

¹⁾ Если вы заглянете в официальные списки лэндлоров Соединенного Королевства, то найдете, что те же упомянутые лорды владеют в разных графствах огромными земельными поместьями. Так, герцогу Бельфордскому принадлежит 35,320 гектаров, герцогу Портландскому 65,063 гектаров.

рудников, как Иосиф Лев в Дуркгайме ¹⁾, имеет более 65 миллионов франков. В списке английских богачей мы находим между прочим многих лордов, которые фигурировали уже в качестве крупнейших собственников сельских и городских имуществ. Мы не можем в точности знать истинные размеры столь разнообразных богатств этих чудовищных кулаков, но мы можем довольно легко составить себе представление об этом по тем капиталам, которые им достались в наследство по нотариальным завещаниям. Вот итог движимого имущества всякого рода: акций, облигаций, государственных бумаг и т. д., которое унаследовали (кроме сельской и городской недвижимости) следующие вельможные лица:

герцог Мальборо	3 ¹ / ₂	милл.
маркиз Солисбери	7 ¹ / ₂	"
герцог Нортумберландский	8 ¹ / ₂	"
маркиз Герфордский	12 ¹ / ₂	"
лорд Дюргам	12 ¹ / ₂	"
герцог Гамильтон	13	"
герцог Бедфорский	15	"
герцог Клевелендский	20	"
лорд Дичби	25	"
герцог Портландский	37 ¹ / ₂	"

Нет возможности дать полный список всех наиболее крупных наследств в Англии, но и по приведенным десяти лицам можно судить о целом.

Прибавьте к этому, что помимо такой крупной собственности, основанной на ужасающей нищете, есть много людей, которые, номинально не владея ничем, пользуются однако очень значительными доходами. Сюда относятся представители англиканского духовенства, которое является собственником разных поместий и учреждений, в том числе нескольких сотен кабаков, наиболее посещаемых, где—к вящей славе церкви—рекою льется джин (водка). Епи-

¹⁾ Mulhall. Dictionary of Statistics.

скопы там получают в среднем до 130,000 франков (около 52,000 руб.) ежегодного содержания ¹⁾).

В Германии, в этой стране копей и фабрично-заводской промышленности, капитализм—при равенстве всех прочих условий—почти также значителен, как в Англии. Чтобы убедиться в этом, достаточно пробежать список лиц, подлежащих подоходному налогу: там фигурируют 3000 миллионеров для одной Пруссии, и в числе этих трех тысяч очень много таких, которые имеют десятки и даже сотни миллионов. Девять особ числятся в роли Einkommeneur'ов, как имеющие годовой доход, превышающий один миллион марок (марка равна приблизительно сорока копейкам); франк-фуртские Ротшильды с годовой рентой в 2,640,000 марок принадлежат к этим избранникам. Знаменитый литейщик пушек Крупп из Эссена, гордость миролюбивой Германии, стоит в главе этого списка вампиров со своими 5,100,000 марок годового дохода. Принцы королевских и владетельных княжеских домов естественно оказываются между крупнейшими капиталистами страны, и это тем гнуснее, что многие из них состоят владельцами винокуренных заводов, наводняющих своей хлебной водкой Европу и Африку. Источником их огромных доходов большею частью служит отравление алкоголем тысяч людей.

В Австро-Венгрии в настоящее время совершенно такое же положение. Высшее венское еврейство держит в своих руках значительную часть богатств страны в виде акций рудников, железных дорог, государственных бумаг и разного рода недвижимой собственности.

И всюду в Европе мы встречаем одно и то же: во всех странах городская недвижимость, промышленность и торговля оказываются сосредоточенными в немногих руках, и—как ни печально в этом признаться—это сосредоточение все более и более возрастает. Оно резко заметно во Франции, где копи, железные дороги, огромные фабричные предприятия, самые значительные торговые фирмы составляют в сущности

¹⁾ Доход англиканской церкви в 1881 году равнялся 123½, миллионов франков.

достояние нескольких крупнейших акционеров. И вряд ли кто решится говорить о мелкой собственности и об ее преобладании в промышленности и торговле. Этой мелкой собственности, можно сказать, уже не существует: ежедневно мелкие хозяева мастерских и мелкие лавочники разоряются от конкуренции с крупными фирмами и переходят в ряды пролетариата, увеличивая толпу безработных бедняков.—Все сказанное имеет место также и в свободной Америке, где крупная капиталистическая собственность еще могущественнее, чем крупная земельная собственность, где мы встречаем таких промышленных „королей“, как Морган, Джей Гульд, Вандербильт, Рокфеллер, которых состояние исчисляется уже не сотнями, а тысячами миллионов.

III.

Положение крестьян.

Господствующий в наше время социальный строй называется еще более чудовищным, если сравнить с положением правящих классов положение городского и сельского рабочего класса. Начнем с земледельческих рабочих.

По непосредственной полезности класс земледельцев занимает первое место: ему мы все обязаны хлебом насущным. Если бы доказано было, что общественное неравенство фатально неизбежно, то следовало бы признать, что именно земледельцы больше всего имеют прав на преимущества. Да, простой здравый смысл заставляет признать, что те люди, которые стоят в непосредственном общении с природой, неустанным трудом которых поддерживается вся жизнь общества, и составляют самый жизненно-благотворный класс: мы обязаны ему за все, что мы имеем здесь на земле. Но что в свою очередь делаем мы в отплату за те блага, которые они нам доставляют? Эти труженики, без которых все в нашем буржуазном обществе, вся жизнь должна мгновенно остановиться, получают ли они свою законную долю счастья? Находятся люди, отвечающие на этот вопрос

утвердительно: да, получают. Находятся и чувствительные поэты, воспевающие, подобно древнему Виргилию, безгра-ничное блаженство „слишком счастливых земледельцев“. Сом-нительно однако, чтоб это „блаженство“ могло когда-нибудь существовать в древнем рабовладельческом государстве; и уж, во всяком случае, не в нашем современном обществе частных собственников можно искать такого золотого века. В самом деле, условия жизни крестьян—самые жалкие, и, проживши среди них, нельзя не испытать глубокого состра-дания к этим миллионам людей, присужденных к таким каторжным сельскохозяйственным работам. Жизнь крестьянства совсем не похожа на ту, какую ее себе воображают. Мы охотно рисуем себе крестьян, как класс собственников, обра-батывающих свою землю и живущих на жатву, собранную ценою умеренного и здорового труда. Но то, что мы видим в действительности, нисколько не похоже на картинки, ри-суемые нашим воображением. Мелкая собственность в земле-делии представляет нечто совсем исключительное: почти везде крестьяне работают не на себя, а на крупных поме-щиков, которые соперничают в деле их эксплуатации. Жители деревень в огромном большинстве случаев являются просто батраками, можно даже сказать—крепостными, потому что теоретическая свобода, которою они могут пользоваться, на столько в действительности ограничена социальным совре-менным строем, что—в последнем счете—их участь едва ли лучше участи древних рабов. Вставая чуть свет, они летом и зимой, в зной, в дождь или снег идут работать на чужих полях. С наступлением ночи они возвращаются в свои лого-вища и валяются от усталости на солому своего убогого ложа. Отдыхом пользуются едва несколько часов; на рас-свете, еще с одеревеневшими от работы членами они должны впрягаться снова в трудовое ярмо. И так постоянно, в продолжение длинного ряда лет, до тех пор пока смерть не вернет их в эту землю, на которой они так долго страдали.

Таково общее положение крестьян в Европе. Но в неко-торых странах и в отдельных сельскохозяйственных областях оно получило особенно ужасный характер, возмущающий всякого, даже наименее чуткого человека.

В Англии, в этой стране огромных богатств, есть крестьяне живущие в таких же первобытных жилищах, как дикари, и жестоко страдающие от голода. В особенности сюда следует отнести жителей Шотландских островов. Вот как в IV томе Всеобщей Географии описывается Элизе Реклю быт крестьян в этой области: „Шотландские острова, некоторые из Гебридских и даже самый обширный остров Леви принадлежат одному только собственнику, который фактически держит в своих руках все права жителей и косвенно располагает жизнью своих „подданных“, так как один он может доставлять работу, и может заставить жителей выселиться с их родины, то есть с его владений. Вот почему некоторые острова, как, например, Рум и Барра, некогда очень населенные, стали почти пустынными. А между оставшимися жителями имеются еще настолько несчастные, что исландский мох—является для них лакомым блюдом, и добываемые из моря рыба и водоросли составляют всю их пищу. Кишечные заболевания и в особенности несварение желудка очень распространены здесь вследствие плохой пищи. Частотою подобных заболеваний, вызывающих различные галлюцинации, известные медики объясняют случаи „ясновидения“, о которых так часто упоминает история этих островитян.—Деревни на острове Леви представляют, быть может, нечто беспримерное в Европе. Лачуги имеют вид накиданных скал и ветвей. Туземные *крофты* собирают камни, рассеянные по торфяной почве, и складывают из них две концентрические, неуклюжие стены; пространство между ними в несколько футов наполняется землей и гравием, отчего такое сооружение является совершенно непроходимым для теплых солнечных лучей. Целый лес старых весел, перекрещивающихся досок и ветвей поддерживают крышу из толстого слоя земли и торфа, округленно выступающую над наружною стеной; на крыше скоро разрастается трава, и крыша становится любимым местом прогулок и игр для детей, собак и ягнят. Единственная дверь ведет в безобразное жилище в котором постоянно горит огонь, поддерживаемый торфом. Жара и дым в жилище *крофта* невыносимы для непривычного человека, но поддерживать огонь необходимо, чтоб несколько просушить сырость,

которая постоянно просачивается сквозь земельные стены и крыши. Лошади, коровы, овцы—все мелкорослые вследствие постоянной бескормицы—помещаются с краю в хижине, и дети таскают им кости, которые коровы любят глотать...

Таковы жилища большинства жителей Гебридских островов“.

В Ирландии положение земледельцев такое же скверное. „И здесь также тысячами встречаются вырытые в земле убежища, полные едкого торфяного дыма, где по 10—12 человек живут вместе и спят на грязном полу в перемежку со свиньями“. Недостаток питания и нездоровая обстановка продолжают непрерывно подтачивать преждевременно жизнь обитателей целых областей. Голодные крестьяне все больше разбегаются, забрасывая земли. Значительные пространства, еще недавно обрабатываемые, теперь забрасываются и пустуют. Крупная земельная собственность сеет смерть и расширяет пустыню вокруг себя. Пахотная площадь в Ирландии с 187-го по 1885 год уменьшилась на 200,000 десятин (216,000 гект.).

Печальное зрелище, поражающее наблюдателя на западе Европы, встречает его также на востоке. Отправьтесь в Венгрию, в Галицию, в Придунайские княжества, в Россию, и вы там встретите миллионы человеческих существ, столь же несчастных, как шотландские крофтеры или ирландские крестьяне. Вы можете непрерывно, по целым дням путешествовать в этой половине Европы, не встретив других жилищ, кроме убогих хижин-мазавок, крытых соломой или тростником. Есть там большие деревни, где вы не увидите ни одного деревянного жилья. И так живут миллионы батраков, живут как рабы, благодаря крупным землевладельцам и еврейским ростовщикам. Жизнь этих бедняков поистине ужасна: они довольствуются одною маисовой мукой и водкой низшего сорта и только этим поддерживают свои силы на непрерывной работе. Когда из богатых городов Австрии попадешь в равнину Венгрии, Галиции, Румынии, России,—то нет ничего печальнее зрелища несчастных крестьян, трудящихся на

этих поразительно плодородных землях, которые прокармливают миллионы людей, а им не дают нужного куска хлеба. Во время жатвы, особенно когда солнце безжалостно заливают своими лучами выжженную землю, тяжело смотреть на длинные ряды рабочих, надрывающихся под командою алчных надсмотрщиков, которые следуют по их пятам, непрерывно налегают на измученных людей, сопровождая понукания скотской бранью, а иногда и ударами бича. Работа в крупной экономии получает тут полное сходство с военной экспедицией под командой беспощадных начальников, которые подгоняют свои отряды ударами шанки. В первый раз при виде этих рабочих я испытал на мгновение такую иллюзию: я подумал, что вижу перед собой каторжников, а мечущиеся между рабочими старосты представлялись мне надзирателями, следящими за осужденными и руководящими ими.

Особенно гнетущее зрелище—представляют работы у паровых молотилок. Здесь к физическому изнеможению прибавляется еще серьезная опасность быть изувеченным. Снопы хлеба, которые работники непрерывно подбрасывают в машину, порождают ужасную пыль, которая образует на пространстве 18—22 сажень кругом тучу, густую как смерч в песчаной Сахаре. Работников совершенно застилает эта темная туча пыли, которую даже порядочный ветер не в силах разогнать. Между молотильщиками встречаются совсем молодые девушки; я видел даже детей. Все они остаются по целым дням в этой ужасной атмосфере; и такая работа повторяется ежегодно в продолжение $1\frac{1}{2}$ —2 месяцев. Тщетно спрашиваешь себя, как люди не задохнутся в атмосфере растительной и минеральной пыли, наполняющей их легкие. Впрочем, большинство из них быстро наживает чахотку. Это обстоятельство вынуждает по прошествии нескольких лет замещать новыми молотильщиками прежних, ставших негодными.

Из всех восточных стран положение крестьянства в России, быть может, самое злосчастное, по крайней мере в некоторых частях России, где суровость климата усиливает страдания, порождаемые общественным строем. Не таково

мнение богословов официальной экономической науки, постоянно твердящих о блестящих результатах указа 19 февраля 1861 года. По их словам, после крестьянской реформы имеются только свободные крестьяне, обрабатывающие собственные наделы и счастливо живущие трудами рук своих. Но любезные комики, рассказывающие нам подобные сказки, забывают добавить, что эти так называемые крестьяне-собственники так обременены всевозможными налогами, что для собственного пропитания им остается очень мало или почти ничего; по крайней мере—значительная часть крестьян никогда не могла уплатить сполна выкупных платежей, причитающихся по положению 1861 г.; другие после воли вынуждены были продать свои наделы; даже в великорусских общинных селениях некоторые крестьяне должны были уступить свои наделы общественной земле. Те и другие, разоренные помещиками и кулаками, впали в кабалу к ним; и в настоящее время сельский пролетариат в России исчисляется миллионами, а земледельческий класс в целом находится в самом жалком положении.

На Юге Европы констатируются точно такие же душу раздирающие факты. В Италии нищета крестьян, быть может, превосходит нищету рабочих восточных стран. Особенно печален тот факт, что как раз в самых плодородных провинциях этой чудной страны встречается наибольшее количество несчастных бедняков. На лихорадочных и разоренных равнинах Тосканы и Лациума, где жестокая, неумолимая *малярия* производит свои опустошения, условия жизни земледельцев уже достаточно тяжелы, но они еще хуже в Ломбардии и в других здоровых областях. Здесь не вредный климат, а голод губит народ. От ужасной болезни, называемой миланской проказой—пеллагрой и вызываемой единственно плохой пищей, тысячи крестьян ежегодно умирают или доходят почти до состояния мертвецов. Количество больных миланской проказой очень значительно в северной Италии. По официальным сведениям их насчитывалось в 1879 г. 97,885 человек в Ломбардии, Венеции и Эмилии.

Цифра, сама по себе, огромная, но она несомненно много ниже действительности, если принять во внимание, что крестьяне богатых ломбардских равнин спят в тесных, дурно проветриваемых хижинах, питаются только отвратительной кукурузной кашей, называемой *полента*, и работают на своего хозяина от 12—16 часов в сутки. С деревенским пролетариатом так дурно обходятся во всей северной Италии, что невольно напрашивается вопрос, не лучше ли ему сразу умереть от малярии, чем медленно умирать под ярмом помещика. Богач в этих местах—горший бич народа, чем зараженный воздух тамошних болот.

Южная Италия для крестьян является таким же ужасным местом. Прежде всего вообще нелегкий труд земледельца становится особенно невыносимым в стране, где летом тропическая жара и болотные заболевания делают его на открытом воздухе прямо губительным. Вот что говорит об этом писатель Ф. Ленорман, обстоятельно знакомящий с южной Италией в своей интересной книге „Великая Греция“.

„В невыносимый зной жатва представляет настоящую военную кампанию, столь же смертоносную, как и под огнем неприятеля. Земледелец является здесь солдатом, выступающим в правильный бой с враждебными силами природы. Не проходит дня без того, чтобы кто-нибудь из рабочих не падал, чтобы больше уже не подняться, на том самом поле, на котором он жил, пока его не сразил солнечный удар или не схватила болотная лихорадка. Я предоставляю читателям решать, каково опустошительное действие малярии по вечерам, когда батраки, плохо питаемые, мокрые от пота, находят для ночлега лишь плохие, дырявые сараи или даже просто шалаши из листвы, куда свободно проникают влажные болотные испарения и ночной холод“.

Особенно печально положение сельского пролетариата в силу его общественного положения в стране, где крепостное право, по закону уничтоженное, фактически продолжает существовать. В самом деле, вся земля почти сполна захвачена родовитым дворянством, не живущим в своих владениях. Имена поручаются жадным кулакам-управляющим, которые мучают и эксплуатируют крестьян без всякой жа-

лости. Приведем здесь несколько жестоко красноречивых страниц из только что цитированной нами книги.

„Что касается крестьян южной Италии, то чаще всего это батраки, погруженные в самую жестокую нищету, перебивающиеся изо дня в день, без всякой надежды улучшить свое положение путем сбережений из своего ничтожного заработка. Или фактически прикованный к своему ярму, или привыкший к кочевой жизни, имеющей на него развращающее влияние, крестьянин здесь едва владеет орудиями труда, но никогда не является собственником убогого и нездорового жилища, занимаемого им в зараженных предместьях городов, где продолжительное отсутствие безопасности в стране заставило их скучиться. Ведь в южно-итальянских провинциях нет деревень, как у нас, нет сопряженных с деревнями благоприятных для крестьянина сторон деревенской жизни, когда он имеет отдельный домик с огородом. Земледельцы большей части прежнего Неаполитанского королевства живут, как на востоке, целыми городами в несколько тысяч жителей: такая скученность обеспечивала до некоторой степени безопасность от набегов разбойников и пиратов. Для большей безопасности эти города часто расположены в трудно доступных местах и обыкновенно на расстоянии целого дня пути один от другого. Кроме нескольких купеческих домов городок составляет полную собственность крупного землевладельца, обыкновенно того самого, у которого жители обрабатывают землю. В силу этого они остаются его арендаторами без формального договора, ничем не обеспеченные; так что простая прихоть землевладельца или его управляющего может в любое время без суда и расправы в 24 часа лишить его крова и работы. Такое положение является обычным в большей части Италии“.

„За то же и крестьянин этих областей представляет собою того „дикого зверя“, о котором говорит Лабрюйер,— „грязного, синевато-багрового, опаленного солнцем, привязанного к земле, которую он вздымает и взрывает“. К нему без преувеличения можно отнести слова того же Лабрюйера: „он возвращается ночью в свое логовище, где питается черным хлебом, водой и корнями“. Под предлогом, что

итальянский мужик туп и неспособен обучиться чему-нибудь более совершенному и пользоваться средствами и орудиями труда культурных людей, на самом деле в силу только подлой скаредности, его заставляют работать, как египетского феллаха. Впрочем, в Египте труд земледельца может сравнительно оказаться даже более благоприятным, так как тамошний климат совершенно здоровый. В Египте не приходится ни обрабатывать землю, причиняющую своими испарениями тяжелые заболевания, ни купаться в полужидких трясилах зараженных марен.

Кто бы мог поверить, не побывав на месте, что есть в Европе, в великом культурном государстве, целые кантоны, где можно видеть, что каналы для сушки болот прочищаются с помощью простых ивовых корзин, при чем для удаления нагуженных илом корзин пользуются не животными, а бедными женщинами, молодыми девушками и детьми, которые буквально залеплены грязью, стекающего из корзин им на голову и одежду. Это такое зрелище нищеты и унижения, хуже которого ничего быть не может, и кто хоть раз был его свидетелем, не забудет его никогда.

„В том случае, когда крестьянину удастся добиться положения арендатора, стать хозяином мызы,—его страдания становятся легче, его жизнь, хотя еще достаточно тяжелая, делается несколько более сносной, он может обеспечить себе некоторый доход, лучше питаться и лучше одеваться.. Но все это лишь при условии быть покорным слугою, безусловно повинувшись всяким капризам барского-приказчика и его сподручных. Горе тому мызнику, который вздумал бы сохранить в чемнибудь даже тень независимости, кто поколебался бы сразу подчиниться какому бы то ни было приказу фаттора ¹⁾, или попытался бы хоть возражать ему. Горе ему, потому что ничем не гарантировано его положение, никакой формальный договор не обеспечивает за ним на определенный срок владение мызой; у крестьянина договор не скреплен

¹⁾ Так называется в Италии лицо, снимающее у помещика его земли и эксплуатирующее их на правах хозяина, либо обрабатывая землю наемным трудом, либо сдавая ее от себя в аренду мелкими участками.

законным документом. Фаттор или mercansedi compagna по договору снимает у землевладельца землю, но у крестьянина нет арендного договора, заключенного письменно на срок и имеющего законную силу. Из простых работников его сделали мызником или из „милости“, купленной обычно дорогой ценой, или, что бывает чаще, мыза с незапамятных времен арендовалась предками крестьянина, так что под конец такой крестьянин начинает питать убеждение, что при соблюдении известных условий он на законном основании может пользоваться мызой. Но в действительности это пользование остается все время непрочным, как не основанное на документе, и держится на одном молчаливом согласии, несколько не заменяющем формального договора на срок. Каждый год, в указанное обычаем время помещик или лицо, его заменяющее, может прогнать крестьянина с занимаемого им хутора и даже без возмещения убытков арендатору. Между прочим точно такой же порядок арендных отношений был в Ирландии до первых существенных, хотя и недостаточных, реформ в этой области“.

„Фаттор—временный хозяин в имении. По истечении срока арендного договора с собственником он может быть заменен другим, предложившим землевладельцу более выгодные условия. Поэтому фаттору нечего шадить, и он мало беспокоится о том, что доведет население до истощения. Как турецкий паша в отношении к управляемой провинции, он имеет в виду только одну цель: как можно скорее разбогатеть, чтобы получить возможность вести в городе жизнь богатого буржуа и стать влиятельным избирателем. Ради этой цели он прижимает крестьян до крайности, заставляет их беспоощадно работать в таких условиях, которые при наименьших издержках давали бы наибольшую выгоду“.

„К этому надо добавить грубую распущенность нравов под влиянием жаркого климата. Если в семье мызника или простого батрака растет молодая девушка, красота которой на ее несчастье привлекла внимание фаттора или когонибудь из его помощников, тогда родители вынуждены либо принять бесчестие дочери, либо лишиться всего, быть прогнанными с земли, оказаться в безысходной нужде“...

„До сих пор новая Италия ничего не предприняла к облегчению страданий своего сельского населения. Политические революции, давшие Италии национальное единство, лишь ухудшили его положение... Поэтому в итальянских деревнях начинает чувствоваться глухое брожение, предвещающее великие осложнения“...

Приведенные страницы написаны в 1881 году; их автор консерватор и добрый католик, следовательно—более склонный разжигать, чем сгущать краски в изображении печальной общественной действительности. Однако мы видим из его обстоятельного описания, как невыносимо положение итальянских крестьян. Но что же! Приходится лишь признать, что таково оно почти везде, во всех почти странах земледelec в полной зависимости от землевладельца, который эксплуатирует крестьянина и заставляет его жить впроголодь. Все писатели, изучавшие положение земледельческого класса в разных странах, вполне согласны в этом отношении. Что же касается до меня, то во всех тех странах, которые по воле судьбы мне пришлось посетить, я мог достаточно убедиться в этой жестокой истине. Но разве даже во Франции, где крестьян принято считать наиболее счастливыми, мы не находим картину, очень близкую к сейчас описанной? Разве мы не знаем, что миллионы людей работают от 12 до 14 часов в сутки на крупного буржуа, получая в награду за свой труд лишь черствый хлеб, да и тот не в волю. Правда, в нашей стране не увидишь хижин из веток и грязи, как в Италии или в придунайских странах, но можно ли признать, что лачуга нашего крестьянина с одним отверстием для входа много лучше, и не чудовищно ли, что земледelec, создающий огромные сельскохозяйственные богатства, которыми мы все пользуемся, сам живет, по милости богатых земельных скупщиков, в лачуге без воздуха, в которой ни один зажиточный буржуа не мог бы пробыть и одного дня, и которая в гигиеническом отношении хуже казармы?

Вообще, какую бы страну мы ни изучали, везде мы находим, что чудовищное богатство крупных землевладельцев основано на нищете земледельцев.

Лица, встречающие крестьян лишь в пригородах больших городов, где те живут сравнительно сносно, мог подумать, что выше нарисованные картины встречаются в жизни как исключения, а между тем все нами сказанное представляет заурядную действительность во всей ее суровой правде. Для тех, кто еще может в этом усомниться, есть очень простое средство убедиться в истинности наших слов: а именно проверить, насколько заработная плата сельскохозяйственных рабочих в состоянии покрыть их самые насущные потребности.

Мы знаем (из другой нашей книжки), что человеку нужно ежегодно потреблять в общем около 1200 фунтов питательных веществ. Переведа на деньги стоимость этого количества продуктов по средним ценам, существующим в деревне, получим сумму в 120 франков (около 45 руб.). Среднюю годовую величину издержек на другие нужды, кроме пищи, также легко высчитать. Мы уже знаем ее: для зажиточного буржуа она составляет 600 франков, для крестьянина самое меньшее 300 фр. (около 130 руб.). Из этих данных получается следующая табличка:

Обязательные расходы крестьянина:

на пищу	120 франков.
на квартиру, одежду и пр.	300 „

Всего . . . 420 франков.

Эта сумма в 420 фр., то есть 168 рублей, представляет довольно точный минимум необходимых для крестьянина годовых расходов. Крестьянин, который зарабатывает такую сумму, может при расчётливости удовлетворить первые потребности в пище, одежде и т. п., но у него уж ничего не останется ни на что другое. Одним словом—он не будет страдать от голода и холода, но останется бедняком. И что же! даже тот самый скромный заработок, необходимый крестьянину, чтобы только прожить с грехом пополам, дается не всякому; миллионы батраков его не имеют. Знайте же,

счастливыцы мира сего, что эти 420 фр., которые вы часто прокучиваете в один вечер, не может заработать огромное множество несчастных в течение целого года, трудясь более 3000 часов! Заработная плата в деревне чрезвычайно низка. Огромное число батраков в Италии, Германии, Австрии, Румынии, Франции, Ирландии зарабатывают в среднем менее 5 коп. в день и буквально пухнут с голоду, ходят босые и без рубах. Другие зарабатывают по 1 фр. (37 коп.) в день или 365 фр. в год,—и они все еще являются бедняками. Лишь незначительное число получает свыше 420 фр. годового заработка, но таких счастливых немного на этом свете. Действительно лучшим доказательством того, что большая часть земледельцев гибнет в нищете, служит то: для всей Европы средняя почасовая плата сельско-хозяйственным рабочим колеблется между 1 фр. 20 сентимами и 2 франками (45—80 коп.). Есть, правда, и такие местности, где наемные земледельцы добывают в год 600, 800 и 1000 фр., но не забудем, что большая часть из них люди женатые, с большими семьями, которые им приходится содержать, а потому, без сомнения, они не освобождены из-под гнета бедности или прямой нищеты. Если сельский рабочий имеет 3, 4 или 5 детей и заработает даже 1000 франков в год, то он никогда не сможет покрыть этой суммой всех своих насущных потребностей. В семье из пяти человек—отца, матери и троих детей (обычный размер семьи французского крестьянина) на одно только прокормление требуется 600 франков. Даже если мать с своей стороны что-нибудь заработает, неужели вы думаете, что при этой сумме семья не будет испытывать лишений? А если количество детей значительно больше? Если их 4, 5, 6 малолетних мальчиков или девочек то не будут ли все терпеть нужду?

Нам немислимо точно указать численность земледельческого пролетариата, находящегося в положении хронической нужды и нищеты. Мы полагаем, что таких от 40 до 50 милл. человек. Во всяком случае можно с уверенностью утверждать, что добрая треть земледельческого населения Европы и Соединенных Штатов С. Америки зарабатывает менее 420 франков. Этот факт представляется просто ужасным, когда по-

думаешь, как много должен бы дополнить каждый из этих изголодавшихся работников при равном распределении продуктов земледелия и промышленности между всеми членами общества.

В первом нашем очерке мы показали в килограммах ¹⁾ долю каждого при таком распределении пищевых продуктов; наш расчет был основан на научных данных физиологии. Интересно теперь выразить в франках стоимость всех продуктов сельского хозяйства, которую мы потом прибавим к стоимости необходимых предметов промышленности. Вот эти стоимости, которые мы получили с помощью официальной статистики.

Средняя годовая стоимость пищевых продуктов, производимых в Европе и Соединенных Штатах за 1881—1886 г.

Зернового хлеба	35,084,000,000	франков
Овощей и плодов	16,660,000,000	"
Сахара и меда	1,360,000,000	"
Различн. видов мяса . . .	17,873,000,000	"
Молока и яиц	14,600,000,000	"
Продуктов рыбной ловли .	2,000,000,000	"

Всего . 87,577,000,000 франков.

Эта сумма в 87,577,000,000 франков ²⁾ представляет стоимость пищевых продуктов по оптовым ценам и на месте их производства. Если мы желаем иметь действительную стоимость тех же продуктов по расчету цен, которые платит сельский рабочий, то должны прибавить к вышепоказанной сумме посреднический барыш, остающийся в руках розничных торговцев. Эта надбавка на предметы питания не очень значительна в деревнях. В общем можно сказать, что торговая стоимость продуктов питания по сельским ценам

¹⁾ Килограмм—почти 2 фунта!

²⁾ В нашей брошюре les Produits de l'Industrie мы привели цифру 78 миллиардов, заимствованную у Мюльгадда, эта цифра ниже действительности. Но все высказанное нами верно и при исправленной цифре.

составит не менее 100,000,000,000 франков ¹⁾). Сумма денег, которую ежегодно можно было бы распределить между всеми жителями Европы и Соединенных Штатов, такова:

стоимость пищевых продуктов . . .	100	миллиард. франк.,
продуктов индустрии	814 ¹ / ₃	„ „

Всего . . . 914¹/₃ миллиард. франк.

По расчету на одного жителя это составит:

на пищу	258	франков.
на предметы индустрии	2104	„

Всего . . . 2362 франка.

Составим общую таблицу, в которой вышеприведенные данные сопоставим с ежегодным средним заработком большинства земледельческих рабочих, считая по 1 франку в день.

Стоимость годового количества продуктов земледелия и индустрии, приходящихся на одного жителя по сравнению с потребностью в них и обычным заработком крестьян в 1887 году:

	Производит.	Потребн.	Зараб.
Пищевых продуктов	258 фр.	120 фр.	„
Промышленных	2104 „	300 „	„
<hr/>			
Всего	2362 фр.	420 фр.	365

Последняя таблица лучше самых красноречивых рассуждений показывает всю гнусность капиталистической эксплуатации, царящей в современном обществе. Производительность земледелия и промышленности доставляет каждому жителю 2362 фр.; для жизни в деревне требуется самое меньшее

¹⁾ Не считая вина, которого производится почти на 4 миллиарда франков.

420 фр., следовательно получается излишек в 1942 фр. от каждого человека. И что же! Класс вампиров-капиталистов не только поглощает весь этот огромный излишек, но он еще удерживает из необходимых средств для существования 50 миллионов крестьян по 55 фр. и больше с каждого. Ему мало поглотить в 10,20 раз больше того, что ему действительно необходимо, он еще норовит урвать кусок от плоти бедняков, чем и завершает свое каннибальское дело.

Вот до чего мы достигли по прошествии 19 столетий после смерти Того, Кого так любят призывать буржуа, лицемерно повторяя, что все люди—братья. Общее положение нисколько не улучшается, как думают некоторые, оно еще ухудшается под влиянием новых экономических условий. По всей Европе слышен стон крестьянской нищеты; со всех сторон раздаются жалобы и рыдания; безнадежное уныние все больше разливается по деревням, и крестьянин все сильнее охладевает к земле. К той самой земле, на которой он родился, которая кормила его предков, он относится с ужасом, с тоской; он устал страдать, унижаться, умирать медленной голодной смертью,—и без оглядки бежит из этого ужасного ада крестьянской действительности, бросаясь на поиски новых более благоприятных условий, при которых он мог бы по крайней мере существовать. Это движение, увлекающее европейских крестьян с их родины, стало непреодолимым; в некоторых странах оно приняло размеры настоящего исхода израилева. Эти банды голодных крестьян-эмигрантов напоминают великие переселения народов конца Римской Империи и начала Средних веков, когда целые народности перемещались с одного конца континента на другой. Одна общая цифра может показать все значение этой эмиграции, угрожающей обезлюдить некоторые сельскохозяйственные области. В 1884 году из Германии и Англии выселилось 400 тысяч человек; в 1881 г. 453,000 человек.

Эти бегущие с родины эмигранты в огромном большинстве—землепашцы зрелого возраста, которые страстно желали бы не расставаться с родиной, если бы у них была какая-нибудь возможность там прокормиться. Но их гонит нищета; это убедительно доказывается тем, что не решающиеся на

переселения в чужие страны бегут с своего пепелища в большие города. Такое двойное течение в эмиграции—факт всеобщий; и если социальный переворот не остановит его, связав благосостояние крестьян с родною нивой, то в недалеком будущем следует ожидать ужасных последствий. Когда на новых местах все свободные земли достаточно заселятся, а большие города не смогут больше поглощать беглецов из деревни, тогда крестьяне в своем безвыходном положении неминуемо поднимут кровавое восстание, и новая *жакерия* будет ужасно жестока.

IV.

Положение фабрично-заводских рабочих.

При чтении предшествующей главы могло показаться, что трудно себе представить более скверное положение, чем положение крестьянского сословия; между тем таковое имеется: городские рабочие еще более несчастны, чем крестьяне. В самом деле, последние, по крайней мере, дышат в течение дня здоровым воздухом, исключая, конечно, местностей с болотными лихорадками. Крестьяне часть года страдают от голода, но они по крайней мере в ясную погоду пользуются светом яркого солнца, видят кругом дивную природу и хоть изредка имеют возможность растянуться на мягкой траве лугов или в прохладной тени лесов, испытывая невыразимую радость побыть наедине среди несобойной жизни всего мира. Городской рабочий лишен и этих радостей. После 12 или 15 часов работы он возвращается в свою сырую, нездоровую конуру или шатается по мрачным улицам густо населенного рабочего квартала. Единственное удовольствие, доступное ему—это засесть в грязном, накуренном кабачке и водкой хоть на время заглушить жестокое сознание своей униженной нищеты.

Видели ли вы, читатели, рабочие кварталы? Посещали ли вы эти грязные мрачные кварталы, переполненные пролетариатом? Заходили ли вы когда-нибудь в эти заплесневелые,

грязного цвета жилища без света и воздуха, где скучены истощенные человеческие существа, с лицами землистого цвета, так что их можно принять за больных, сбежавших из госпиталя? Если вы не видели близко этих ужасных лагчей, и если вы из среды тех людей, которые пользуются всегда благосостоянием и счастьем, то ступайте и присмотритесь поближе к этому зрелищу; оно не усладит вашей души, вы вернетесь в подавленном и мрачном настроении, но вы тогда поймете глубокое значение этих двух слов: *социальный вопрос*, и если только вы доступны какому-нибудь благородному чувству, то наверное испытаете влечение к тем, кто борется за освобождение человечества из-под гнета нищеты.

Рабочий класс несчастен во многих отношениях, но главным образом потому, что вся его жизнь безусловно противостественна; физиологически невозможно, чтобы человеческий организм мог противостоять тем убийственным влияниям, которым постоянно подвержен городской пролетариат в тех условиях, в которых ему приходится существовать. Тут влияет не только крайнее переутомление от длинного рабочего дня, не только обычное здесь физическое истощение, сразу разрушающее здоровье работника и преждевременно старящее его; но даже самый воздух, которым он дышит, обрекает его на преждевременную смерть, и хотя бы ничто другое не разрушало организма рабочего, он по одной этой причине не мог бы достигнуть средней продолжительности человеческой жизни.

Всеми современными биологами признано, что чистота воздуха убывает соответственно с увеличением числа жителей, скучившихся на одном определенном пространстве. На широком морском просторе, где нет загрязнения воздуха человеческими отбросами, где ветер свободно гуляет, — воздух совершенно чист; но уже на берегу моря в воздухе начинают появляться микробы, и их количество возрастает все больше и больше по мере того, как от мало населенных местностей приближаешься к крупным городским центрам. В местах наибольшего скопления людей, в городах с многотысячным и миллионным населением воздух содержит неве-

роятно большое количество всякого рода микробов, а также минеральных и растительных частиц; а в этих городах воздух беднейших кварталов и наиболее тесных и мрачных жилищ содержит наивысшее количество микробов, что объясняется с научной точки зрения очень просто: свет солнца является главным деятелем в разрушении атмосферных зародышей; под его влиянием болезнетворные и всякие микробы быстро слабеют и разрушаются. При недостаточном свете микробы—наоборот—быстро размножаются; в старых домах Парижа в каждом кубическом метре воздуха заключается до 36.000 бактерий.

Во всех больших городах Европы и Соединенных Штатов гигиенические условия почти одинаково отвратительны, потому что быстрое возрастание населения во всех этих центрах делает скученность неизбежною. В этом отношении Берлин представляет отличный пример чудовищного результата скученности. В 1880 г. более 100.000 людей жили в подвальных этажах; дома рабочих кварталов были до того переполнены, что 200.000 человек должны были размещаться на ночь по 4 и 5 душ в одной комнатухе. С 1880 г. положение вещей еще больше ухудшилось; и то же замечалось и в большинстве других рабочих центров. В настоящее время можно смело утверждать, что нет города, где бы бедные кварталы находились в сколько-нибудь сносных гигиенических условиях.

В загрязненной атмосфере, насыщенной болезнетворными микробами, плесенью и вонью, проходит вся жизнь несчастных пролетариев. Богачи, те благоразумно убегают из городов на несколько месяцев в году. Когда они устают от балов и ужинов в своих роскошных городских квартирах, то отправляются на берег моря или в свои замки дышать чистым воздухом и восстанавливать силы. Рабочие лишены этой возможности; они прикованы к своим берлогам, необходимо, чтоб они в них оставались, а ведь это настоящая мука—быть осужденным постоянно пропитываться этим воздухом смерти, окружающим вас. Несчастливым обитателям обширных

рабочих городов не ведома радость широко дышать грудью и чувствовать, как с каждым вдохом в нее вливается струя жизни. Грязная смесь, вдыхаемая ими вместо воздуха, обрекает на жалкое состояние их организм, которому недостает здорового румянца от крови, богатой красными кровяными шариками! Это жертвы, заранее отмеченные судьбой. Легочная чахотка беспощадно косит их во цвете лет.

Нужно побывать в больницах, чтоб воочию увидеть разрушительное влияние условий жизни рабочего. Больницы переполнены рабочими. Все формы болезней, все разновидности паталогических процессов представлены здесь на этих мрачных койках, занятых в большинстве умирающими. Тело рабочего—всегда открытое обиталище, куда, при полной доступности, во множестве проникают всевозможные заразные начала, и где смерти, этой страшной ведьме, с пустыми глазами, нравится проделывать свои жестокие паталогические эксперименты, прежде чем окончательно доканать человека. Мы, все, хорошо питающиеся, дышащие чистым воздухом, мы так же, конечно, умрем, как и рабочие, но мы не испытываем подобно рабочим того, как в течение большей части нашей жизни нас гложат и разрушают всякие немощи; мы не представляем из себя арены, на которой отвратительные актеры разыгрывают свою страшную паталогическую драму; на нас не обрушивается и нас не мучит весь этот ужасный легион болезней; одним словом, мы не знаем, что значит страдать; рабочие же знают это. Все или почти все они проходят через больницы, и тысячи их приходят туда умирать после жизни, полной тяжелого труда и бесчисленных страданий. И нет ничего более гнетущего, как заброшенность этих несчастных; в последний свой час они лишены даже отрады пожать дружескую руку перед тем, как низвергнуться в небытие.

Жилищные условия, в которых живет городской пролетариат, составляют лишь одну из причин его физического разрушения, сокращающего среднюю продолжительность его жизни. Характер работ также способствует преждевремен-

ному истощению рабочего, доводит его до болезни и хилости, при чем это зло частью лежит в самой работе, частью зависит от небрежности хозяев, которые не считаются с интересами здоровья рабочих. Особенно печально то, что работающие в самых скверных гигиенических условиях хуже всего и оплачиваются. Убийственный предрасудок неравенства так силен в современном обществе, что буржуазия умудрилась внести разделение на привилегированных и на непривилегированных даже в ряды пролетариата; наперекор простому здравому смыслу—тот, кто занят в наименее тяжелом и неприятном производстве, получает наибольшую заработную плату.

Из всех каторжников труда рудокопы наиболее обделены. Если бы Данте жил на шесть столетий позже и если бы он посетил современные шахты, он бы составил из них один из кругов своего ада. Эмиль Золя дал захватывающее описание жизни шахт в своем Жерминале. Если вы никогда не видели этих бездн, куда ежедневно спускаются сотни тысяч людей, то прочтите это удивительное произведение и вы тогда получите представление о жизни, которую ведут рудокопы в тяжелой атмосфере шахт. Эти несчастные, вынужденные постоянно пробираться ползком по галлерейам, где происходит ломка руд, и работать в скрюченном положении, испытывают настоящие физические муки, когда им приходится пробивать каменные породы. Они должны ежедневно испытывать все страдания, связанные с резкой переменной температурой: они то судорожно стучат зубами от ледящего сквозняка в галлерее для перевозки руды, то переходят в раскаленную атмосферу галлерей для ломки руд, где вредные газы и водяные пары усиливают страдания. Женщины и дети также участвуют в этих тяжелых работах. Среди женщин, нагружающих вагонетки и выкатывающих их к под'ему из рудника, есть молодые девушки 16 и 17 лет. Эти бедные дети проводят от 15 до 18 часов в день под землею и ежедневно нагружают по 70 вагонеток.

Работа в шахтах—настоящий ад, но работы у доменных печей, на прядильных и ткацких фабриках, на химических заводах почти также ужасны. Вообще, можно сказать, что

все многообразные производства, составляющие крупную индустрию, убийственны для рабочих. Есть предел физическому напряжению; всякое дальнейшее усилие за этим пределом причиняет страдание и болезнь,—а между тем почти во всех производствах этот предел далеко превзойден. Прибавьте к этому, что труд происходит почти везде при самой отвратительной гигиенической обстановке: холодные сквозняки, тучи минеральной и растительной пыли, богатой болезнетворными началами—составляют непрременную принадлежность всех мастерских, не говоря уже о тех производствах, где приходится иметь дело с ядовитыми веществами. Тем же, кому и удастся избежать этих причин истощения и медленной смерти, приходится во всяком случае страдать от недостатка воздуха в тесных мастерских, набитых народом.

Совместное убийственное влияние скверных жилищ, переутомления и нездоровых условий работы признано почти везде. Общеизвестен тот факт, что во всех культурных государствах значительная часть рабочего класса стоит на пути к физическому вырождению. Например, в богатейшей стране мира—в Англии можно наблюдать поразительное явление: там буржуазия, хорошо питающаяся, живущая в здоровых квартирах, хорошо одетая, становится в общем сильнее и здоровее; пролетариат, напротив, мельчает и вырождается. Отправьтесь в Ланкашир, в область ткацкой промышленности, и вы воочию убедитесь в этом попятном движении рабочего класса, сравнив отцов с детьми. Но зачем нам ссылаться на Англию? Разве не всюду то же самое? Физический труд в наше время происходит при таких условиях, что для миллионов людей было бы лучше содержаться в некоторых тюрьмах и каторге, чем оставаться на фабриках и в шахтах: они тогда по меньшей мере всегда были бы обеспечены пищей.

По вышеуказанным причинам жизнь городского пролетариата самая несчастная. Но главный ужас его положения в том, что всем своим каторжным трудом и всеми своими страданиями он не в состоянии обеспечить себе даже настоящего пропитания. Человек привыкает все переносить на

свете: усталость, тяжелый труд, дурной воздух, не чувствуя уже их вредного влияния, но он никак не может привыкнуть питаться впроголодь: голод—зло жестокое, непримиримое; и это зло современный рабочий осужден испытывать почти всю жизнь. Чтоб найти класс людей, столь же обездоленный как рабочие, надо поискать разве у северного полюса среди народов гиперборейских, которые, имея единственный источник пропитания в рыбной ловле, испытывают по временам полный недостаток в пище. Факт недоедания среди рабочих—в настоящее время есть избитая истина; его вынуждены признать даже наиболее консервативные писатели. Мы могли бы поэтому уволить себя от труда доказывать общепризнанную истину. Но так как мы решили в этой книжке все подкреплять неопровержимыми доказательствами, то покажем также, почему миллионы рабочих совершенно не в состоянии удовлетворять своим насущным потребностям и потому косятся в нищете.

Поступим, как поступили мы при рассмотрении этого же вопроса по отношению к крестьянам, т.-е. сперва выясним бюджет рабочего. Начнем с расходов на квартиру, пищу и мануфактурные изделия. Относительно пищевых продуктов необходимо заметить, что здесь нельзя придерживаться средних цен нашей первой таблицы, так как, очевидно, что продукты эти значительно дороже в городе, чем в деревне. Сделав эту оговорку мы покажем теперь, каков должен быть минимальный годовой доход рабочего, чтоб его хватало на самое необходимое:

Наем квартиры	130	франков.
Пища	250	„
Одежда, отопление и пр.	400	„

Всего . . . 780 франков.

Имеет ли рабочий этот необходимый минимальный заработок в 780 фр.? ¹⁾ В некоторых привилегированных произ-

¹⁾ Около 300 руб.

водствах—да; в большинстве остальных—нет. Это нетрудно доказать.

Вот статистическая табличка средней почасовой заработной платы в главных странах мира в 1887 году ¹⁾.

	Мужчины.	Женщины.
Соединенные штаты . . .	6 фр.	3 фр.
Англия	4,50 "	2,80 "
Франция	3,60 "	1,80 "
Германия	3,12 "	1,50 (?)
Швейцария	3,10 "	1,50 "
Бельгия	3,05 "	1,50 "
Австрия	2,00 "	1,30 (?)
Баден	2,00 "	1,25 "

Как видно, средняя заработная плата в странах крупной индустрии колеблется между 2 и 6 фр. для мужчины и 1¹/₄—3 фр. для женщины. Эта средняя величина с первого взгляда может показаться даже достаточно высокой; но не нужно забывать, что рабочий получает плату не за 365 дней в году, а лишь за рабочие дни. Во всех государствах,—в силу ли соблюдения воскресного отдыха или в силу вынужденных прогулов, но в среднем,—число рабочих дней в году не больше 300 (что очень кстати, потому что рабочие не вынесли бы непрерывной работы в течение целого года).

Вот каков в действительности годовой заработок рабочих в перечисленных выше странах:

	Мужчины.	Женщины.
Соединенные Штаты . . .	1800 фр.	900 фр.
Англия	1350 "	840 "
Франция	1080 "	540 "
Германия	936 "	450 "
Швейцария	930 "	450 "
Бельгия	915 "	450 "
Австрия	600 "	390 "
Баден	600 "	375 "

¹⁾ Исключительно в крупной индустрии.

Эти цифры доказывают два положения: на существующую заработную плату, как она выяснена официальной статистикой, холостой рабочий может просуществовать почти во всех государствах, женщина—лишь в Америке и Англии; в других государствах она обречена на нищету.

Общественный строй, который доводит до таких чудовищных результатов, дает уже достаточное основание для социальной революции. Но в действительности положение еще хуже, потому что показанный средний заработок, повидимому, довольно высокий, представляет один оптический обман. В самом деле, рабочий живет не один на свой заработок, он женится—это неизбежно. Таким образом, ему необходимо зарабатывать на свои собственные потребности и на прокормление своих детей. Может ли он это даже в странах, где средняя заработная плата наиболее высока? Нет, для рабочего это совершенно невозможно. Возьмем семью рабочего в пять душ; пусть отец и мать зарабатывают оба (хотя это не всегда возможно) и сосчитаем, сколько им нужно ежегодно на прожиток. Примем еще, что каждый ребенок, вновь народившийся, увеличивает общий расход семьи в среднем на 300 франков в год.

Так вот каков на этих основаниях баланс расходов и заработка в рабочей семье из пяти человек.

	Издержки.	Заработок.	Дефицит.
Соединенные Штаты . .	2,280 фр. ¹⁾	2,700 фр.	—
Англия	2,280 "	2,190 "	90 фр.
Франция	2,280 "	1,620 "	660 "
Германия	2,280 "	1,386 "	894 "
Швейцария	2,280 "	1,380 "	900 "
Бельгия	2,280 "	1,365 "	915 "
Австрия	2,280 "	990 "	1,290 "
Баден	2,280 "	975 "	1,305 "

¹⁾ Сумма в 2280 фр. вычислена для Европы. В Соедин. Штатах издержки значительно выше, потому что жизнь там по меньшей мере втрое дороже, чем в Европе, так что этого среднего заработка в сущности недостаточно для семьи в пять человек, и дефицит там не менее 100 фр.

Итак, семья в пять человек может кое-как прожить на свой обычный заработок только в Соединенных Штатах да в Англии. Во Франции она этого отнюдь не может; во всех остальных государствах она живет в полной нищете. Уменьшите, насколько можете, нашу смету расходов на квартиру, пищу, одежду и пр., допустите, что в некоторых странах цены на предметы необходимости ниже средних цен, вычисленных для Европы; спустите, если угодно, до 1600 фр. сумму годового расхода рабочей семьи в Швейцарии, Бельгии, Австрии, Германии,—и все же при всех этих поправках вы должны признать, что при настоящем обычном заработке в любом государстве невозможно просуществовать средней семье пролетария без мук голода, без того, чтоб она под конец не прибегала к нищенству.

Этого вывода собственно говоря достаточно для нашей цели; но мы должны осветить до конца занимающий нас вопрос. В сознании наших читателей может явиться основательная мысль, что средние величины заработной платы, послужившие основанием для наших расчетов и вычисленные из предельных величин, не могут иметь значения точного мерила рабочих доходов. И это в самом деле так: на известное количество рабочих, получающих заработок выше среднего, приходится миллионы других с заработком ниже среднего, и, следовательно, положение этих миллионов народа еще более несчастное. Во Франции, напр., где заработная плата больше, чем во многих других государствах, имеется множество рабочих, получающих только от 2—2½ фр. в день. В Италии то же самое. В Бельгии рудокопы местами должны довольствоваться 1½ фр. Мы уж не говорим о женщинах; их заработная плата, еще более низкая, равна ½—¾ франка в день.

Будем считаться здесь с положением только тех рабочих, которые зарабатывают в среднем 2 франка (таких 20 или 25 мил.), и сравним, как мы сделали это относительно крестьян,—стоимость всех добываемых за год продуктов земледелия и промышленности с общей суммой годовой заработной платы. Взятые по продажной цене в городах пищевые продукты представляют ценность по крайней мере

в 220 миллиардов франков¹⁾; с прибавлением сюда стоимости предметов промышленности, которая, как мы видели, составляет сумму в $814\frac{1}{3}$ милл., получим общую сумму в $1034\frac{1}{2}$ миллиарда. Приняв при распределении благ общее количество людей попрежнему в 387 миллионов, мы можем построить следующую сводную таблицу:

Стоимость всех продуктов, приходящихся на одного человека по сравнению с потребностями и средней заработной платой одного человека в 1887 г.

	Производит.	Потребн.	Зараб. пл.
Пищевых продуктов . . .	567 фр.	250 фр.	„
Мануфактурн. товаров . .	2,104 „	400 „	„
<hr/>			
Сумма . .	2,671 фр.	650 фр.	600 фр.

Из этой таблицы следуют два крайне важных вывода.

1) При равном распределении каждый рабочий мог бы получить продуктов на 2,671 фр.; в действительности он их получает на 600 франков и меньше.

2) При своем обыкновенном заработке в 2 фр. и меньше работник не может оплачивать даже первых потребностей в пище и одежде; у него получается 50 фр. дефицита по этим статьям и 180 фр. дефицита, если прибавить расход на наем квартиры.

В последнем результате всего нашего анализа мы приходим к такому убийственному выводу: при дневном заработке в 2 франка рабочий не может просуществовать даже один без жены и детей, без всяких других естественных обязательств. Рабочий, которому не хватает 180 фр. на строго необходимое, неизбежно вынужден либо совершенно отказаться от собственной квартиры, если предпочитает есть и одеваться, либо отказаться от пищи и других предметов первой необходимости, если по обстоятельствам он не может обойтись

¹⁾ Чтоб вычислить эту общую сумму, мы естественно приняли те же цифры, как и при вычислении стоимости содержания одного человека в год.

без своей квартиры. Для несчастного этой категории (повторяю, очень многочисленной) 180 фр. дефицита составляют стоимость хлеба, потребляемого им в 276 дней; отнятые же равномерно от трех статей расходов (квартиры, пищи, одежды), 180 фр. дефицита обуславливают неслыханную сумму лишений и страданий, которую возможно выразить только следующими двумя словами: мрачная нищета!!

V.

Статистика нищеты.

Как велико количество несчастных, которых недостаточный заработок обрекает на нищету и бѣдствия? Никакие статистические исследования не дают тут точной цифры, потому что ни одно правительство не сочло нужным сделать соответствующее исследование, которое только нагляднее обнаружило бы весь позор современного общественного строя. Тем не менее, некоторые официальные данные позволяют косвенным путем оценить вероятное количество несчастных бедняков.

Во-первых, для нас тут полезны официальные списки нуждающихся, составляемые в разных странах государством, коммунами или приходами.

Вот общее количество нуждающихся, полученное нами по главным странам Европы:

Германия (1881 г.)	1,560,000
Франция (1882 г.)	1,449,330
Италия (1881 г.)	1,365,000
Австро-Венгрия (1880 г.)	1,220,000
Нидерланды (1880 г.)	1,012,000
Великобритания (1883 г.)	1,010,000
Испания и Португалия (1880 г.) . . .	600,000
Скандинавия (1880 г.)	300,000
Швейцария (1880 г.)	140,000
Всего	8,656,330

Таким образом, в настоящее время в Европе, — не считая необъятной России, — имеется 9 миллионов официально

признанных нищих. Допустите, что Россия с ее ста-миллионным населением может выделить только двух нуждающихся из каждой сотни жителей,—расчет более чем скромный,—и вы получите для Европы сумму в 11 милл. круглых бедняков; прибавьте еще 1 миллион на Соедин. Штаты и вы будете иметь 12 миллионов голодных нищих в так называемых цивилизованных странах мира. Эта цифра 12 миллионов успела значительно возрасти за последние два десятилетия, и можно смело утверждать, что в настоящее время имеется больше 13 миллионов людей, вынужденных обращаться за поддержкой к государству, к коммуна или общественным учреждениям. По этому расчету около одной тридцатой населения вышепоименованных стран живет в нищете!

Но даже это огромное количество бедняков далеко ниже ее действительных размеров. В самом деле, официальные бедняки, живущие на пособие, составляют ведь только малую долю всех нищих. Рядом с бедняками, которые под гнетом неумолимой нужды решились наконец вписаться в официальные списки, есть огромное множество людей, которые из естественной гордости отступают перед этим своеобразным включением в полицейские списки, предпочитая лучше страдать и умирать от голода, чем протягивать за подаaniem руку в начальству разных учреждений. И таких—легионы, потому что—к счастью для человечества—в массе пролетариата, которую буржуазия топчет своими ногами, сохранилось удивительно сильное чувство человеческого достоинства: эти массы полуголодных людей сохраняют в глубине души чувство самоуважения. Государство еще не успело включить их в армию воспособляемых, которую она порабощает куском хлеба и тем держит в покорности под своим ярмом. Чтобы вычислить истинную численность обездоленных, нужно знать сумму не только официальных, но и скрытых нищих. К несчастью, такой переписи, как мы уже указали, пока не сделано, и мы остаемся при одних догадках. Мы, тем не менее, думаем, что путем изучения данных о заработной плате в разных странах, как в земледелии, так и в промышленности, возможен приблизительный подсчет всех

нищих и нуждающихся. Мы посвятили этой задаче продолжительный труд сравнения и вычислений и считаем себя в праве утверждать, что нижеследующие наши цифры весьма близки к действительности.

Количество бедных в Европе и Соединенных Штатах в 1887 г., вычисленное по размеру заработных плат:

Крестьян	50 миллионов.
Рабочих	20 „
<hr/>	
Всего	70 миллионов.

Таким образом, согласно нашим вычислениям, все количество бедных на 58 милл. больше, чем его признают официальные статистики. На первый взгляд наша цифра может показаться преувеличенной, но те из читателей, которые пожелаю бы проверить наши вычисления собственными изысканиями, придут к подобным же результатам. Пусть всякий, имеющий сомнение, выполнит самостоятельно следующую маленькую перепись: пусть он сосчитает количество нуждающихся в районе своего жительства, пусть затем вычислит отношение числа нуждающихся к общему числу жителей района и он убедится, что его и наши данные находятся в согласии.

Как бы то ни было, но несомненен тот факт, что нищета масс раз'едаст современное общество, подтачивает его основания. Официальная статистика признает только 12 милл. голодающих, которым общество время от времени бросает обглоданную кость для того, чтобы они продолжали терпеть. Пусть так; нам довольно казенной цифры; мы не нуждаемся в других данных для подкрепления выводов, которые с непреодолимой силой надращиваются сами собой.

VI.

Заключение.

Когда вы беседуете о социальном вопросе с одним из тех буржуа, которые, хорошо пообедав, находят, что все идет к лучшему в этом наилучшем из миров, то такой собеседник

ге преминет вам высказать, что нищета на этом свете—не больше, как незначительное исключение, „совершенно ничтожная величина“. Если вы в ответ на это сунете ему под нос официальную статистику с ее 12 миллионами бедных, он принужден будет признать, что количество несчастных совсем не так ничтожно, как он думал, но все-таки не потеряет своей самоуверенности и снисходительно станет перечислять вам все мероприятия государства, направленные к тому, чтобы вырвать нуждающихся из нищеты. Он в заключение скажет примерно так: „вы видите, что я прав; нищеты вовсе нет в действительности, потому что о каждом бедняке заботятся коммунальные „приходские власти“. Послушать его, так участь нищих покажется чуть не завидной: ведь у них всего одна забота—являться каждый день за получкой всего нужного для существования; общество предусмотрело сполна все их потребности. Бесполезно говорить, что действительность стоит в полном противоречии с этой идиллией. То, что называют общественным призрением, представляет один из величайших обманов нашего времени: редко столь пышные слова прикрывают такое жалкое содержание.

Все государства цивилизованного мира можно разделить на три группы с точки зрения принятых в них форм общественного пособия. Есть государства, как Англия, где бедные запираются в рабочих домах и обязаны работать, подобно преступникам, под надзором суровых надсмотрщиков. В этих *домах милосердия* царит такой же суровый режим, как в тюрьмах. Забота о бедных в Англии сводится к лишению их свободы.

Ко второй группе относятся государства, которые, подобно Франции, не имеют рабочих домов, а помогают нуждающимся регулярными или неправильными денежными подачками. В них имеются так называемые *бюро благотворительности*, учрежденные государством, которые более или менее удачно распределяют пособия. Эта вторая система общественной помощи на первый взгляд представляется менее дурной, но результаты ее деятельности могут считаться отрицательными, до такой степени они ничтожны.

Есть, наконец, третья категория стран—их типичным представителем является Швейцария—где заведывание общественными пособиями лежит непосредственно на коммунах вне контроля и влияния государства. Каждая из коммун обязана по закону помогать всем нищим, существующим в ее пределах, и в соответствующих случаях кормить их. В теории это наилучшая система помощи, но на практике она не лучше остальных двух. В самом деле, всякая коммуна старается как можно меньше тратить на пособия и чтобы избавиться от этой неприятной повинности, она прибегает к таким приемам, которые были бы смешны, если б не были так гнусны. В этом отношении в Швейцарии имеют место факты, которым трудно подобрать название. Самым возмутительным является замаскированная продажа детей, которая часто практикуется в некоторых кантонах и во французской Швейцарии носит название *поставок* (*mises*). Если после смерти бедняка остаются сироты без всяких средств, то их должна прокормить коммуна, которая выходит из затруднительного положения, помещая детей у лиц, соглашающихся принять их за небольшое вознаграждение. Детей выводят на публичный торг и кто согласен на наименьшее вознаграждение, тот и уводит их к себе, чтобы пользоваться ими по своему усмотрению. Эти сироты попадают в настоящее рабство, когда их помещают у жадных фермеров, заставляющих работать постоянно, чтобы возместить издержки на их содержание и получить сверх того возможный барыш. Особенно возмутительно в этом варварском явлении то, что очень часто воспитывают таким образом детей, отрывая их от собственной матери под предлогом, что она слишком бедна, чтоб их прокормить. Вот сообщение, появившееся в апреле 1885 г. во всех газетах французской Швейцарии и повествующее подобного рода факте:

„Поставка детей“

„Бернские газеты доставили нам новое сообщение об одной из таких возмутительных „ставок“, все еще практикуемых в некоторых кантонах, в том числе и в нашем. Пора бы воспретить их законом как можно скорее. Один бедный че-

ловец, проживавший в округе Маш, рабочий газового завода г. Биена, внезапно умер несколько дней тому назад. Раньше мужа тяжело заболела жена его. Она оправилась, но после смерти мужа оказалась в крайней нужде с пятью детьми на руках. Машская коммуна решила *пристроить* их с помощью „*поставки*“. Торги произошли 14 апреля. Несчастливая мать, в неописуемом волнении, присутствовала при торгах и постоянно прерывала судебного пристава. „Мальчик десяти лет! Кто возьмет мальчика на пансион до конца года?“ Любители обсуждали дело между собою: мальчик мог бы пригодиться для собирания навоза по дорогам... Но он слишком оборван и т. д.

— За сколько?

— 40 франков!.. 35!.. 30!.. 26!..

— Уступается за 26 франков!

Мать протестует. Она желает ходить за своим сыном за 20 фран... бесплатно... Пусть оставят при ней ее детей... Она ничего не просит... Завтра наконец она уйдет из коммуны!..

Ей говорят, чтобы замолчала, что она не вправе делать заявлений.

Торги продолжаются в том же духе на трех остальных детей.

Мать не перестает плакать, кричать, протестовать. Но тем не менее вскоре все несчастные крошки были *размещены*. Девочка 8 лет за 31 франк, другая 6 лет за 40 фр., третья едва двух лет за 70 франков... Одно лицо, присутствовавшее при этой варварской сцене по совершенно другим мотивам, с чувством отвращения к происшедшему решилось спросить, не человечнее ли было бы отдать матери ее детей и ту денежную сумму, которую теперь приходится платить в несколько мест за их содержание.

— Она не могла бы никогда *обернуться на эту сумму!*— был ответ. Мать не могла бы прокормить детей своих на плату за пансион, выплачиваемый посторонним? Но ведь эти посторонние участвуют в торгах не из жалости или благородства, а делают это ради барыша, хотя бы самого ничтожного барыша. И такие-то будут растить несчастных детей! Как же они это выполняют? Как назвать законополо-

жение, которое под предлогом общественного пособия дает коммуна полномочия лишить мать ее прав на собственных детей и вырывать у нее ее двухлетнюю девочку, чтоб отдать в чужие руки?"

Вот в чем состоит общественное пособие в *свободной* Швейцарии, которая избрала своим девизом: *один за всех и все за одного*, и которая является в некоторых отношениях странюю наиболее близкой к политическому идеалу.

Нам возразят, что в других странах системы общественной помощи не такие варварские, но если бы мы захотели близко изучить, как поставлено это дело везде, то точно также всюду нашли бы возмутительные факты только в другом роде. Наконец, общественные пособия совершенно не достигают цели, хотя бы по крайней своей недостаточности. Это доказывают ничтожные суммы, расходуемые в разных странах подобными учреждениями. Так, например, Франция на $1\frac{1}{2}$ миллиона официальных бедных тратит 33 миллиона франков; из этой суммы 5 миллионов уходит на администрацию, остается 28 миллионов, или менее 20 франков на человека. Вы вообразите себе, что может сделать бедняга, пухнувший с голоду, на пособие в 20 фр. в год.

Заметьте еще, что во всех странах официальная милостыня приблизительно такая же.

Законное Развитие и Анархия.

Предисловие.

Печатаемый под этим заглавием перевод письма Элизе Реклю, написан его товарищу по изгнанию после Парижской Коммуны, Э. Бо (E. Beaux), жившему тогда в Аргентинской республике, в Буэнос-Айресе. Под влиянием учений Фурье, Бо очевидно писал Реклю, спрашивая,—не лучше ли было бы заняться мирным строительством рабочих производительных и потребительных ассоциаций,—чем отпугивать людей страшным словом „Анархия“ и революцией?

Свой ответ Реклю напечатал в 1878-м году под заглавием „L'Evolution légale et l'Anarchie“ („Легальная Эволюция и Анархия“) в издававшемся им, вместе с Лефрансэ и Н. Жуковским журнале „Le Travailleur“ („Работник“). Но его несомненно прочтут с живым интересом, многие задающиеся теперь, в России, вопросом,—куда направить свои силы?

П. Кропоткин.

Законное развитие и Анархия.

Друзья,—слово „Анархия“ вас пугает. Вы не решаетесь употреблять его, так как боитесь оттолкнуть от себя людей, одушевленных хорошими намерениями, но не решающихся соединиться с нами. Вы опасаетесь, больше всего, ~~как~~ бы не быть совершенно выброшенными из Государства: законная эволюция представляется вам гораздо более надежной.

Революционный социализм вы считаете опасным, потому, что он не может избежать диктатуры; но вы верите в движение рабочих ассоциаций и надеетесь, что при его помощи можно будет достичь перехода капитала из рук капиталистов в руки рабочих. Вы надеетесь, что народ и буржуазия, в конце-концов, заключат мир, и в мечтах о будущем вы уже предвидите новое 14-е июля (годовщину взятия в Париже Бастилии, в 1789 году), когда совершится примирение народов с верхними классами.

Конечно, слово „Анархия“ может отпугивать тех, кто видит в нем только беспорядок, только жестокую, беспцельную борьбу; но мы держимся первоначального смысла этого слова, который честно объясняется во всяком словаре; а именно: „Отсутствие правительства“. Не желая уродовать установившийся язык, мы пользуемся словом „анархия“, хотя и жалеем, конечно, что в ходячем языке нет выражения, менее изуродованного неразумным употреблением.

С другой стороны, слово „анархия“ вполне может быть принято теми, кто интересуется социальным вопросом. В сказках, все чудесные сады, все дворцы волшебниц охраняются свирепыми драконами. Дракон же, охраняющий вход в анархический дворец, не имеет в себе ничего ужасного, *кроме слова*; так что если кто боится слова, то бесполезно уговаривать его. У людей, которых может отпугивать слово, никогда не будет достаточно смелости, чтобы *обсудить дело*.

Они, увы, будут жить в своих предрассудках, со своими привычками, со своими ходячими словами, и будут толковать, на истинно-официальном языке, о „социальном чудовище“.

Теперешнее общество, дошедшее, так сказать, до границы двух миров, полно самых странных противоречий: и вот где царит вполне „анархия“—в ходячем смысле этого слова.

Войдите, например, в любую высшую школу. Вы услышите, что профессор, говоря студентам о Декарте, рассказывает им, как великий философ начал с того, что произвел *всеобщую чистку* (*tabula rasa*), отказавшись от всех предрассудков, от всех „свыше внушенных“ понятий, от всех философских систем. Профессор хвалит его за то, что у него хватило умственной силы и смелости на такую ломку и прибавляет, что именно с той минуты, как было произнесено слово безусловного отрицания,—началось освобождение человеческой мысли. Но у этого самого профессора нашлись бы только восклицания ужаса, если бы студенты вздумали последовать примеру его героя. Мы же, следуя примеру Декарта, который первый посмел назваться анархистом, делаем тоже *всеобщую чистку* предрассудков, тяготеющих над человеческими обществами и освобождаемся от векового повиновения той нравственности, которую хозьева во все времена внушали своим рабам.

Впрочем мы не во всем последуем за Декартом. Если бы—последнего того, как он окончательно отверг Бога, Декарт снова не стал бы восстанавливать почитание его, со всем его синклитом, духовным и светским, и таким образом осторожно не прошел бы весь прежде пройденный им путь в обратном направлении, то ни князья, ни республики не дали бы ему убежища, и самое имя его было бы навсегда проклято. В университетах, конечно, его не ставили бы в пример студентам.

Что-же до нас, анархистов, то не смотря на преследования, которые не жалеют для нас и не смотря на сыплющиеся на нас проклятия, мы не считаем нужным снова строить государство, от которого мы умственно освободились. Впрочем, вы конечно согласитесь, что это здание—такое, какое оно есть—достаточно безобразно, и вы поймете наше желание его разрушить. Мы вполне достаточно терпели этих помазаников божьих, этих поверенных, ответственных и безответственных; этих законодателей, либо присвоивших себе

верховную власть, либо получивших свою долю власти от стада избирателей; этих священников представителей Бога на земле, обещающих местечко в раю тем, кто становится их рабами; и наконец этих собственников и хозяев, располагающих трудом, а следовательно и жизнью, громаднейшей толпы слабых и бедных. Не нужно нам больше их религиозных предписаний и их яко бы нравственности, которые порабощают наши умы и удерживают их в рабстве; довольно с нас ужасных нравов и обычаев, которыми отличается наиболее уважаемое и вместе с тем худшее из всех правительств, как это недавно доказал множеством фактов философ Герберт Спенсер. Но нельзя ли перестроить экономический строй мирным путем,—бесшумно, так сказать, при помощи ассоциации? (*)—понятно что анархисты, более кого-либо, должны рассчитывать на силу Союзов, раз они ждут так многого от свободного соглашения между свободными людьми; но они не верят, чтобы союзы кооператоров были в состоянии совершить серьезную перестройку общества. Попытки, в этом направлении,—без сомнения полезны, и мы должны радоваться, тому что мы дожили до того, чтоб увидеть их; но этого одного недостаточно, чтобы правильно судить об этих попытках.

Человеческое общество представляет целое, которого мы не можем перестроить, перестраивая одну из его составных частей. Не атаковать капитала, оставлять нетронутыми бесчисленные привилегии, из которых строится Государство, и воображать что таким путем можно будет вызвать к жизни здоровый организм на этом пагубном фундаменте,—все равно, что выращивать розу на ядовитом растении.

История рабочих ассоциаций—достаточно длинна, и мы узнали из нее, как в таких делах успех бывает опаснее неудачи. Неудача есть опыт, позволяющий тем кто его проделал, снова возвратиться в великий поток жизни и революции, тогда как успех бывает пагубен! Ассоциация, успешно зарабатывающая деньги и становящаяся собственником, роковым образом подчиняется условиям Капитализма и становится буржуазной, она учитывает векселя, преследует

*) Под именем ассоциации Реклю, конечно, понимал здесь союзы продовольственные и потребительные в том смысле, как их понимал Фурье, которые должны были стать ячейками для создания нового социалистического строя.— П. К.

по суду своих должников, обращается к адвокатам, сдает свои капиталы в банки, спекулирует на общественных бумагах, увеличивает свои капиталы и не использует их, причем капиталы служат чтобы обирать бедноту.

Если она богатеет, она неизбежно вступает в братство привилегированных и становится финансовою компаниею, которая вынуждена отталкивать от себя тех, у кого ничего нет кроме пары рук для работы. Отделившись от народа, ставши наростом на обществе, она сама слагается в государство. Вместо того, чтобы оказывать поддержку революции, она яро противится ей; все что у нее было сил в начале своей жизни, она обращает против своих бывших друзей,—не смотря на все доброе расположение своих членов; она переходит в неприязельский лагерь: она обращается в шайку изменников.—Нет, друзья! ничто не развращает нас больше, чем успех! До такой степени, что покуда наша победа не будет *победою всех*, лучше нам не знать успеха: лучше оставаться побежденными *).

Вы думаете, что всеобщего обновления можно достигнуть при помощи буржуазии, —конечно мелкой буржуазии, которой немедленные интересы тождественны с интересами рабочих?—и это, сдает-

*) Кооператоры в России, отказавшись от выдачи своим членам дивиденда взятого из прибыли своих предприятий, сделали громадный шаг вперед, чтобы избавить себя от упрека, делавшегося им сорок лет тому назад нашим умершим другом. Но из его критики остается одно. Как ни велико воспитательное значение производительных союзов, *одних их недостаточно*.

Но не говоря уж о том, что всякое правительство неизбежно стремится к тому чтобы сосредоточить в своих руках управление производительными силами страны и, по той или другой причине, или под тем или другим предлогом, оно всегда может положить конец свободному строительству жизни если не встретит противодействия этому шагу. Но кроме того, производительные союзы не покрывают двух, весьма важных частей жизни общества —правительственной администрации и образования. И если поклонники централизации, не встретят настоящего отпора, то их идеи, поддерживаемые всем религиозным и умственным наследием мыслителей, духовенства и правителей со времен древности до сих пор, возмут верх и сами ассоциации заразятся ими. Нужно, чтобы в обществе создалось и жило сильное, противу-централизаторское и противу-государственное течение, чтобы неустанно бороться с захватчиками власти и поклонниками единовластия,

ся мне, опасное заблуждение. Никогда не полагайтесь на касту, и всего менее на эту касту, потому что она считает себя рожденною, чтобы пользоваться привилегиями и, вследствие этого, естественно, разделяет предрассудки и стремления привилегированных. Без сомнения, мелкая буржуазия—как и все люди—много выиграла бы если перед нею больше не стояла постоянная угроза нищеты; несомненно верно, что в новом, перестроенном обществе она получила бы возможность, которой лишена теперь, достигнуть полного развития и не быть вынужденной вечно выпрашивать себе нужные для этого средства. Но в ней есть одна особая, развращающая причина, не существующая у тех, кто вынужден жить работой своих рук, т. е. у крестьян и рабочих. Это ее презрение к ручному труду.

Благодаря своему образованию, буржуа, как крупный, так и мелкий, считает унижением надеть рабочий хомут: его идеал—сохранить свои руки девственными от труда: он раб своего сюртука и своих привычек, дающих ему место среди „господ“; нет унижения которого он не вынесет, чтобы остаться в своем сословии; нет низости, от которой он откажется, лишь бы кроме хлеба, но получил право быть своим человеком среди привилегированных и управителей. Его родители, учителя, друзья,—все они, указывали ему на эту цель, как на единственно-достойную его возжеланий. Трудно даже вообразить себе все мелкие притеснения, которые должны вынести чиновник, „кандидат на должность“, все мелкие низости, требуемые от него, раньше, чем его примут в класс мандаринов. А раз он пройдет через эту давилку, у него уже не остается спинного хребта, не сгибающегося на поклоны. Ничего не ждите от него: он уже более не человек. Перебежчики из стана буржуазии будут приходить к нам, и будем надеяться, что они будут все более многочисленны; но чтобы к нам перешло их сословие, их каста—это невозможно.

Вот почему мы—„уравнители“. Мы считаем, что должны исчезнуть касты, сословия, со всеми их неравенствами, установленными законом; и—не политическим соглашениям, не частными постановлениями, не попытками частных улучшений надеемся мы ускорить день социального переворота. Лучше прямо идти к нашей цели, не увлекаясь побочными, извилистыми тропинками, где теряется из вида конечная цель. Оставаясь ис-

крепно анархистами, врагами государства во всех его видах, мы имеем то преимущество, что никого не обманываем; а главное—мы не обманываем самих себя. Под предлогом осуществления малой части нашей программы,—хотя и с сожалением, что нарушаем другую ее часть, мы не станем вводить себя в искушение желанием попасть во власть, или хотя бы даже желанием взять в ней нашу долю и мы избегнем таким образом, скандала „обращений“, которые готовят столько властолюбцев, у столько убивают веру в лучшее будущее, и так глубоко развращают народную совесть.

Между тем, если бы мы стали поддерживать идею государства, подобные „обращения“ были бы неизбежны. Как только революционер „достигает“ и попадает в какую нибудь правительственную раковинку, он естественно перестает быть революционером; превращение его в консерватора, в „охранителя“, становится неизбежным. Из защитника угнетаемых, он быстро обращается в угнетателя; раньше он возбуждал народ,—теперь же он работает над тем, чтобы обессилить его. Называть по именам совершивших этот переход—нет надобности: современная история называет их. И как же могло-бы этого не быть? „Место“ делает человека. Вся машина, вместе взятая определяет работу отдельных ее частей. Как это давно уже заметил известный дипломат, Роберт Вальполь: „Интересы управителей всегда противоположны интересам управляемых“. Тот, кто становится членом правительства, неизбежно становится, в силу этого, врагом народа.

Если мы хотим всегда быть полезными нашему делу—делу угнетаемых и побежденных,—научимся никогда не выходить из наших рядов. Ни в каком случае мы не должны отделяться от товарищей, даже под предлогом быть им полезными; пусть наши объединения всегда будут свободными союзами, и наша дисциплина—всегда добровольною. Честный человек всегда должен объявить стачку, как только речь зайдет о даровании ему титула, власти, делегатства, ставящего его выше других и избавляющего его от какой-либо доли ответственности. Тогда только революционные силы не будут распылены и народ не будет вынужден постоянно посылать ко власти начальство, чтобы оно его-же угнетало. Вся история человечества не изображается-ли камнем Сизифа, который катился вниз на него самого, после того, как Сизиф с громадным трудом, успевал докатить его до вершины горы?

Что же касается до тех, в ком сидит достаточно рабства, чтобы искать себе хозяев,—пусть они их ищут! Без хозяев они еще долго не останутся. С правительствами происходит тоже, что с религиями. Вы встречаете тысячи людей, говорящих всем с торжественным видом;—„Если бы все были такие-же, как я, тогда конечно не было бы нужды в правительстве; но для народа оно необходимо. Точно также можно было бы обойтись без религии, но она полезна для женщин и детей“. И таким путем поддерживаются правительства и религии. Мы-же, дорожим в высшей степени свободой для себя, дорожим ею и для других; мы не хотим иметь хозяев и не хотим чтобы одни хозяйничали над другими. Что бы ни говорили защитники государства, мы знаем, что со временем солидарность т. е. их взаимная зависимость, и громадные выгоды, предоставляемые свободною коммунальною жизнью будут совершенно достаточны, чтобы поддерживать жизнь общественного организма. Лишь бы ее постоянно не нарушали фантазии правителей, бросающие народы туда и сюда, как несчастные стада.

Конечно, с нашей стороны было бы большим заблуждением, если бы мы, в нашем увлечении, полагались на внезапное развитие людей в направлении анархии. Мы знаем, что получаемое людьми образование, полное предрассудков и лжи, долго еще удержит их в рабстве. По какой „Лестнице“ образованности им придется пройти, раньше чем они поймут, наконец, что они могут обойтись без пуг на ногах и без цепей,—этого мы не знаем; но судя по теперешним временам, этот путь будет долгий. В то время как духовенство и наставники в школах согласно работают, чтобы поддерживать общее невежество, а генералы, чиновники и полиция со своей стороны развивают дух подчиненности,—те кого народ считает своими защитниками, обещают ему, что они создадут „прочную власть“, способную защищать священные интересы религии и собственности. Не видели ли мы недавно что собрание, называющее себя республиканским, единогласно голосовало, чтобы выразить благодарность „благородному воинству“ за то, что оно картечью разстреляло гридцать-пять тысяч пленных и убивало штыками женщин и девочек *)

*) Реклю говорит здесь о Версальской палате. В 1871-м году, после разгрома Парижской Коммуны, она действительно выразила благодарность войскам, которые разстреливали из тогдашних пуле-

Не видели ли мы также как другое собрание, еще более „республиканское“ доказало свою „мудрость и честный здравый смысл“, держа тюрьмы и каторгу полными республиканцев, в то время как оно ухаживало за королями всего света? Все наши законодатели—когда те ярые члены революционных клубов—не обратились-ли они уже в маркизов?

Сколько бы лет, десятилетий или веков ни отделяло нас, и не должно отделять, от окончательной революции, мы тем ни менее, все с той же верою будем работать для начатого нами дела. Мы будем с глубоким интересом изучать современную историю, но мы не примем в ней такого участия, которое было бы изменою нашим убеждениям.—„Пусть“ мертвые хоронят мертвых!“ пусть кандидаты ко власти расхваливают свои планы улучшений в государственном управлении; мы же направим все наши усилия на то, чтобы увеличивать число имеющих в обществе равных и свободных элементов, хотя бы эти элементы были еще разрозненны и отрывочны.

Дело, за которое мы взялись, вовсе не пустая мечта потому, что в тысячах точек это дело уже готовится,—как бывает в химическом растворе, когда в нем начинают уже образовываться тысячи мелких кристалликов, раньше чем вся масса не обратится в твердое тело. Взгляните на великое множество союзов—земледельческих, промышленных, торговых, научных, литературных, художественных, возникающих повсеместно: не служат-ли они доказательством перемены, совершающейся в умах и толкающей нас все более и более в направлении обобществленного труда? А всеобщий упадок старых правил религий и казенной нравственности и рост свободной мысли,—не доказывают-ли они и рост самоуважения в каждой отдельной личности? и не увеличивается-ли каждодневно число вольных социалистов, живущих как равные, без всяких вождей, дающих им лозунги, без обязательных законов и без всякой другой связи, кроме сознания общего долга, взаимного уважения и сочувствия? Наконец, среди недавно совершившихся событий, разве нет таких которые повидимому предвещают новое будущее? не нам хвалить—Парижскую Коммуну, так как мы сами в ней участвовали, но ее исто-

метов (митражез) сдавшихся защитников Коммуну в числе 35.000 человек и убивали холодным оружием захваченных ими жеман. П. К.)

рия далеко еще не написана; никто еще не рассказал, как в этом кипучем котле зарождался уже целый новый порядок вещей, в котором все попы, полицейские и капиталисты более не были у власти. А там, далеко в России,—какое великое зрелище представляют собою эти молодые люди и молодые героини, бросающие свое положение в обществе, свое состояние и бесчисленные радости жизни, науки и искусства, чтобы идти в народ и кончать жизненный путь в тюрьмах и в рудниках! Об'единению всех этих разрозненных зачатков великого будущего общества мы и должны посвятить свои силы.

День этого праздника придет: и праздновать будут тогда не только федерацию народов, но торжествовать будут, об'единение людей—свободных и живущих без хозяев, осуществляющих пророчество великого нашего предка, Рабле: *Делай то, что хочешь!*

Оглавление.

	стр.
Эволюция, Революция и Анархический Идеал	3.
Анархия	163.
Анархия и Церковь	123.
Моему брату-крестьянину	136.
Богатство и Нищета	145.
Экономическое развитие и Анархия	195.

Книгоиздательство СОЮЗА АНАРХО-СИНДИКАЛИСТОВ „ГОЛОС ТРУДА“.

Петербург. Пр. Володарского, 56. Москва. Тверская, 70.

Выпущены в свет следующие книги и брошюры

- М. Бакунин.**—Избран. соч. т. I. Государственность и Анархия, с биографич. очерком В. Черкезова
- Его-же.**—Т. II. Кнуто-Германская Империя и Социальная Революция, с предисловием и примечаниями Дж. Гильома.
- Его-же.**—Т. III. Бернские Медведи и Петербургский Медведь; Речи и Статьи по Славянскому Вопросу; Народное Дело; Речи на Конгрессах Лиги Мира и Свободы; Федерализм, Социализм и Антиатеологизм
- Его-же.**—Т. IV. Организация Интернационала; Политика Интернационала; Письма о Патриотизме; Письма к французам; Парижская Коммуна и понятие о Государственности.
- Его-же.**—Бог и Государство (разошлось).
- Дж. Баррэт.**—Анархическая Революция.
- А. Боровой.**—Личность и Общество в Анархистском Мировоззрении.
- Дж. Гильом.**—Карл Маркс и Интернационал.
- Ж. Грав.**—Будущее Общество.
- Его-же.**—Синдикализм в общественном развитии.
- Виктор Дав и Жорж Ивто.**—Фернанд Пеллутье и Революционный Синдикализм во Франции.
- С. Заяц.**—Как мужики остались без начальства.
- Ж. Ивто.**—Азбука Синдикализма (разошлось).
- М. Корн.**—Революционный Синдикализм и Анархизм; Борьба с Капиталом и Властью; и др.
- П. Кропоткин.**—Записки Революционера. Под редакцией автора и с предисловием Георга Брандеса.
- Его-же.**—Речи бунтовщика, с предисловием и послесловием автора к новому изданию.
- Его-же.**—Хлеб и Воля, с предисловием автора к новому изданию.
- Его-же.**—Современная Наука и Анархия (перевод под редакцией автора).
- Его-же.**—К чему и как прилагать труд ручной и умственный (сокращенное изложение книги „Поля, фабрики и мастерские“).

- Его-же.—Анархия.
Его-же.—Анархическая работа во время Революции.
Его-же.—Коммунизм и Анархия.
Его-же.—К молодому поколению (разошлось).
Его-же.—Политические права.
Его-же.—Новый Интернационал.
Н. К. Лебедев.—Элизе Реклю, как человек, ученый и мыслитель.
Его-же.—К истории Интернационала. Этапы международного объединения трудящихся.
Э. Малатеста.—Избранные сочинения.
Его-же.—Анархизм.
Его-же.—Краткая Система Анархизма.
Его-же.—Крестьянские речи.
М. Неттлау.—Жизнь и деятельность Михаила Бакунина.
Его-же.—Взаимная ответственность и солидарность в борьбе рабочего класса.
Э. Пато и Э. Пуже.—Как мы совершим революцию, с предисловием П. А. Кропоткина.
Ф. Пеллутье.—История Бирж Труда.
М. Р—ский.—Франциско Феррер и его Новая Школа.
Элизе Реклю.—Избранные сочинения (с предисловием П. А. Кропоткина)
Свободное Трудовое Воспитание. Сборник статей под редакцией Н. К. Лебедева.
В. Траутман, Дж. Эттор и В. Сэнт-Джон.—Производственный Синдикализм (Сборник статей об индустриализме, с предисловием А. Шапиро).
С Фор.—Преступления Бога (второе изд.)
В. Черкезов.—Предтечи Интернационала; Доктрины Марксизма; Распад среди социалистов государственников; Наконец-то сознались (ответ Каутскому).
-

Печатаются и в скором будущем выйдут в свет

- М. Бакунин.—Избранные сочинения том V: „Альянс“ и Интернационал. Интернационал и Мадзини.
Дж. Гильом.—Интернационал (Воспоминания и Материалы) в четырех томах.
П. Кропоткин.—Поля, Фабрики и Мастерские.
Его-же.—Справедливость и Нравственность.
Его-же.—Взаимная Помощь.
-

Книгоиздательство
СОЮЗА АНАРХО-СИНДИКАЛИСТОВ

„ГОЛОС

ТРУДА“.

Петербург. Пр. Володарского, 56. Москва. Тверская, 70

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ:

Серия биографических очерков:

Н. Проферансов о Прудоне; А. Суши о Ландауэре.

К Н И Г И:

Эмма Гольдман.—Анархизм.

Жан Грав.—Свободная Земля.

П. Кропоткин.—Этика.

Г. Ландауэр.—Призыв к Социализму.

П.-Ж. Прудон.—Об общей идее Революции.

Э. Пуже.—Избранные сочинения по вопросам Синдикализма.

Эли Реклю.—Парижская Коммуна из дня в день (Дневник событий 1871 года).

Л. Фаббри.—Синдикализм и Анархизм.

Б Р О Ш Ю Р Ы:

Ф. Барвик.—Коммунистическое построение синдикализма в противовес партийному коммунизму и Государственному Социализму.

П. Кропоткин.—Парижская Коммуна.

Его-же.—Государство, его роль в истории.

Ф. Эртер.—Чего хотят синдикалисты.
